

Ян Флеминг

Бриллианты вечны

1. Начало цепочки

Из узкой, в палец толщиной, щели под камнем, сухо зашелестев и выставив вперед, подобно борцу, обе свои боевые клешни, выполз большой скорпион.

Перед щелью была небольшая гладкая площадка твердой земли, в центре которой остановился скорпион, замерев, покачиваясь на кончиках своих ножек. Его нервы и мускулы были напряжены, он был готов к моментальному отступлению, чутко ловя любые колебания воздуха, которые и должны были определить его следующий шаг.

В пробивающемся сквозь густые заросли терновника свете луны его панцирь казался темно-синим, почти матовым. В лунном свете тускло блеснуло влажное белое жало, выступающее из самого кончика хвоста, зависшего сейчас над спиной полуфутового членистоногого.

Скорпион медленно втянул жало, нервные окончания ядовитой железы расслабились. Он принял решение. Жадность победила страх.

В полуметре от скорпиона на дне крутого песчаного откоса полз маленький жучок, единственным желанием которого было поскорее перебраться из терновника на новое, побогаче, пастбище, а бросок скорпиона вниз по откосу был слишком стремительным, чтобы дать жертве время раскрыть крылья. Жук протестующе задергал ножками, но острая клешня уже ухватила его, жало выгнувшегося через голову хвоста впилося в него, и в ту же секунду он был мертв.

После того, как с жучком было покончено, скорпион простоял не шевелясь минут пять. За это время он определил, кто стал добычей, и вновь старался уловить враждебную вибрацию земли и воздуха. Убедившись, что опасность ему не угрожает, он бросил почти разрезанного пополам жучка, выпустил хелицеры и вонзил их в мертвое тело. Затем почти целый час разборчиво и привередливо он пожирал свою жертву.

Куст терновника, под которым скорпион убил жучка, сразу же бросался в глаза на фоне холмистого вельда, находящегося милях в сорока от Кисиругу, в юго-западном уголке французской Гвинеи. По всей линии горизонта видны были лишь холмы да джунгли, но в этом месте, на площади в двадцать квадратных миль простиралась практически пустынная каменистая равнина и среди молодой тропической поросли куст терновника, вымахавший величиной с дом, видимо потому, что где-то в глубине под ним была вода, был виден отовсюду.

Куст этот расположился почти на стыке трех африканских государств. Сам он находился на территории французской Гвинеи, но всего лишь в десяти милях от северной оконечности Либерии и в пяти — от восточной границы Сьерра-Леоне. За этой границей вокруг Сефаду лежат огромные алмазные копи. Принадлежат они компании «Сьерра Интернэшнл», части мощной горнодобывающей империи «Африк Интернэшнл», которая, в свою очередь, есть не что иное, как важная часть имущества Британского содружества наций.

Час назад скорпиона в его норе среди корней терновника встревожили два вида вибрации. Первый из них — шорохи, вызванные движениями жучка, скорпион распознал моментально. Второй же, являя собой целую серию непонятных глухих ударов вокруг куста, а затем — чувствительное колебание земли, завершившееся обвалом скорпионьей норы. Потом земля начала плавно и ритмично вибрировать, причем, колебания эти были столь постоянны, что вскоре стали для скорпиона привычной составной частью среды обитания. Спустя какое-то время, жучок вновь

зашуршал, и желание поживиться им в конце концов возобладало над страхом перед отложившимися в памяти скорпиона другими звуками, и после того, как он целый день прятался от своего злейшего врага — солнца, заставило выбраться из логова под разреженный ветвями терновника свет луны.

Но сейчас, когда скорпион медленно обсасывал кусочки жучиного мяса, далеко на востоке раздался звук, предвещавший гибель его самого. Человек услышал бы этот звук, но сенсорной системе скорпиона он был недоступен.

В метре от скорпиона грубая мускулистая рука с обкусанными ногтями на пальцах осторожно подняла кусок шероховатого камня.

Скорпион не услышал шума, но уловил движение воздуха у себя над головой. Его боевые клешни взметнулись вверх, чешуйчатый хвост с жалом на конце встал вертикально, близорукие глазки пытались обнаружить врага.

Тяжелый камень рухнул.

— Тварь мерзкая!

Человек смотрел, как извивается в агонии раздавленный скорпион.

Человек зевнул. Он встал на колени в небольшом углублении, образовавшемся в песке у ствола терновника, где он просидел, прикрыв голову руками, почти два часа, затем выбрался наружу.

Шум мотора, которого и дожидался человек и который стал смертным приговором для скорпиона, становился все громче. Когда человек встал и посмотрел на лунную дорожку, он увидел быстро приближающуюся к нему с востока черную тень странных очертаний. В какое-то мгновение лунный свет блеснул на вращающихся лопастях.

Человек вытер руки о грязные шорты цвета «хаки» и быстро направился к тому месту, где из терновника выглядывало заднее колесо спрятанного старенького мотоцикла. У заднего сиденья с обеих сторон висели кожаные сумки для инструментов. Из одной он извлек небольшой, но тяжелый сверток и засунул его под рубаху. Из другой сумки достал четыре дешевых электрических фонарика. Метрах в пятидесяти от кустарника была чистая ровная площадка размером с теннисный корт. Подойдя к ней, человек воткнул фонарики в землю на трех углах посадочной площадки, включил их, а сам, с последним фонариком в руках, встал в четвертом углу. Он ждал.

Теперь вертолет приближался к нему медленно. Он летел на высоте не более тридцати метров, длинные лопасти его плавно вращались. Он походил на огромное, неумело сотворенное насекомое. Как и всегда, человеку на земле подумалось, что машина слишком уж шумит.

Чуть задрал нос вертолет плавно повис в воздухе прямо над головой человека. Из кабины высунулась рука с направленным на него фонариком. Точка-тире, мигнул фонарик: буква "А" по азбуке Морзе.

Человек на земле помигал своим фонариком: "В" и "С". Он воткнул четвертый фонарик в землю и отошел в сторону, прикрывая рукой глаза от поднявшегося облака пыли. Свист лопастей над ним заметно ослаб, и вертолет мягко опустился на площадку между четырьмя фонариками. Мотор чихнул в последний раз, несколько раз провернулся хвостовой винт, лопасти основного винта сделали еще пару оборотов и остановились, замерли.

В наступившей тишине в кустах терновника затрещал сверчок и где-то поблизости тревожно вскрикнула ночная птица.

После того, как улеглась пыль, пилот откинул дверцу кабины, выдвинул маленькую алюминиевую лестницу и на плохо гнущихся ногах спустился на землю. Он ждал у своей машины, пока встречавший обходил по периметру всю площадку, собирая и выключая фонарики. Вертолет опоздал на полчаса, и пилот тоскливо ждал неизбежных упреков и нотаций. Он терпеть не мог всех африканеров. Особенно этого.

Для немца, летчика «Люфтваффе», участвовавшего под командованием Галланда в обороне Рейха, все они были расой ублюдков, хитрых, тупых и невоспитанных. В общем, конечно, у этого болвана работенка не из простых, но ее и сравнить нельзя с искусством ночного пилотажа над самыми джунглями, пятьсот миль туда и пятьсот — обратно.

Когда человек подошел, пилот махнул ему рукой в знак приветствия.

— Все нормально?

— Вроде бы. Да вы вот опять опоздали. У меня времени — в обрез, до рассвета надо перебраться через границу.

— Индуктор забарахлил. У каждого свои заботы. Слава богу, в году только тринадцать полнолуний. Ну, ладно. Принес товар, так давай. А я залью бензин и — обратно.

Не говоря ни слова, человек с алмазных копеек вытащил аккуратный тяжелый сверток и протянул пилоту.

Пилот взял пакет, весь пропитанный потом контрабандиста, и опустил в боковой карман облегчающей тело тропической рубашки. Убрав руку за спину, он вытер пальцы о шорты.

— Отлично, — сказал он и повернулся к вертолету.

— Подождите минутку, — сказал контрабандист. Голос его прозвучал угрюмо.

Пилот вновь повернулся к нему лицом. Ему подумалось: «Это голос слуги, наконец-то решившегося заикнуться о том, что его плохо кормят».

— Да. В чем дело?

— Здесь здорово пахло жареным. На копиях, я имею ввиду. Мне это чертовски не нравится. Из Лондона прилетел какой-то шпионских дел мастер. Большая шишка. Да вы про него, наверно, читали. Его зовут Силлитоу. Говорят, что его наняла «Даймонд корпорейшн». Введено множество новых правил, а все виды наказаний стали в два раза жестче. Все это некоторых из моих подручных, кто помельче, перепугало. Пришлось мне забыть про жалость и, в общем, один из них, ну, как бы сам упал в камнедробилку. Это немного помогло. Но мне пришлось больше платить остальным, еще десять процентов. А им все мало. Вот-вот ребята из охраны сцапают одного из моих людей. А этих свиней черномазых вы знаете: настоящего мордобоя они не вынесут, расколются. — Он попытался заглянуть пилоту в глаза, но тут же снова отвел взгляд. — Конечно, под кнутом у всех язык развязывается. Даже у меня.

— Ну и что? — молвил пилот. Он помолчал и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я передал твою угрозу «АВС»?

— Никому я не угрожаю, — торопливо сказал человек. — Я просто хочу, чтобы они знали, что дела здесь осложняются. Они должны знать и об этом Силлитоу. А что говорится в последнем докладе Председателя? Там написано, что у нас на копиях убытки от контрабанды и от НСБ [незаконной скупки бриллиантов] составляют больше двух миллионов фунтов в год и что правительство должно покончить с этим. Это значит покончить с чем? Со мной!

— И со мной тоже, — тихо сказал пилот. — Так чего тебе надо? Больше денег?

— Да, — с ноткой упрямства в голосе ответил человек. — Я требую увеличить мою долю. Еще двадцать процентов или я выхожу из игры. — Он пытался уловить хоть какое-то проявление симпатии со стороны пилота.

— Ладно, — безразличным тоном сказал пилот. — Я расскажу об этом в Дакаре. Если их это заинтересует, то, видимо, они сообщат Лондону. Меня все это не касается, но на твоём месте, — пилот впервые перешел на доверительный тон, — я бы на них не особо давил. Они посильнее твоего Силлитоу, Компании, да и любого правительства, честно говоря. На этом конце цепочки за последний год отдали концы трое. Один за то, что был желтым. Двое за то, что лазали в сверток. И ты об этом знаешь. С твоим предшественником стряслось ужасное несчастье, не так ли?

Странное он выбрал место для хранения гилигнита. Под собственной кроватью. Непохоже на него. Он всегда был так осторожен...

Какое-то время они стояли и смотрели друг на друга при свете луны. Контрабандист пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он, — просто скажите им, что дела мои плохи и что мне нужно больше денег для тех, кто на меня работает. Это-то они поймут, и если мозги у них варят, то десять процентов мне они добавят, Ну, а если нет... — Он не закончил фразу и направился к вертолету. — Давайте помогу вам заправиться.

Минут через десять пилот забрался в кабину и втянул за собой лестницу. Прежде чем захлопнуть дверцу, он махнул рукой.

— Пока, — сказал он, — Через месяц увидимся.

Оставшийся на земле человек почувствовал себя очень одиноким.

— Totsiens, — сказал он, помахав в ответ, причем жест этот был подобен жесту прощания с любимой. — Alles van die beste. [Прощайте, всего наилучшего (африкаанс.)]

Он отошел в сторону и поднял руку, защищая глаза.

Пилот поудобнее устроился в кресле, застегнул ремень, поставил ноги на педали управления. Проверил, зафиксированы ли тормоза на колесах, опустил вниз рычаг шага винта, включил подачу топлива и нажал на стартер. Убедившись, что мотор работает нормально, он отключил фиксатор винта и мягко повернул дроссель. За окнами кабины начали медленно вращаться длинные лопасти, и пилот взглянул на зажужжавший хвостовой винт. Он откинулся на спинку кресла и стал наблюдать за тем, как стрелка индикатора оборотов подползла к цифре 200. Как только она ее прошла, пилот отпустил тормоз, державший колеса, и медленно, но уверенно потянул на себя рычаг. Лопасти винта над его головой выпрямились и врезались в воздух. Еще поворот дросселя, и машина плавно поднялась. На высоте примерно 30 метров пилот одновременно нажал на левую педаль и взял ручку на себя.

Вертолет повернул на восток и, набирая скорость и высоту, отправился в обратный путь вдоль лунной дорожки.

На земле человек долго наблюдал за тем, как улетел вертолет и вместе с ним — алмазы стоимостью порядка 100 тыс. Фунтов стерлингов. Алмазы, которые его люди выкрали из раскопов за последний месяц и которые красовались на их высунутых языках, когда он, стоя у зубоврачебного кресла, грубо спрашивал, что и где у них болит.

Продолжая говорить о зубах, он брал камни и изучал их при свете лампы, шепотом произнося цифры: 50, 75, 100. Люди всегда соглашались, брали деньги, прятали их и выходили из кабинета с завернутыми в бумажку таблетками аспирина в качестве алиби. Они не могли не согласиться. Аборигенам нечего было и надеяться вынести алмазы за пределы копей. Если же у шахтеров все же возникала необходимость повидаться с родственниками или проводить их в последний путь — а случалось это не чаще одного раза в год — то им предстояло пройти целую процедуру, включавшую и рентген, и касторовое масло. И если попадались с алмазами, то их ожидало очень печальное будущее. Гораздо проще было пожаловаться на зубную боль и подгадать так, чтобы попасть к врачу именно в тот день, когда дежурил «Он». Ведь бумажные-то деньги на рентгене не видны.

Человек вывел мотоцикл на узкую тропинку, сел на него, и покатил к холмам, где была граница Сьерра-Леоне. Сейчас их уже можно было различить. Чтобы добраться до хижины Сюзи времени у него было действительно в обрез. При мысли о том, что после изнурительной ночи ему еще придется заниматься с ней любовью, его передернуло. Но деваться некуда. Деньги не могли бы обеспечить ему алиби так, как могла она. Ей нужно было его белое тело. А потом — еще десять миль до клуба, где за завтраком его встретят соленые шутки приятелей.

«Ну, как? Хорошо повкалывал, Док?»

«Говорят, что такой пары буферов, как у нее, во всей округе не найдешь!»

«Слушай, Док, чего это происходит с тобой в полнолуние?»

Но каждые сто тысяч фунтов означали, что в его арендованном в одном из лондонских банков сейфе появится еще одна тысяча. Красивенькими хрустящими пятерками. Игра, ей богу, стоила свеч. Но играть осталось недолго. Ей-ей, недолго. На двадцати тысячах он остановится. А потом?..

Преисполненный мыслями, человек на мотоцикле на предельной скорости мчался по равнине прочь от куста терновника, где начиналась крупнейшая в мире контрабандная операция, сеть которой кончалась в пяти тысячах миль отсюда, где бриллианты ложились в роскошные бархатные футляры.

2. Красота камня

— Не засовывай, а вворачивай, — нетерпеливо сказал М.

Отметив в уме необходимость поведать начальнику штаба о том, какие выражения М. использует в разговоре с подчиненным, Джеймс Бонд вновь поднял со стола монокль, каким пользуются ювелиры, и на этот раз ему удалось-таки надежно укрепить его в правом глазу.

Хотя на дворе был июль, и комната была вся залита солнцем, М. еще включил настольную лампу и направил ее так, что свет падал прямо в лицо Бонду. Бонд взял ограненный прозрачный камень и поднес его к лампе. Он вертел его в пальцах, и смотрел, как от камня отражались все цвета радуги, пока глаза не устали от блеска.

Он вынул монокль и стал думать, что бы такое умное сказать. М. вопросительно посмотрел на него.

— Хороший камень?

— Отличный, — сказал Бонд. — Наверное, стоит кучу денег.

— Да. Несколько фунтов за огранку, — сухо сказал М. — Это кварц. Ну, что ж, попробуем еще раз.

Он заглянул в лежавший перед ним на столе список, выбрал один из пакетиков, сверил проставленный на нем номер со списком, развернул пакетик и толкнул его через стол Бонду.

Тот положил кварц в предыдущий пакетик и взял следующий образец.

— Вам-то легко, сэр, — Улыбнулся он М. — У вас шпаргалка есть.

Он опять взял монокль и посмотрел на бриллиант (если это был действительно бриллиант) под светом лампы.

— Вот сейчас, — подумал он, — сомнений нет.

Этот камень также имел тридцать две грани в верхней сфере и двадцать четыре — в нижней, он весил тоже примерно двадцать карат, но у того, что Бонд держал сейчас в руке было сердечко из бело-голубого пламени, а бесконечные лучи исходили из него и переливались миллионами игл, впиваясь в глаз. Левой рукой Бонд взял кусочек кварца и поднес к бриллианту. Оказалось, что это был просто безжизненный осколок, выглядевший просто тусклым рядом с ослепительной прозрачностью алмаза, а цвета радуги, которые Бонд видел несколько минут назад, сейчас казались низкопробными и грязноватыми.

Бонд положил кварц на место и стал вновь рассматривать бриллиант. Ему становилась понятной та страсть, которую веками возбуждали в людях бриллианты, то, почти плотское, наслаждение, которое испытывали те, кто работал с ними, занимался их огранкой и торговал ими. Это была власть красоты столь первозданной, что в ней чувствовалась какая-то своя истина, божественная сила, перед которой все материальное, как тот кусочек, обращалось в прах. За эти несколько минут Бонд проникся мистикой бриллиантов и понял: он никогда не забудет того, что открылось

ему столь неожиданно в сердце этого камня.

Он положил камень обратно в пакетик и снял монокль. Подняв глаза на внимательно наблюдающего за ним М., он произнес:

— Да. Я все понял.

М. откинулся в кресле.

— Именно об этом говорил мне Джекоби, когда мы с ним на днях обедали в «Даймонд корпорейшн», — сказал он. — Он сказал, что для того, чтобы всерьез заняться бриллиантами, я должен прежде всего понять глубинную суть этого. Причем, речь идет не о миллионных прибылях, не о ценности бриллиантов как средства борьбы с инфляцией, не о сентиментальных рассуждениях по поводу обручальных колец с бриллиантами или прочей ерунде. Он сказал, что надо почувствовать к бриллиантам страсть. И он показал мне то, что я сейчас показываю тебе. И, — одними губами улыбнулся М., — если это доставит тебе удовольствие, могу сообщить, что я тоже купился на кварце.

Бонд сидел не шевелясь и молчал.

— Теперь давай посмотрим все остальные, — сказал М. Он показал рукой на кипу лежащих перед ним пакетиков. — Я попросил одолжить нам несколько образцов, и они не возражали. Прислали это все сегодня утром мне домой.

М. заглянул в список, открыл очередной пакетик и переправил его Бонду.

— Тот экземпляр, который ты только что рассматривал — это лучший, один из «голубой воды» бриллиантов.

Он показал на лежащий перед Бондом большой алмаз.

— А вот это — «топ кристалл», десять карат, продолговатый. Камень высокого качества, но стоит в два раза меньше «голубого». Посмотри — и увидишь, что он с желтизной. Следующий — «Кейп» — коричневатый. Так, по крайней мере, утверждает Джекоби, но будь я проклят, если сам смог бы это определить. По-моему, кроме экспертов этого вообще никто не заметит.

Бонд послушно взял «Топ кристалл», а потом, в течение четверти часа М. демонстрировал ему все разновидности бриллиантов вплоть до удивительных камней-самоцветов: красных, синих, розовых, желтых, зеленых и фиолетовых. Наконец, М. придвинул к Бонду сверток с камнями меньшего размера, с изъянами формы или цвета, с маркировкой «Промышленные алмазы». Те, что не имеют «красоты камня», как они это называют. Их используют в инструментах и тому подобное. Однако не стоит относиться к ним пренебрежительно. В прошлом году американцы закупили их на пять миллионов фунтов, и это только один из рынков сбыта. Бронстин рассказывал, что с помощью именно таких алмазов был прорыт туннель через Сен-Готару. Маленькие кристаллы нужны для бормашин, которыми дантисты сверлят нам всем зубы. Алмазы — самое прочное вещество на свете. Они — вечны.

М. вынул изо рта трубку и стал набивать ее.

— Теперь ты знаешь об алмазах столько же, сколько и я.

Удобно устроившись в кресле, Бонд окинул взглядом бумажные пакетики и сверкающие камешки, рассыпанные по красной коже, покрывавшей крышку стола М. Он думал о том, каким боком это все касается лично его.

Чиркнула спичка. Бонд, наблюдая за тем, как М. долго раскуривал трубку, прятал в карман пиджака спичечный коробок и принимал в кресле любимую позу для размышлений.

Бонд посмотрел на часы: 11.30. Он с удовольствием вспомнил о том, что когда час назад в его кабинете зазвонил красный телефон, весь стол был завален неразобранными совершенно секретными досье, от которых он с радостью убежал. Он был уже почти уверен, что возвращаться к ним ему не придется. В ответ на вопрос Бонда, зачем его вызывают, начальник штаба сказал:

— Думаю, речь пойдет о задании. Шеф приказал не переводить ему до обеда никаких телефонных звонков, а на два часа тебе уже организована встреча в Скотланд Ярде. Так что держись.

Тогда Бонд взял пальто и вышел в приемную, где его секретарша регистрировала еще одну, только что поступившую толстую пачку документов с пометками «срочно».

Когда она подняла голову, Бонд сказал:

— М. вызывает. Билл говорит, что, похоже, мне будет чем заняться. Так что не удастся тебе взвалить на меня и это. По мне вообще все это надо отправить в «Дейли экспресс».

Он ухмыльнулся:

— Кстати, Лил, ведь этот Сэфтон Делмар твой приятель? Уверен, что ему эти бумажки очень дажегодились бы.

Секретарша выразительно посмотрела на него.

— У тебя галстук мятый, — холодной сказала она. — И вообще я его почти не знаю.

Она вновь склонилась над столом, а Бонд, выйдя из комнаты и шагая по коридору, еще раз подумал, как хорошо иметь красивую секретаршу.

М. скрипнул креслом, и Бонд взглянул на сидящего по другую сторону стола человека, к которому он был сильно привязан и которому был до конца предан и послушен.

Серые глаза этого человека пристально изучали его. М. вынул изо рта трубку.

— Сколько времени прошло с твоих последних каникул по Франции?

— Две недели, сэр.

— Отдохнул хорошо?

— Неплохо, сэр. Правда к концу стало уже надоедать.

М. никак на это не отреагировал.

— Я просмотрел твое досье. Оценки по стрельбе — очень высокие. Борьба без оружия — удовлетворительно. Здоровье — отличное. — М. помолчал. — Дело в том, — произнес он голосом, лишенным всяких эмоций, — что у меня для тебя есть трудное задание. Я хотел увериться в том, что ты еще способен о себе позаботиться (сам за себя постоять).

— Конечно, сэр. — Бонд почувствовал себя слегка уязвленным.

— Не надо недооценивать сложность этого задания, 007, — резко сказал М. — Если я говорю, что оно трудное, то так оно и есть. Я не любитель мелодрам. Есть еще много мерзавцев, с которыми тебе пока не доводилось встречаться, и некоторые из них, смею думать, замешаны в этом деле. Причем наиболее расторопные. Поэтому то, что я обо всем как следует подумал, прежде чем вызвать тебя, вряд ли может служить источником раздражения.

— Простите, сэр.

— Хорошо, — М. положил трубку на стол и наклонился вперед. — Сначала я расскажу тебе, в чем дело, а потом ты решишь, возьмешься за него или нет.

— Неделю назад, — продолжал М. — ко мне обратился один из высокопоставленных сотрудников министерства финансов. С собой он привел постоянного секретаря Совета по торговле. А это уже означает бриллианты. По их словам получается, что большинство камней, которые они называют драгоценными, добываются на территориях, принадлежащих Англии, а девяносто процентов торговли бриллиантами приходится на Лондон. Занимается всем этим «Даймонд корпорейшн». — М. пожал плечами. — Вопросы здесь излишни. Британцы прибрали этот бизнес к рукам еще в начале века и до сих пор умудряются не выпустить его из этих цепких рук. Сегодня масштабы такой торговли огромны. Пятьдесят миллионов фунтов стерлингов в год. У нас это крупнейший канал для выкачивания долларов.

Поэтому как только здесь начинает происходить что-то не то, правительство начинает проявлять беспокойство. Так и на этот раз, — М. задумчиво посмотрел на Бонда. — Каждый год из Африки тайно вывозится алмазов на сумму по крайней мере в два миллиона фунтов стерлингов.

— Немалые денежки, — сказал Бонд. — И куда же они утекают?

— Говорят, в Америку, — ответил М. — И, в принципе, я с этим согласен. Во всяком случае, это крупнейший алмазный рынок, а тамошние банды — единственные, кто может руководить операциями такого масштаба.

— Почему же алмазные компании не положат этому конец?

— Они уже сделали все, что могли, — сказал М. — Наверно ты уже читал в газетах, что Де Бейерс взял к себе нашего друга Силлитоу, когда тот ушел из «Эм-ай-5». Сейчас он в Южной Африке помогает местным ребятам из службы безопасности. Кажется, он прислал разгромный доклад и массу предложений насчет того, как усовершенствовать охрану, но что на министерство финансов и на Совет по торговле впечатления не произвело. Там считают, что дело слишком крупное, чтобы с ним справились разрозненные компании, какими бы эффективными они не были. К тому же у них есть отличный повод для вмешательства официальных лиц.

— Какой же, сэр?

— Как раз сейчас в Лондоне находится крупная партия похищенных алмазов, — сказал М., и глаза его блеснули. — Она ждет отправки в Америку, а Спецслужбе известен курьер. Знают они и то, кто должен за этим курьером присматривать в пути. Как только об этой истории узнал Ронни Вэлланс — а прознал о ней в Сохо один агент по борьбе с наркотиками, из его любимого «взвода приведений», как он называет свой отдел — он тут же отправился в министерство финансов. Те провели переговоры с Советом по торговле, а потом обратились за советом к премьер-министру. Тот разрешил им воспользоваться услугами нашей Службы.

— А почему бы этим не заняться Спецслужбе или Эм-ай-5, сэр? — спросил Бонд, подозревая, что у М. был сейчас один из тех черных периодов, когда он любил вмешиваться в чужие дела.

— Они могли бы, конечно, взять курьеров с поличным в тот момент, когда они попытались бы выбраться из страны, — нетерпеливо сказал М. — Но ведь поток контрабанды от этого бы не прекратился. Это не тот сорт людей, которые выкладывают все, что знают. К тому же курьеры — это мелкие сошки. Скорей всего, они просто получают товар от одного человека в одном парке и доставляют его другому человеку в другом парке. Единственная возможность узнать, кто стоит за всем этим. — проследить весь путь контрабанды до Америки и узнать, к кому она там попадет. Боюсь, что здесь ФБР вам мало чем поможет. Ведь это лишь малая часть их битвы с крупными бандами. Кроме того, Соединенным Штатам все это не причиняет никакого ущерба. Скорее наоборот. Хуже всего Англии. А Америка — вне юрисдикции полиции и Эм-ай-5. Только наша Служба может справиться с такой работой.

— Да. Похоже, что так, — сказал Бонд. — Есть ли еще что-то, от чего можно оттолкнуться?

— Слышал ли ты когда-нибудь о «Бриллиантовом доме»?

— Да, сэр. Разумеется, — сказал Бонд. — Крупная американская ювелирная фирма. Магазины на 46-й улице в Нью-Йорке и на улице Риволи в Париже. Если я правильно помню, она котируется сейчас в одном ряду с Картье, ван Клиф и Бушерон. После войны очень быстро пошла в гору.

— Вот, — сказал М. — Это они и есть. В Лондоне у них тоже есть небольшое представительство: Хэттон Гарден. Одно время эта фирма была одним из основных покупателей на ежемесячно организуемых выставках-продажах «Даймонд корпорейшн». Но вот уже три года они покупают все меньше и меньше. А сами каждый год продают все больше и больше ювелирных изделий. Значит, достают

где-то бриллианты? Назвали эту фирму на нашей встрече сами люди из министерства финансов. Однако ничего интересного про нее мне пока узнать не удалось. Заведует ей один из ведущих бизнесменов. Это странно, так как объем операций в Лондоне у них очень мал. Зовут этого человека Руфус Б. Сэй. Известно про него совсем немного. Каждый день обедает в Американском клубе на Пикадилли. Играет в гольф на Саннинг-дейле. Не пьет и не курит. Живет в гостинице «Савой». Образцовый гражданин, одним словом. — М. пожал плечами. — Алмазы — своего рода семейное предприятие, уважаемое и хорошо поставленное. Но все-таки что-то с этим «Бриллиантовым домом» не так. Вот, собственно, и все.

Бонд подумал, что настало время задать вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов [64 тыс. долларов — ежегодная зарплата Дж.Бонда].

— И как в эту картину вписываюсь я, сэр? — спросил он, глядя М. прямо в глаза.

— У тебя назначена встреча в Скотланд-Ярде с Вэллансом через... — М. взглянул на часы, — час с небольшим. Он тобой и займется. Сегодня ночью они возьмут курьера, подставят тебя вместо него.

Пальцы Бонда мягко сжали подлокотники кресла.

— А потом?

— А потом, — будничным тоном произнес М., — ты повезешь контрабандные алмазы в Америку. По крайней мере идея такова. Так что ты думаешь по этому поводу?

3. Горячий лед

Дверь кабинета М. захлопнулась на спину Джеймса Бонда. Он улыбнулся мисс Манипени и прошел мимо нее в кабинет начальника штаба.

Начштаба, худощавый, подвижный человек примерно одного возраста с Бондом, отложил в сторону ручку и откинулся на спинку кресла. Он внимательно наблюдал за тем, как Бонд автоматически жестом извлек из заднего кармана брюк металлический портсигар, подошел к открытому окну и стал смотреть на Риджент-парк.

В движениях Бонда ощущалась решительность, что уже само по себе могло служить ответом на незаданный начштабом вопрос.

— Итак, ты согласился.

Бонд повернулся к нему.

— Да, — сказал он и закурил сигарету. Сквозь облачко дыма он пристально посмотрел на начштаба. — Но скажи мне, Билл, почему старик так осторожничает с этим заданием? Он даже заглянул в мою медицинскую карту. Что его так беспокоит? Ведь я не за железный занавес отправляюсь. Америка все-таки страна цивилизованная. Более-менее. Что ж его так разбирает?

Главной задачей Начштаба было знать как можно больше о том, что думает М. Он достал сигарету, прикурил и бросил потухшую спичку через левое плечо в корзину для бумаг. Посмотрел, попал ли. Попал. Он улыбнулся Бонду.

— Большая тренировка, — сказал он. — Как и все в службе, ты прекрасно знаешь, что вещей, которые беспокоят М. не так уж много. «Смерш», конечно. Немцы, расшифровывающие коды. Китайские торговцы опиумом, вернее та власть, которую они имеют над миром. Влияние мафии. А надо сказать, что он чертовски уважительно относится к этим американским бандам. К крупным. Вот и все. Это те люди, которые его беспокоят. И почти наверняка это алмазное дело выведет тебя на эти банды. И он меньше всего ожидал, что мы столкнемся именно с ними. Вот так. Вот почему «его так разбирает».

— Американские гангстеры — это чепуха, — протестующе воскликнул Бонд. — Они же не американцы. Главным образом, это итальяшки, которые носят рубашки с монограммами, целыми днями жуют спагетти с фрикадельками и льют на себя литры

одеколону.

— Это ты так думаешь, — сказал Начштаба. — Но дело в том, что это те, кого ты видишь на улицах. За ними стоят люди поумнее, а за этими — еще более умные. Возьми наркотики: десять миллионов наркоманов. Откуда они их берут? Возьми игорные дома — законные я имею ввиду. В Лас-Вегасе доходы от них в год составляют пятьдесят миллионов долларов. Но помимо этого есть и подпольные казино в Майами и Чикаго и много где еще. Все они принадлежат бандам или их ставленникам. Пару лет назад Багги Зигелю снесли пол черепа за то, что он хотел получить слишком большой кусок лас-вегасовского пирога. А ведь он не был слабаком. Это действительно операции, поставленные на широкую ногу. Известно ли тебе, что игральные дома — это крупнейшая отрасль промышленности в Америке? Больше сталелитейной, больше автомобилестроительной? А они чертовски хорошо стараются, чтобы дела шли гладко. Если не веришь — посмотри доклад Кефопера. А теперь еще эти алмазы. Шесть миллионов долларов в год — хорошие деньги, и, будь уверен, охрана налажена как следует. — Начштаба помолчал. Он окинул взглядом высокого гибкого человека в синем однобортном костюме, чьи упрямые глаза внимательно смотрели на него. — Ты, наверное, не читал доклад ФБР о преступности в Америке в этом году. Очень интересно. Всего лишь тридцать четыре убийства в день. За последние двадцать лет насильственной смертью умерло почти сто пятьдесят тысяч американцев. — Бонд изумленно покачал головой. — Это факт, черт побери. Возьми доклад и сам почитай. Вот почему М. хотел убедиться, что ты в хорошей форме, прежде чем втравить тебя в это дело. Ты выйдешь на эти банды. Один. Удовлетворен?

Загорелое лицо Бонда расслабилось.

— Что ж, Билл, — сказал он. — Если дело только в этом, то я готов угостить тебя обедом. Все равно сегодня моя очередь, да к тому же я хотел бы отметить это задание. Ведь оно означает, что на лето я свободен от всяких бумажных дел. Поехали к Скотту, где дают фаршированных крабов, выпьем пинту черного бархатного. Ты у меня прямо камень с души снял. Я-то думал, что здесь что-то не чисто.

— Согласен. Пропади оно все пропадом! — Начштаба постарался загнать подальше дурные предчувствия, которые были не только у шефа, но и у него самого, и, пропустив Бонда вперед, с излишней силой хлопнул дверью.

Через некоторое время, ровно в два часа дня, Бонд пожимал руку подвижного, энергичного человека, чей старомодный кабинет слушал, пожалуй гораздо больше тайн и секретов, чем любой другой кабинет в Скотланд-Ярде.

Бонд подружился с помощником комиссара полиции Вэллансом еще во времена аферы с «Мунрейкером» ["Moonraker" — название еще одной книги из серии детективов с участием Дж.Бонда], поэтому терять время на знакомство друг с другом им не требовалось.

Вэлланс положил на стол две фотографии. Это были снимки темноволосого, довольно красивого молодого головореза с резковатыми чертами лица и невинным взглядом ясных глаз.

— Это он, — сказал Вэлланс. — Достаточно похож на тебя для человека, знающего его только по описанию. Зовут его Питер Фрэнкс. Симпатичный юноша. Из хорошей семьи. Закончил частную школу и все такое прочее. Вступил на опасную дорожку, да там и остался. Его специальность — взлом загородных вилл. Мог быть одним из тех, кто ограбил герцога Виндзорского несколько лет назад. Пару раз мы его брали, но зацепить ни на чем серьезном не могли. Но сейчас он прокололся. Так часто бывает, когда подобные ему начинают заниматься не своим делом. У меня в Сохо работают три девицы, и на одну из них он клюнул. Что смешно, так это то, что и она к нему неравнодушна. Думает, что сможет наставить его на путь истинный и

прочую такую дребедень. Но работа есть работа, и когда он поведал ей об этом своем поручении, так, между прочим, шутки ради, она сразу же сообщила мне.

Бонд кивнул:

— Профессионалы-уголовники никогда не принимают дела всерьез. Готов поспорить, что о своей работенке на виллах он и словечка ей не сказал.

— Не спорь — проиграешь, — сказал Вэлланс. — Иначе он бы уже несколько лет сидел. Так или иначе, по его словам, к нему обратился дружок его друга и предложил за пять тысяч долларов доставить в Америку партию контрабанды. Оплата на месте. Девушка поинтересовалась, не наркотики ли это. Он рассмеялся и сказал: «Нет. Еще лучше — Горячий лед». Получил ли он уже алмазы? Его следующий шаг — знакомство со своим «опекуном». Завтра вечером в «Трафальгарском дворце». В пять часов в ее комнате. Девушку зовут Кейс. Она должна рассказать ему, что он должен делать, и сопровождать его. — Вэлланс встал и начал ходить по кабинету вдоль стены, украшенной заключенными в рамочку фальшивыми пятифунтовыми купюрами. — Когда партия крупная, контрабандисты обычно действуют парами. Курьеру никогда не доверяют полностью, и встречающие его люди хотят иметь надежного свидетеля, если на таможне случится что-то непредвиденное. Тогда больших людей уже врасплох не застать, даже если курьер заговорит.

Перевозка крупной контрабанды, курьеры, таможни, охранники... Бонд затушил сигарету в стоявшей у Вэлланса на столе пепельнице. Как же часто, когда он еще только начинал работать в «Службе», он испытывал все это на себе. В Германию через Страсбург, через Негорелое — в Россию, Симплонский туннель, Пиринеи... Напряжение. Пересохший рот. Впившиеся в потные ладони ногти. И теперь, когда этот период его деятельности стал уже забываться, ему предстояло пройти через это опять.

— Ясно, — сказал Бонд, пытаясь заглушить воспоминания. — Ну а какова общая картина? Ты что-нибудь о ней знаешь? Что это за операция, и как в нее вписывается этот Фрэнкс?

— Совершенно ясно, что алмазы поступают из Африки. — Взгляд Вэлланса затуманился. — Видимо, не из шахт «Юнион», а, скорее, это и есть тот канал утечки алмазов из Сьерра-Леоне, который ищет наш друг Силлитоу. Потом камни, возможно, переправляются через Либерию, а может быть — через Французскую Гвинею. Попадают во Францию. А поскольку пакет оказался в Лондоне, можно предположить, что и Лондон — часть сети.

Вэлланс остановился и взглянул на Бонда.

— Теперь мы знаем, что отсюда пакет должен отправиться в Америку, а что с ним произойдет там?.. Об этом можно только догадываться. Вряд ли дельцы будут тратить деньги на огранку: ведь от нее зависит чуть ли не на пятьдесят процентов стоимость камня. Так что, скорее всего, алмазы будут сплавляться какой-то официально действующей ювелирной фирме, где они и будут обрабатываться и поступать на рынок вместе с другими. — Вэлланс задумался. — Ничего, если я дам тебе совет?

— Не скромничай.

— Ну, хорошо, — сказал Вэлланс. — В подобных операциях самым уязвимым местом является, как правило, передача денег мелким сошкам. Как будут выплачены эти пять тысяч Питеру Фрэнксу? Кем? Если он справится с этим поручением, наймут ли его опять? На твоём месте я бы подумал над этим. Постарайся выйти на того, кто платит, а от него — на тех, кто стоит за его спиной. Это не трудно сделать, если понравится им. Надежных курьеров найти не так-то просто, и заполучить тебя захотят даже те, кто на самом верху.

— Да, — задумчиво промолвил Бонд. — Все складывается. Главное — это

пройти этап первого контакта в Америке. Надеюсь, что прежде всего мне удастся без хлопот пройти таможеню в Айдлуайлде. Было бы полным идиотизмом, если бы меня поймал за руку первый же таможенный инспектор, просветивший мой багаж. Но уверен, что эта Кейс предложит кое-что интересенькое насчет перевозки товара. Так каков же первый шаг? Как я займу место Питера Фрэнкса?

Вэлланс опять принялся ходить по кабинету. — Здесь, я думаю, все пройдет нормально, — сказал он. — Сегодня вечером мы возьмем Фрэнкса и предъявим ему обвинение в уклонении от таможенного досмотра. — Он улыбнулся. — Боюсь, что на этом его дружба с моей агенткой даст трещину. Но что поделаешь? А ты, тем временем отправишься на встречу с мисс Кейс.

— Что ей известно о Фрэнксе?

— Только описание его внешности и имя, — сказал Вэлланс. — Так, во всяком случае, думаем мы. Сомневаюсь, что ей известен даже тот человек, который завербовал его. Обрывы по всей линии. Каждый делает только свою работу как бы в вакууме. Как только появляется течь — работа прекращается, и все замирает.

— А что известно про эту женщину?

— Только паспортные данные. Подданная США. 27 лет. Родилась в Сан-Франциско. Блондинка. Глаза голубые. Рост — метр шестьдесят семь. Профессия — незамужняя женщина. За последние три года бывала здесь раз двенадцать. Может и больше, если приезжала под другим именем. Останавливалась всегда в «Трафальгарском дворце». По словам гостиничного детектива, выходит из номера довольно редко. И гости к ней приходят не часто. Ни разу срок ее проживания не превышал двух недель. Ни в чем предосудительном не замечена. Вот, собственно, и все. Не забудь, что при встрече с ней ты и сам должен иметь наготове хорошую легенду: почему ты взялся за эту работу и многое другое.

— Об этом я позабочусь.

— Можем мы еще чем-нибудь тебе помочь?

Бонд задумался. За все остальное, похоже, отдуваться уже ему самому. Главное — внедриться в сеть, дальше — сплошная импровизация. Вдруг он вспомнил про ювелирную фирму.

— А что ты скажешь о «Бриллиантовом доме», с которым ребята из министерства финансов увязывают все это дело? Глубоко забросили удочку, как думаешь?

— Честно говоря, я им почти не занимался, — произнес извиняющимся тоном Вэлланс. — Я, правда, навел справки об этом Сэе, но не узнал ничего другого, кроме паспортных данных. Американец. Сорок пять лет. Торгует алмазами. Часто ездит в Париж. Три последних года — каждый месяц. Наверное, у него там любовница. Вот что я тебе скажу. Почему бы тебе не прогуляться туда, посмотреть на его заведение и на него самого? Может, пригодится когда-нибудь, кто знает?

— И как же мне это сделать? — с сомнением в голосе спросил Бонд.

Вэлланс не ответил. Вместо этого он нажал клавишу внутреннего телефона.

— Слушаю, сэр? — раздался металлический голос.

— Сержант, пришлите-ка ко мне побыстрее Данквертса. И еще Лобиньера. И соедините меня с «Бриллиантовым домом». Это ювелирная фирма в районе Хэттон-гардена. Попросите господина Сэе.

Вэлланс подошел к окну и стал смотреть на реку. Из жилетного кармана он извлек зажигалку и, думая о другом, несколько раз щелкнул ею. В дверь постучали, и на пороге появился секретарь.

— Сержант Данквертс здесь.

— Пригласите его, — сказал Вэлланс. — А Лобиньер пусть ждет моего вызова.

Секретарь придержал дверь рукой, и в кабинет вошел невзрачный лысоватый человек в очках. Его бледное лицо, казалось, излучало доброту и усердие. На вид его

можно было принять за старшего конторского клерка, тем более, что он был не в форме, а в гражданской одежде.

— Добрый день, сержант, — обратился к нему Вэлланс. — Это — командер Бонд из министерства обороны. — Сержант вежливо улыбнулся. — Поезжайте вместе с ним в «Бриллиантовый дом», в Хэттон-гардене. Он будет «сержантом Джеймсом», одним из ваших подчиненных. Вам стало известно, что украденные на Эскоте алмазы преступники пытаются переправить в Аргентину через Америку, и вы пришли поговорить об этом с господином Сэем, главой фирмы. Вы поинтересуетесь, не имеет ли господин Сэй какой-либо информации об этом из-за океана. Может быть кто-то что-то слышал в его нью-йоркской конторе. Причем, все этой вы выясняете очень вежливо, ведете милую беседу. Но глаз с него не спускать. Жмите на него, как можете, но так, чтобы не давать повода для жалоб. Потом вы извинитесь, попросите и забудете при этот визит. Все понятно? Вопросы есть?

— Нет, сэр, — бесстрастно ответил сержант Данквертс.

Вэлланс вновь нажал клавишу интеркома, и через секунду в кабинет вошел болезненного вида подобострастный человек в шикарном костюме с маленьким чемоданчиком в руке. Войдя, он замер у двери.

— Добрый день, сержант. Входите и рассмотрите как следует этого моего приятеля.

Сержант подошел к Бонду и вежливо попросил его повернуться к свету. Внимательными темными глазами он изучал лицо Бонда целую минуту. Затем сделал шаг назад.

— Что касается шрама, то могу гарантировать не более шести часов, сэр, — сказал он. — Сейчас очень жарко. С остальным все в порядке. Кем он должен стать, сэр?

— Сержантом Джеймсом, сотрудником сержанта Данквертса. — Вэлланс посмотрел на часы. — Всего лишь три часа. Добро?

— Конечно, сэр. Можно приступить?

Вэлланс кивнул, и пересадив Бонда в кресло у окна, поставил свой чемоданчик рядом на пол, встал на одно колено и открыл его. Десять минут он колдовал над лицом и волосами Бонда.

Бонд попытался на обращать на него внимания и стал прислушиваться к разговору между Вэллансом и «Бриллиантовым домом».

— До пол-четвертого его не будет? В таком случае скажите, пожалуйста, господину Сэю, что двое моих людей придут встретиться с ним ровно в три тридцать. Да, боюсь, что дело не терпит отлагательств. Но, конечно, это чистая формальность. Обычное расследование. Думаю, что они не займут у господина Сэя больше десяти минут. Большое спасибо. Да. Помощник комиссара Вэлланс. Правильно. Из Скотланд-Ярда. Да. Спасибо. До свидания.

Вэлланс положил трубку и повернулся к Бонду.

— Его секретарша сказала, что Сэя не будет до полчетвертого. Думаю, вам надо там быть в три пятнадцать. Заранее все осмотреть никогда не помешает. И очень полезно лишить допрашиваемого душевного равновесия. Ну, как у вас там дела?

Сержант Лобиньер протянул Бонду карманное зеркальце.

Чуть-чуть седины на висках. Шрама нет и в помине. Морщинки в уголках рта и у глаз говорят об усердии. Слегка подчеркнуты скулы. Вроде бы изменения и незначительны, но из зеркальца смотрел на него человек, в котором никто не признал бы Джеймса Бонда.

4. Что здесь происходит?

В патрульной машине сержант Данквертс был погружен в собственные мысли,

поэтому весь путь вдоль Стрэнда, вдоль по Чансерилейн и Холборну прошел в молчании. На Гэмаджис они повернули налево в Хаттен-Гарден, и машина затормозила у красивого белоснежного портала Лондонского алмазного клуба.

Вслед за своим спутником Бонд пересек тротуар и остановился перед массивной дверью, украшенной надраенной до блеска медной пластиной с надписью «Бриллиантовый дом» и ниже — «Руфус Б. Сэй. Вице-президент, европейский филиал». Сержант Данквертс позвонил. Дверь открыла красивая девушка-еврейка, которая и провела их через застекленную коврами прихожую в отделанную деревянными панелями приемную.

— Господин Сэй будет с минуты на минуту, — произнесла она безразличным тоном и вышла, закрыв за собой дверь.

В приемной было роскошно и, благодаря горящему, несмотря на сезон, камину, жарко как в тропиках. В центре комнаты на темно-красном ковре стоял круглый стол и шесть стульев розового дерева стиля «шератон», которые, по оценке Бонда, стоили по меньшей мере тысячу фунтов. На столе были разложены свежие журналы и несколько копий кимберлейских «Алмазных новостей». При виде них у Данквертса загорелись глаза, и он, подсев к столу, начал листать июньский номер. На каждой стене в позолоченных рамах красовались изображения цветов. В картинах было нечто настолько объемное, что Бонд подошел к одной из них и принялся ее изучать. Оказалось, что это были вовсе не картины, а покрытые стеклом ниши, в которых стояли совершенно одинаковые ватерфордские вазы со свежими цветами.

В комнате было очень тихо, если не считать гипнотизирующего тиканья больших напольных часов и едва слышного шума голосов из-за находящейся напротив выхода двери. Раздался щелчок, дверь приоткрылась и послышался голос с сильным иностранным акцентом, настоятельно увещевавший кого-то:

— Ну, мистер Грюнспан, пазему фи так волнуйтесь. Фсе ми хотим заработать, да? Паверьте мне, етот прекрасен камен обашелся мне ф десять тысяча фунтоф. Десять тысяча! Фи не фьерите мне? Клянусь фам. Слофо чести. — Ответом было настороженное молчание, и тогда последовала заключительная ставка. — Болше тофо! Спорю на пять фунтоф!

Раздался смех.

— Ну и штучка же вы, Вилли, — сказал голос явного американца. — Но этот номер не пройдет. И рад бы вам помочь, но камню этому красная цена девять тысяч. Ну еще сотню сверху только для вас. Лучшей цены вам на Улице не найти.

Дверь открылась и в проеме показались будто сошедший с театральной сцены американский бизнесмен в пенсне и поджатыми губами и маленький беспокойного вида еврей с большой красной розой на лацкане пиджака. Видимо то, что в приемной находились люди, оказалось для них полнейшей неожиданностью, и, бормоча под нос «Простите, извините» ни к кому конкретно не обращаясь, американец чуть ли не бегом выпроводил своего компаньона и захлопнул дверь.

Данквертс подмигнул Бонду.

— Вот вам весь алмазный бизнес как на тарелочке, — сказал он. — Это был Вилли Бихринс, один из самых известных независимых маклеров Улицы. Думаю, что другой — это один из торговцев Сэя. — Он вновь уткнулся в свой журнал, а Бонд, подавив желание закурить, вновь принялся разглядывать «картины».

Внезапно мягкая, тикающая, роскошная тишина взорвалась. В один и тот же момент в камине рассыпалось прогоревшее полено, напольные часы пробили половину четвертого, дверь распахнулась, и в приемную вошел крупный темноволосый человек. Сделав два шага, он остановился и стал внимательно разглядывать находящихся в приемной.

— Меня зовут Сэй, — грубо сказал он. — Что здесь происходит? Что вам здесь надо?

Дверь сзади него была открыта. Сержант Данквертс поднялся, вежливо, но решительно обошел человека и закрыл ее. Затем он вернулся на середину комнаты.

— Я — сержант Данквертс из спецслужбы Скотланд-Ярда, — сказал он тихо и примирительно. — А это, — показал он на Бонда, — сержант Джеймс. Я веду расследование по делу о краже алмазов. Помощник комиссара подумал, — его голос стал прямо-таки бархатным, — что вы могли бы нам помочь.

— Да? — спросил Сэй. Он с презрением переводил взгляд с одного из этих нищих ищек на другого, поражаясь тому, что они осмелились нарушить его покой. — Продолжайте.

Пока сержант Данквертс, тон которого показался бы любому уголовнику угрожающе-ласковым, рассказывал поминутно заглядывая в маленькую черную записную книжечку, свою историю, пересыпая ее оборотами вроде «в шестнадцатых...» и «тут нам стало известно...», Бонд без стеснения изучал господин Сэя, что впрочем, не производило на последнего никакого впечатления, как и вкрадчивый тон сержанта Данквертса.

Господин Сэй был крупным, массивным мужчиной, твердым как кусок кварца. У него было квадратное лицо, угловатость которого подчеркивали его короткие, торчащие ежиком, жесткие черные волосы и отсутствие баков. Брови у него были черными и прямыми, взгляд черных глаз — пронизывающий и решительный. От был чисто выбрит, рот казался узкой длинной и прямой щелью. Квадратный подбородок и массивная челюсть довершали портрет. Он был одет в просторный черный однобортный костюм и белую рубашку с тонким как шнурок ботинка черным галстуком, прикрепленным у воротника золотой булавкой в виде копья. Его длинные руки, расслабленно висевшие вдоль туловища, заканчивались огромными кистями, также покрытыми черными волосами. Ноги, обутые в дорогие черные туфли, были размера 47-го.

Бонд оценил его как жестокого, сильного человека, преуспевшего в сдаче множества непростых экзаменов в университетах жизни, где, казалось, он продолжал учиться и по сей день.....

— а вот в каких камнях мы заинтересованы больше всего, — завершал свою речь сержант Данквертс. Он опять заглянул в свою черную книжицу. — «Весселтон», 20 карат, два бриллианта чистой воды по 10 карат каждый, «Желтый премьер», 30 карат, «Топ кейп», 15 карат, и два «Кейп юниона» по 15 карат. — Он сделал паузу. Затем поднял голову и дерзко посмотрел господину Сэю прямо в глаза. — Не попадал ли в ваши руки, господин Сэй, или в руки ваших людей в Нью-Йорке какой-нибудь из этих камней? — мягко спросил он.

— Нет, — отрезал Сэй. — Не попадал. — Он подошел к двери и открыл ее. — А теперь — до свидания, господа.

Не обращая больше на них внимания, он решительно вышел из комнаты, и они услышали, как он поднимался по лестнице. Наверху открылась и с грохотом захлопнулась дверь. Наступила тишина.

Сержант Данквертс невозмутимо убрал свою книжицу в жилетный карман, взял шляпу и вышел в холл, а оттуда — на улицу. Бонд следовал за ним.

Они сели в патрульную машину, и Бонд назвал адрес своей квартиры рядом с Киндз-роуд. Как только машина тронулась, сержант Данквертс сбросил маску официальности. Когда он повернулся к Бонду, глаза его хитро блестели.

— Я, знаете ли, получил немалое удовольствие, — радостно сказал он. — Не часто попадают такие твердые орешки как этот. А вы, сэр, узнали что хотели?

Бонд пожал плечами.

— Честно говоря, сержант, я и не знаю, чего хотел. Но уже и то хорошо, что удалось как следует разглядеть этого Руфуса Б. Сэя. Забавный человечек. Только я всегда представлял себе торговцев алмазами несколько иначе.

Сержант Данквертс радостно хихикнул.

— Сэр, — сказал он, — если Сэй торгует бриллиантами, то я готов съесть свою шляпу.

— Почему вы так говорите?

— Все очень просто, — улыбнулся сержант Данквертс. — Когда я перечислял пропавшие камни, я назвал «Желтый премьер» и два «Кейп-юниона».

— Ну и что?

— Дело в том, сэр, что таких камней в природе просто не существует.

5. «Желтые листья»

Направляясь по длинному пустому коридору к номеру 350, Бонд чувствовал, что лифтер следит за ним. Это Бонда не удивило. Он знал, что на долю этой гостиницы приходится больше мелких преступлений, чем какой-либо другой в Лондоне. Вэлланс однажды продемонстрировал ему криминогенную карту Лондона и показал на целый лес флажков, расположившихся вокруг «Трафальгарского дворца».

— Эта точка на карте очень раздражает тех, кто составляет такие карты, — сказал он. — Каждый месяц сюда втыкается столько булавок, что им приходится наклеивать сверху новый листок бумаги, чтобы было куда вкалывать флажки в следующий раз.

Приближаясь к концу коридора, Бонд услышал, как где-то рядом рояль наигрывал довольно грустную мелодию. У двери в номер 350-й он понял, что музыка раздается оттуда. Он даже узнал мелодию — «Желтые листья». Он постучал.

— Входи, — портье, видимо, позвонил в номер, и его там ждали.

Бонд вошел в небольшую прихожую и закрыл за собой дверь.

— Запри, — сказал голос, раздавшийся из спальни.

Бонд сделал как ему велели и прошел на середину комнаты, пока не оказался напротив открытой двери в спальню. Когда он шел мимо портативного проигрывателя, пианист на пластинке начал играть.

Полуобнаженная, она сидела перед туалетным столиком лицом к спинке стула, глядя в трехстворчатое зеркало и положив подбородок на скрещенные руки. Вся ее поза была расслабленной и как бы небрежной. Узенькая черная полоска лифчика на спине и черные кружевные трусики не могли оставить Бонда равнодушным.

Девушка закончила изучение собственного отражения в зеркале и принялась спокойно разглядывать Бонда.

— Так это ты новый помощник, — сказала она хрипловатым голосом, не терпящим возражений. — Садись и послушай музыку. Эта пластинка — лучше всех.

Ситуация начала забавлять Бонда. Он послушно направился к стоявшему рядом глубокому креслу, подвинул его так, чтобы видеть девушку через дверной проем, и сел.

— Не возражаешь, если я закурю? — спросил он, вынимая из портсигара сигарету.

— Пожалуйста, если тебе больше нравится именно такой вид самоубийства.

Мисс Кейс возобновила молчаливое изучение своего лица в зеркале, а пианист на пластинке приступил к «J'attendrai». Это была последняя вещь, и проигрыватель замолк.

Не обращая на Бонда ни малейшего внимания, девушка, поигрывая бедрами, встала и потянулась. Она слегка повернула голову, и грива золотистых волос тяжело упала на плечи.

— Если нравится — переверни, — сказала она безразличным тоном. — Я буду через пару минут. — И она исчезла из поля зрения.

Бонд подошел к проигрывателю и взял пластинку в руки. Это был концерт

Джорджа Фейера в сопровождении ритмсекции. Бонд запомнил индекс пластинки — Vox 500. Он посмотрел, какие вещи есть на обороте, и, пропустив «La Vie en Rose», с которой у него были связаны определенные воспоминания, поставил «Avrill au Portugal».

Прежде чем отойти от проигрывателя, он вытащил из-под него подставку и поднес ее к стоявшей на письменном столе лампе. Повертев ее при свете лампы, он обнаружил, что никаких следов на ней не было. Бонд пожал плечами, положил ее на место и вернулся в свое кресло.

Ему подумалось, что эта музыка гармонирует с девушкой. Казалось, что все мелодии написаны специально для нее. Не удивительно, что это ее любимая пластинка. В ней была та же бесстыдная чувственность, манерность и пикантность, что и в глазах девушки, когда она изучала его отражение в зеркале.

Бонд не пытался заранее представить себе, как должна выглядеть некая мисс Кейс, которой поручено следить за ним на всем пути в Америку. Он считал само собой разумеющимся, что это будет уголовного вида потрепанная бабенка с рыбьими глазами — жесткая угрюмая женщина, уже знающая «маршрут», чье тело больше не могло заинтересовать бандитов, на которых она работала. У этой девушки, хотя она и была, безусловно, тертым калачом, кожа дышала свежестью, какой бы ни была история ее тела.

Как же ее зовут? Бонд вновь поднялся и подошел к проигрывателю. На прикрепленной к ручке бирке компании «Пан-ам» было написано: «Мисс Т. Кейс». Т.? Бонд вернулся в кресло. Тереза? Тэсс? Трудит? Тилли? Вроде бы ни одно из имен не подходило. И уж, конечно, не Трикси, Тони или Томми.

Он все еще размышлял над этой сложной проблемой, когда она бесшумно вышла из спальни и остановилась, опершись локтем о дверной косяк и подперев голову ладонью. Она задумчиво смотрела на Бонда.

Бонд неторопливо поднялся и посмотрел на нее.

Если не считать шляпки, маленькой и черной, которую она держала в свободной руке, мисс Кейс была готова к выходу. На ней был шикарный черный, сшитый на заказ костюм, оливкового цвета блузка, застегнутая до горла, золотистые чулки и черные, на вид — очень дорогие, туфли крокодиловой кожи с квадратными носками. На левой руке — элегантные золотые часы на черном ремешке, на правой — массивный золотой браслет. Средний палец правой руки украшало кольцо с сияющим продолговатым бриллиантом, а в ушах — золотые серьги с плоскими жемчужинами.

Она была очень красива. Вызывающе красива. Весь ее вид кричал: идите вы все к черту! Невольно думалось, что красота ее — вещь в себе, и что ей совершенно наплевать, что могут подумать о ней мужчины. Брови над большими насмешливыми серыми глазами были иронично приподняты и, казалось, говорили: «Конечно, приятель, подойти, попробуй. Но горе тебе, если ты не супермен».

Сами глаза были какими-то переливчатыми. Если подвески люстры переливчаты, сама люстра при изменении света меняет цвет. Так и глаза этой девушки меняли свой цвет от светло-серого до сочного серо-голубого.

На ее слегка загорелом лице не было никакой косметики, кроме бордовой помады на сочных мягких и чувственных губах, что придавало рту все черты «греховности». Но, подумал Бонд, это не закоренелая греховность, если судить по уверенному взгляду, властному и напряженному.

Этот взгляд был сейчас направлен как бы сквозь него.

— Итак, ты — Питер Фрэнкс, — произнесла она низким приятным голосом, правда, с ноткой снисходительности.

— Да, — сказал он, — и я все гадал, что же стоит за инициалом "Т".

Она задумалась на мгновение.

— Ты мог бы выяснить это и у портье, — сказала она. — "Т" — значит Тиффани. — Она подошла к проигрывателю и остановила пластинку на середине «Je n'en connais pas la fin». Затем повернулась к Бонду. — Но это не обязательно знать всем, — холодно добавила она.

Бонд пожал плечами и встал у окна, скрестив ноги.

Похоже было, что его беззаботность начинала злить ее. Она села за письменный стол.

— Ну ладно, — сказала она раздраженно, — перейдем к делу. Прежде всего, скажи мне, почему ты взялся за эту работу?

— Кто-то умер.

— Вот как, — она быстро взглянула на Бонда. — Мне говорили, что твое ремесло — кражи. — Она сделала паузу. — Случайно или умышленно?

— Случайно. В драке.

— И теперь тебе надо смотать удочки.

— И это тоже, но не мешало бы и заработать.

Она сменила тему.

— У тебя что — деревянная нога или искусственные зубы?

— Никак нет. Пока все родное.

Она нахмурилась.

— Сколько раз я просила найти мне человека с деревяшкой вместо ноги! Хорошо, у тебя есть какое-нибудь хобби или что-то в этом роде? Может идеи какие есть насчет перевозки камешков?

— Идей нет, — сказал Бонд, — а играю я в карты и в гольф. Но я всегда думал, что для таких вещей лучше всего подходят ручки сундуков и чемоданов.

— То же самое думают и таможенники, — отрезала она. На несколько минут она задумалась. Потом достала ручку и лист бумаги и положила перед собой. — Какими мячиками для гольфа ты пользуешься? — спросила она без улыбки.

— «Данлор-65», — теперь и Бонд говорил серьезно. — В этом что-то есть...

Она ничего не ответила, а просто записала название. Потом опять взглянула на Бонда. — Паспорт у тебя есть?

— В общем-то есть, — сказал Бонд, — но не на мое настоящее имя.

— Так, — она опять стала подозрительной. — И как же тебя зовут на самом деле?

— Джеймс Бонд.

Она фыркнула.

— Почему бы не Джоу Доу? — Она пожала плечами. — Впрочем, это никого не волнует. Сможешь за два дня раздобыть американскую визу и сертификат о прививках?

— Думаю, что смогу, — ответил Бонд. (Со всем этим справится секция "Q"). — У американцев против меня ничего быть не может. Кстати, и в местной полицейской картотеке тоже. Я имею в виду, на фамилию Бонд.

— О'кей, — сказала она. — Теперь слушай. Это тебе понадобится для прохода через иммиграционную службу. Ты едешь в Штаты в гости к человеку по имени Дерево. Майкл Дерево. В Нью-Йорке ты остановишься в «Асторе». Он твой американский друг, а познакомились вы с ним во время войны. — Она ненадолго расслабилась. — Чтобы ты знал, человек такой действительно существует и подтвердит твою легенду. Но никто не называет его Майклом. Среди своих друзей, если у него такие вообще есть, он известен как «Тенистое» Дерево, — добавила она с кислой миной.

Бонд улыбнулся.

— Это все не совсем смешно, как кажется, — резко сказала девушка. Она выдвинула ящик стола и вынула оттуда толстую пачку пятифунтовых банкнот,

перетянутую резинкой. Прикинув, она вытащила половину денег, а остаток сунула обратно в ящик. Свернув деньги в трубочку и стянув их резинкой, она бросила их Бонду. Бонд подался вперед и поймал их.

— Здесь около 500 фунтов, — сказала девушка. — Сними себе номер в «Ритце» и сообщи его координаты в иммиграционную службу. Купи подержанный чемодан и сложи туда все, что может понадобится для воскресной игры в гольф. Купи и клюшки для гольфа. И не показывайся никому на глаза. Рейс «ВОАС» на Нью-Йорк вечером в четверг. Завтра утром первым делом закажи на него один билет: без него посольство не даст тебе визу. В 18.30 у «Ритца» тебя будет ждать машина. В четверг вечером. Водитель передаст тебе мячики для гольфа, которые ты положишь в чемодан. И, — она посмотрела прямо в глаза, — не думай, что на этом товаре тебе удастся нагреть руки в одиночку. Водитель машины будет при тебе до того момента, как багаж повезут к самолету. Да и я сама буду в аэропорту. Так что без глупостей. Понял?

Бонд пожал плечами.

— С этим товаром мне одному не справиться, — небрежно ответил он. — Мне бы чего помельче. А что будет дальше?

— За таможенной тебя встретит другой водитель. Он все и расскажет. Дальше, — ее тон стал совсем деловым. — Если на таможне, здесь или там, произойдет что-нибудь непредвиденное — ты ничего не знаешь. Понятно? Ты даже не знаешь, как эти мячики попали в твой чемодан. Что бы они не спрашивали и не говорили, ты должен твердить одно: ничего не знаю. Прикинься дурачком. Следить за тобой буду я. А может быть и кто-то еще, не знаю. Если тебя заметут в Америке, требуй вызвать британского консула. От нас никакой помощи не будет. За это тебе и платят, не так ли?

— Справедливо, — сказал Бонд. — Единственно кто мог бы загреметь вместе со мной — это ты. — Он оценивающе посмотрел на нее. — А вот этого мне бы как раз и не хотелось.

— Чувь собачья, — презрительно молвила она. — Ты обо мне ничего не знаешь. Так что за меня не беспокойся, дружок. Лучше позаботься о самом себе. — Она поднялась и встала перед ним. — И никакого панибратства, — резко сказала она. — У нас работа. А о том, как я могу постоять за себя, ты и не догадываешься.

Бонд с улыбкой посмотрел ей прямо в горящие серые глаза, потемневшие сейчас от нетерпенья.

— Все, что сделаешь ты, я сделаю лучше. Не беспокойся. Думаю, что я ни в чем не уступлю тебе. Расслабься, и хоть на минуту оставь свой менторский тон. Мне просто хотелось бы еще встретиться с тобой. Может быть, если все пройдет как надо, увидимся в Нью-Йорке? — Произнес эти слова, Бонд чувствовал себя предателем. Но девушка ему действительно нравилась и ему хотелось узнать ее поближе. Другое дело, что это знакомство могло бы помочь ему глубже внедриться в сеть...

С минуту она задумчиво смотрела на него. Взгляд ее посветлел, сжатые губы расслабились. Когда она ответила, голос ее почти дрожал.

— Я, я... то есть, — она резко отвернулась. — Черт! — Сказала она, но прозвучало это как-то растерянно. — В пятницу вечером я свободна. Думаю, что мы могли бы поужинать вместе. Клуб «21» на 52-й улице. Все таксисты его знают. В восемь вечера. Если все будет нормально. Устраивает? — она вновь повернулась к нему, но смотрела не в глаза, а скорее, на губы.

— Вполне, — сказал Бонд. Он подумал, что настало время уходить, иначе он может совершить ошибку. — Так, — деловито произнес он, — Что-нибудь еще?

— Нет, — ответила она, а затем, словно только что вспомнила о чем-то важном, спросила резко: — Сколько времени?

Бонд посмотрел на часы.

— Без десяти шесть.

— Мне пора заняться делом, — сказала она. Как бы показывая, что ему пора уходить, она направилась к двери. Бонд двинулся за ней. Положив руку на ручку двери, она обернулась. Она посмотрела на него, и в глазах ее засветилась уверенность и теплота. — С тобой все будет в порядке, — сказала она. — Только в самолете держись от меня подальше. Если что-нибудь случится — не паникуй. Если у тебя все пройдет нормально, — в ее голос вновь вкрадась нотка превосходства, — я постараюсь сделать так, чтобы тебе поручали такие дела почаще.

— Спасибо, — сказал Бонд. — Было бы неплохо. Мне нравится с тобой работать.

Слегка поведя плечами, она открыла дверь и пропустила Бонда в коридор. Бонд повернулся к ней.

— Увидимся в этом твоём клубе «21», — сказал он. Ему хотелось добавить ещё что-нибудь, найти какой-нибудь предлог остаться с ней, этой одинокой девушкой, слушающей проигрыватель и рассматривающей себя в зеркало.

Но ее мысли были уже где-то далеко, и выглядела она сейчас совершенно чужой.

— Конечно, — безразличным тоном произнесла она. Ещё один взгляд на него, и дверь медленно, но решительно закрылась перед ним.

Пока Бонд шел по коридору к лифту, девушка стояла у двери и ждала, когда затихнут его шаги. Потом, с грустью в глазах, она медленно подошла к проигрывателю и включила его. Взяв ту же пластинку, она выбрала подходящую по настроению мелодию. Поставила пластинку и опустила иглу. Зазвучала мелодия «*Je n'en connais pas la fin*». Девушка слушала и думала о человеке, столь неожиданно ворвавшимся в ее жизнь. Господи, с отчаянием и горечью подумала она, ещё один бандюга. Неужели ей так и суждено всю жизнь провести среди них? Но когда музыка кончилась, лицо ее светилось радостью, и, пудрясь перед выходом, она уже мурлыкала мелодию себе под нос.

На улице она остановилась и посмотрела на часы. Десять минут седьмого. Осталось пять минут. Через Трафальгарскую площадь она направилась к станции метро Чаринг-кросс, обдумывая, что она должна будет сказать. Войдя в метро, она направилась к телефонной будке, которой всегда пользовалась в таких случаях.

Ровно в 6.15 она набрала номер в Уэлбеке. Как и всегда после двух гудков раздался щелчок автоответчика. Двадцать секунд в трубке раздавалось только слабое шипение. Потом механический голос ее неизвестного шефа произнес только одно слово: «Говорите». И вновь лишь шуршащая тишина.

Она уже давно приучила себя не волноваться, слыша эту отрывистую безликую команду. Она быстро, но четко заговорила в трубку:

— Кейс вызывает ABC. Повторяю. Кейс вызывает ABC.

Пауза.

— Курьер удовлетворителен. Настоящее имя — Джеймс Бонд. Это же имя будет и в паспорте. Играет в гольф и повезет клюшки. Предлагаю мячики для гольфа. Пользуется мячиками «Данлоп-65». Все договоренности остаются в силе. Буду звонить для подтверждения операции в 19.15 и в 20.15. У меня все.

Еще несколько мгновений она слушала шелест в трубке, затем повесила трубку и вернулась в гостиницу. Из номера она заказала бокал сухого «Мартини», и, получив его, села, закурила и включила проигрыватель. Она ждала семи часов пятнадцати минут.

В 19.15, а может быть только в 20.15 она услышит в трубке механический приглушенный голос: «ABC вызывает Кейс. Повторяю. ABC вызывает Кейс...» А дальше последуют инструкции.

А где-то, в какой-нибудь снятой на время лондонской квартире, магнитофон

остановится, когда она положит трубку. И, может быть, кто-то откроет и закроет неизвестную дверь, неслышно спустится по ступеням, выйдет на неизвестную улицу и скроется вдали.

6. В пути

В четверг, в шесть часов вечера в спальне своего номера в «Ритце» Бонд занимался упаковкой чемодана. Это был уже солидно потертый, но знавший лучшие времена, чемодан из свиной кожи фирмы «Ривелейшн», содержимое которого вполне отвечало его внешнему виду. Вечерние костюмы, легкий белый с черной отделкой костюм для пикников и гольфа, туфли для гольфа фирмы «Сэксон», несколько шелковых белых и синих сорочек с пристегивающимися воротничками фирмы «Си Айленд», рубашки с короткими рукавами, носки, галстуки, нейлоновое белье, две шелковые пижамные куртки. Одет был Бонд в темно-синий камвольный тропический костюм.

Ни на одной из вещей никогда не было никаких пометок или инициалов.

Бонд уложил чемодан и приступил к сбору небольшого атташе-кейса, куда он убрал умывальные и бритвенные принадлежности, книгу Томми Армура «Как лучше всего играть в гольф», билет на самолет и паспорт. Атташе-кейс был также сделан из свиной кожи. Но изготовила его Секция и поэтому в нем было небольшое тайное отделение, где лежал глушитель к его пистолету и тридцать патронов 25-го калибра.

Раздался телефонный звонок. Бонд решил, что это, несколько раньше назначенного срока, пришла машина, но, оказалось, звонил портье, сообщивший, что представитель фирмы «Юниверсал Экспорт» принес письмо «лично для господина Бонда».

— Пусть он поднимется, — сказал Бонд, удивляясь неожиданному визиту.

Через несколько минут он впустил в номер человека в гражданской одежде, в котором сразу же признал одного из посыльных Штаб-квартиры.

— Добрый вечер, сэр, — сказал человек. Из внутреннего кармана он достал большой белый конверт и протянул Бонду. — Я должен дождаться, пока вы не прочтете письмо, и вернуть его назад, сэр.

Бонд вскрыл белый конверт, извлек оттуда голубой конверт и, сломав печать, достал письмо.

Оно было напечатано на голубой стандартной бумаге. Ни имени адресата, ни подписи отправителя не было. Бонд сразу узнал крупный шрифт, которым печатались послания самого М.

Он предложил посыльному кресло, а сам устроился за письменным столом лицом к окну.

"Из Вашингтона сообщают (говорилось в меморандуме), что под именем Руфуса Б. Сэя выступает Джек Спэнг, подозреваемый в преступлениях и упомянутый в Докладе Кефовея, но ни разу не судимый. Вместе со своим братом-близнецом Серафимо Спэнгом возглавляет «Банду Спэнгов», ведущую крупные операции в Соединенных Штатах. Пять лет назад братья Спэнг «вложили деньги» в приобретение контрольного пакета акций «Дома бриллиантов». С тех пор в деятельности этой фирмы ничего противозаконного или компрометирующего не наблюдалось.

Братьям принадлежит некая «телефонная сеть», связывающая их с неофициальными букмекерами в Неваде и Калифорнии и являющаяся соответственно, незаконной. Называется она «Надежная связь». В Лас-Вегасе им принадлежит также отель «Тиара», где расположена штаб-квартира Серафимо Спэнга, и, благодаря законам Невады о налогообложении, представительство фирмы «Бриллиантовый дом».

Вашингтон сообщает, что «Банда Спэнгов» проявляет очевидный интерес к таким видам нелегальной деятельности, как наркотики и организованная проституция. Этой сферой заправляет из Нью-Йорка Майкл («Тенистый») Три [Tree (англ.) — дерево], пять раз судимый за правонарушения. Своих представителей банда имеет в Майами и Чикаго.

Вашингтон считает «Банду Спэнгов» одной из наиболее «влиятельных» банд в Соединенных Штатах, имеющей отличные контакты в государственном и федеральном аппарате и в полиции. «Банда Спэнгов» котируется столь же высоко, как «Кливлендская организация» и «Пурпурная банда» из Детройта.

Мы не сообщали в Вашингтон о причинах, заставивших нас заинтересоваться этим делом, но в том случае, если расследование приведет к опасности столкновения с гангстерами, вы должны сразу же доложить об этом и выйти из игры, передав все результаты в ФБР.

Это — приказ.

Подтверждением получения этого приказа будет возвращение настоящего документа в запечатанном конверте".

Подписи не было. Бонд еще раз пробежал по письму глазами, свернул его и положил в один из гостиничных конвертов.

Он поднялся и протянул конверт курьеру.

— Большое спасибо, — сказал он. Я не пойду вас провожать.

— Да, сэр. Конечно, сэр, — сказал курьер. Он подошел к двери и открыл ее. — До свидания, сэр.

— До свидания.

Дверь бесшумно закрылась. Бонд подошел к окну и стал смотреть на раскинувшийся напротив парк.

На мгновение он ясно представил себе сидящего в своем пустынном кабинете художавого пожилого человека.

Передать дело в ФБР? Бонд знал, что этот приказ исходил от М. Но он также знал, как горько будет М. обращаться за помощью к Эдгару Гуверу и просить его таскать английские каштаны из огня.

Главными словами в меморандуме были слова «опасность столкновения». Насколько «опасно столкновение» решать Бонду самому. По сравнению с тем, с кем Бонду раньше доводилось иметь дело, вряд ли эти бандюги окажутся опасными. Или он не прав? Бонду неожиданно вспомнилось квадратное каменное лицо Руфуса Б. Сэя. Ну что ж. Во всяком случае не помешает взглянуть на братца со столь экзотическим именем. Серафимо. Такие имя скорее подошло бы какому-нибудь официанту ночного рестораника или продавцу мороженого. Но и эти люди ничем не отличаются. Также склонны к дешевой театральности.

Бонд пожал плечами. Часы показывали 6.25. Он еще раз осмотрел комнату. Все было в порядке. Повинуясь импульсу, из висевшей подмышкой замшевой кобуры его правая рука выхватила автоматическую «Беретту» 25-калибра. Этот новый пистолет в качестве напоминания подарил ему М. после выполнения последнего задания, сопроводив запиской со словами «Это может тебе пригодиться».

Бонд подошел к кровати, вынул обойму, а оставшийся в канале ствола патрон вытряхнул на покрывало. Передернув затвор, он мягко нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок. Он вновь оттянул затвор, убедился, что вокруг бойка, который он столько шлифовал, доведя до острия иглы, нет ни пылинки, ласково провел рукой по вороненому стволу до дула, с которого он сам спилил мушку. Затем он загнал один патрон в обойму, обойму — в рукоятку, поставил оружие на предохранитель и положил его в кобуру под пиджаком.

Зазвонил телефон.

— Ваша машина у подъезда, сэр.

Бонд положил трубку. Итак, вот оно. Начало пути. Он задумчиво подошел к окну и вновь взглянул на зеленые кроны деревьев. Он ощутил пустоту в груди, боль расставания с этими деревьями, с летним Лондоном, и чувство уязвимости при мысли о том, что за исключением телефонного звонка, которого, как он понимал, он и не сделает, похожее на крепость огромное здание на Риджент-парке уже вне его досягаемости.

В дверь постучали, и пока швейцар забирал багаж и нес по коридору к лифтам, Бонд уже отрешился от всех иных мыслей и думал лишь о том, что может ждать его у начала раскрывающейся перед ним за дверями отеля «Ритц» сети.

Машина была черным «Армстронг Сиддели Сэффайером» с красными номерами торгового представительства.

— Вам будет лучше на переднем сиденьи, — сказал одетый в униформу шофер. И это вовсе не звучало как приглашение. Оба чемодана и сумка с клюшками для гольфа были уложены на заднем сиденьи. Бонд сел поудобнее и, когда машина выехала на Пикадилли, стал разглядывать водителя. Однако, все, что он увидел — это резко очерченный профиль под козырьком фуражки. Глаза были скрыты под небольшими черными очками. Руки, мастерски справляющиеся с рулем и рычагом переключения скоростей, были обтянуты кожаными перчатками.

— Не пытайтесь, мистер. Наслаждайтесь ездой. — Голос был с бруклинским акцентом. — И лучше не старайтесь побеседовать со мной. Меня это раздражает.

Бонд улыбнулся и промолчал. Сделал как его просили. Сорок лет, подумал он. Семьдесят шесть килограммов. Сто восемьдесят. Запах табака отсутствует. Дорогие туфли. Одевается аккуратно. Мешков под глазами нет. Бреется два раза в день электробритвой.

После поворота в конце Грейг вест Роуд водитель остановил машину у обочины. Он открыл перчаточный ящик и осторожно вынул оттуда шесть новых мячиков. «Данлоп-65» в черной упаковочной бумаге, скрепленной неповранными этикетками. Не выключая двигателя, он вылез из машины и открыл заднюю дверцу. Глядя через плечо, Бонд смотрел, как тот расстегнул карманчик для мячей на сумке для гольфа и аккуратно, один за другим, положил шесть новых мячиков к уже лежавшим там старым и новым мячикам. Затем, не говоря ни слова, водитель вернулся на свое место, и поездка продолжалась.

В Лондонском аэропорту Бонд без проблем сдал багаж, оформил билет, купил в киоске газету «Ивнинг стэндард». Отсчитывая монетки его рука как бы случайно коснулась руки симпатичной блондинки в бежевом дорожном костюме, лениво перелистывающей какой-то журнал. Затем, в сопровождении водителя и носильщика, он направился к таможене.

— Здесь только ваши личные вещи, сэр?

— Да.

— Сколько всего у вас с собой английских денег, сэр?

— Три фунта с мелочью.

— Благодарю вас, сэр, — синий мелок пометил все три его места, и носильщик поставил чемодан и сумку для гольфа на тележку. — Теперь следуйте по желтым указателям к службе иммиграции, сэр, — сказал он и покатил тележку к погрузочному конвейеру.

Водитель поднял руку в ироническом приветствии. Его глаза блеснули сквозь черное стекло очков, а губы изобразили подобие улыбки.

— До свидания, сэр. Приятного путешествия.

— Благодарю, милейший, — весело ответил Бонд, отметив с удовлетворением, как улыбка исчезла с лица водителя, который быстро повернулся и ушел.

Взяв атташе-кейс, Бонд показал паспорт стоявшему у стойки симпатичному, пышущему здоровьем молодому человеку, который поставил галочку против

фамилии Бонда в списке пассажиров, и направился в зал вылета. У себя за спиной он услышал низкий голос Тиффани Кейс, поблагодарившей того же самого молодого человека, а еще через минуту она также появилась в зале и заняла место между Бондом и выходом к самолетам. Бонд улыбнулся. Он и сам выбрал бы это место, если бы ему поручили следить за кем-то, не вызывающим доверия.

Бонд развернул «Ивнинг Стэндард» и стал поверх нее разглядывать других пассажиров.

Видимо, самолет будет почти полон, определил он (Бонд купил билет слишком поздно, чтобы зарезервировать спальное место) и с облегчением отметил, что среди сорока человек, сидевших в зале вылета, не было ни одного знакомого. Несколько англичан, две монахини — Бонду почему-то подумалось, что монахини все время летают через Атлантику летом — несколько обычно одетых американцев, в большинстве своем — бизнесмены, два маленьких ребенка, призванных не давать пассажирам спать, и горстка европейцев различных национальностей. Самые обычные пассажиры, подумал Бонд. Хотя, если у двух из них — у него самого и у Тиффани Кейс есть секреты, то почему бы не предположить, что и многие из этой серой массы отправляются за океан со всякими странными поручениями?

Бонд почувствовал, что за ним следят, но оказалось, что это были всего лишь мимолетные взгляды двух пассажиров, которых он отнес к американским бизнесменам. Они тут же отвели глаза, и один из них, молодой, но рано поседевший, сказал что-то своему соседу. Они оба встали и, взяв шляпы, которые, несмотря на хорошую погоду, были в целлофановых чехлах, направились к бару. Бонд услышал, как они заказали двойные бренди с водой. Второй человек, бледный и полный, вынул из кармана баночку с таблетками, достал одну и запил ее бренди. Лекарство от тошноты, решил Бонд. Наверное, человек был никудышным путешественником.

Дежурная сидела неподалеку от Бонда. Она подняла трубку и сообщила — диспетчерам — подумал Бонд, что в «последнем отстойнике» находятся сорок пассажиров. Положив трубку, она взяла микрофон.

«Последний отстойник»? Хорошенькое начало рейса через Атлантику, подумалось Бонду. Но вот пассажиры покинули зал и поднялись в огромный «Боинг». Один за другим заревели моторы. Стюардесса объявила, что первая посадка будет в Шэнноне, где пассажирам подадут обед. Время пути — час пятьдесят. Тем временем, двухпалубный «Стратокрузер» медленно выезжал на взлетную полосу «Восток-Запад». Командир корабля один за другим разгонял двигатели до необходимой для взлета мощности. Самолет дрожал от напряжения. В иллюминатор Бонд видел, как двигаются проверяемые подкрылки. И вот, медленно развернувшись в сторону заходящего солнца, самолет вырулил на взлетную полосу. Скрипнули высвобождаемые тормоза, трава по обе стороны пригнулась под напором воздуха, и машина, пробежав почти две мили по бетонной дорожке, поднялась, нацелившись на другую бетонную дорожку, находящуюся за океаном.

Бонд закурил, и достав книгу, начал поудобнее устраиваться в кресле, как вдруг спинка левого из стоящих перед ним двух сидений резко наклонилась в его сторону. В кресле этом, как оказалось, сидел один из тех двух американских бизнесменов, толстяк. Он развалился в кресле и до сих пор не расстегнул ремень безопасности. Лицо его позеленело и покрылось каплями пота. К груди он обеими руками прижимал портфель, и Бонду удалось рассмотреть прикрепленную к нему бирку. На ней было написано: «Г-ну В. Уинтер», и чуть ниже, аккуратными красными буквами — «Группа крови — А».

Бедняга, подумал Бонд. Ведь он в ужасе. Он уверен, что самолет разобьется. И единственное, на что он надеется, это на то, что вытаскившие его из-под обломков люди правильно выберут кровь для переливания. Этот самолет для него — не что иное, как огромная коробка, заполненная невероятными предметами,

поддерживаемая в воздухе парой каких-то устройств и управляемая с помощью электричества. Веры нет ни этой машине, ни статистическим выкладкам. Он по-прежнему испытывает те же страхи, что и в детстве: страх перед любым шумом и страх перед падением. Даже в туалет он не пойдет, опасаясь, что провалится.

В лучах пронизывающего салон вечернего солнца появился чей-то силуэт. Бонд повернулся к нему. Это была Тиффани Кейс. Пройдя мимо него, она спустилась по ступенькам в нижнюю палубу, где находился бар. Бонд подумал, что неплохо было бы пойти вместе с ней, но... Пожав плечами, он решил утешиться коктейлем и бутербродами с икрой и севрюгой. Потом он опять взялся за книгу, но поймал себя на том, что читает, ничего не понимая. Тогда он решительно прогнал мысли о девушке и начал читать ту же страницу.

К моменту, когда Бонд почувствовал, что уши начало закладывать перед пятидесятимильным снижением над западным побережьем Ирландии, он прочитал уже четверть книги. Зажглось табло «Не курить. Пристегнуть ремни». Самолета коснулся бело-зеленый луч прожектора аэропорта Шэннон, и вот уже навстречу самолету, рванулись красные и желтые огни посадочной полосы, а затем — изумрудные огни, окаймляющие наземные дорожки, по которым «Стратокрузер» покатился к месту стоянки. Потом — обед. Бифштекс, шампанское и прекрасный горячий кофе с ирландским виски и со сливками. Пробежка по торговой галерее: поделки, игрушки, сувениры по полтора доллара, отвратительные твидовые пиджаки, куколки и салфетки. Обычная аэропортовская дребедень. Потом динамики разнесли что-то нечленораздельное, сказанное по-ирландски, и ухо Бонда уловило лишь два знакомых слова — «BOAC» и «Нью-Йорк». Повторное объявление, но уже по-английски. Последний взгляд на Европу, и вот они уже на высоте четырех тысяч метров, на пути к следующей встрече с земной твердью, куда их направляют позывные кораблей «Джиг» и «Чарли», передающих откуда-то из центра Атлантического океана необходимые летчикам данные о погоде, скорости ветра и т. п.

Бонд отлично выспался и проснулся уже когда самолет приближался к южным берегам Новой Шотландии. Он пошел в туалетную комнату, побрился, прополоскал рот и вернулся на свое место среди помятых, спящих в неудобных позах пассажиров. Настал момент, который всегда производил на него огромное впечатление: из-за горизонта появилось солнце, и его красные лучи затопили салон кровавым светом.

После восхода солнца пассажиры начали просыпаться. Внизу, с высоты шести километров, дома казались крупными сахарного песка, просыпанного на коричневый ковер. Кроме тоненькой струи дыма от паровоза, белого перышка, плывущего через гавань рыболовного судна и блестящих в лучах солнца хромированных частей кажущегося игрушечным автомобиля, на земле не было никакого движения. Однако Бонд почти физически ощущал, как под одеялами, там, внизу, начинают ворочаться люди, и как из домов, где над трубами уже заструился дымок, вьется в прозрачном утреннем воздухе запах горячего кофе.

В самолете подали завтрак. Это был тот самый бестолковый набор яств, который авиакомпания называла «Английским дачным завтраком». Старший стюард разнес американские таможенные декларации — среди них и форму № 6063 министерства финансов, — и Бонд прочитал написанное мелким шрифтом: «...умышленный отказ внести в декларацию имеющиеся ценности... влечет за собой штраф или тюремное заключение...» Улыбнувшись, он вписал в графу слова «личные вещи» и поставил подпись.

Потом еще три часа самолет, казалось, неподвижно висел в воздухе, и лишь колеблющиеся на стенках салона солнечные зайчики говорили о том, что он все-таки движется. Наконец внизу широко раскинулся Бостон, за ним, похожая сверху на клевер, — развязка автомобильной дороги в Нью-Джерси. По мере того, как самолет

начал снижаться, направляясь к покрытым дымкой пригородам Нью-Йорка, у Бонда опять заложило уши. Но вот раздалось шипение гидравлических механизмов, самолет выпустил шасси, резко наклонился вперед, колеса коснулись посадочной полосы, двигатели начали торможение, в иллюминаторах показались строения аэропорта, машина замерла, открылся люк. Они прилетели.

7. «Тенистый»

К стойке с литерой "Б", у которой со своим багажом стоял в ожидании Бонд, ленивой походкой направлялся добродушный на вид таможенник, с брюшком и мокрыми от пота подмышками, в серой форменной рубашке. У следующей стойки стоявшая там девушка вынула из сумочки пачку «Парламента» и извлекла оттуда сигарету. Бонд услышал, как она несколько раз неторопливо щелкнула зажигалкой, а затем резким движением застегнула сумочку на молнию. Бонд ощутил на себе ее внимательный взгляд и пожалел, что ее имя не начинается хотя бы с буквы "З": тогда она стояла бы подальше от него, была бы ее фамилия Заратустра, Захариас, Зофани и что-то в этой роде!

— Мистер Бонд?

— Да.

— Это ваша подпись?

— Да.

— Здесь только ваши личные вещи?

— Да, конечно.

— Ну и отлично. — Таможенник вырвал из книжечки квитанцию о досмотре и наклеил ее на чемодан. То же он проделал и с атташе-кейсом и перевел взгляд на сумку для гольфа. Не оторвав квитанцию, он посмотрел на Бонда.

— Сколько набиваете, господин Бонд?

На мгновение Бонд смешался.

— Это клюшки для гольфа.

— Разумеется, — терпеливо сказал таможенник. — Но сколько же вы набиваете? Сколько десятков?

Бонд был готов отколотить самого себя за то, что забыл этот американизм.

— Где-то чуть больше восьмидесяти.

— Да... Мне тоже никогда не удавалось набрать больше сотни очков, — сказал таможенник. Он, наконец, оторвал долгожданную квитанцию и наклеил ее в нескольких сантиметрах от того кармана сумки, в котором лежала огромнейшая партия контрабанды когда-либо провозившаяся через «Айдлуайлд».

— Желаю вам приятно провести время, господин Бонд.

— Спасибо, — ответил Бонд. Он подозвал носильщика и направился к последнему барьеру на границе — полицейскому инспектору, стоявшему у выхода из зала прибытия. Полицейский нагнулся, проверил наличие квитанций на багаже и махнул рукой.

— Проходите.

— Мистер Бонд?

Слова эти произнес высокий темноволосый человек с продолговатым лицом, на котором выделялись противные маленькие глазки. Он был одет в темно-коричневые брюки и кофейного цвета рубашку.

— Машина ждет вас.

Он повернулся и направился к выходу из аэропорта, где ярко светило теплое утреннее солнце. Бонд заметил, что задний карман брюк незнакомца сильно оттопырен, причем, судя по форме, там мог лежать лишь один предмет — автоматический пистолет небольшого калибра. "Типичная вещь, — подумал Бонд. —

«Все как в боевиках про Майка Хаммера. От этих американских гангстеров за версту отдает отсутствием профессионализма. Начитались здесь всяких комиксов, да фильмов дурацких насмотрелись». «Машиной» оказался черный «Олдсмобиль-седан». Бонд не стал ждать указаний и сел впереди, предоставив носильщику право загрузить его багаж на заднее сиденье, а человеку в коричневом — расплатиться с носильщиком. После того, как из пустынной прерии, окружавшей Айделуайлдский аэропорт, они оказались в потоке машин на автостраде Ван-Вайк, Бонд почувствовал, что неплохо было бы что-нибудь сказать. И сказал:

— Как здесь у вас с погодой?

Водитель, продолжая следить за дорогой, нехотя ответил:

— Где-то около тридцати градусов.

— Жарковато, — сказал Бонд. — У нас в Лондоне, так больше двадцати редко бывает.

— Да ну.

— И что мы будем делать дальше? — спросил Бонд, помолчав несколько минут.

Водитель посмотрел в боковое зеркальце и перестроился в центральный ряд. Примерно четверть мили он занимался обгоном медленно ехавших машин. Наконец они вырвались на свободный участок дороги. Бонд повторил свой вопрос:

— Так что мы будем делать дальше?

Водитель быстро взглянул на него.

— «Тенистый» хочет тебя повидать.

— Да ну. — сказал Бонд. Неожиданно эти люди перестали вызывать у него интерес. Он попытался прикинуть, когда же ему удастся поиграть мускулами, но решил, что еще не скоро. Задание заключалось в том, чтобы проникнуть в цепочку и пробраться как можно ближе к ее концу. Любая попытка самостоятельных действий или неподчинения с его стороны, и задание окажется невыполненным. Так что ему надо быть как можно незаметней. Придется свыкнуться с этой идеей.

Они въехали в центральную часть Манхэттена и, вдоль реки, добрались до сороковых улиц. Затем — поворот, и вниз почти до середины 46-й улицы, нью-йоркского «хаттен-гардена». Водитель припарковал машину во втором ряду, поблизости от ничем особым не выделяющегося подъезда. Место их назначения было зажато с одной стороны непритязательным магазинчиком, где продавали бижутерию, а с другой — элегантным магазином, облицованным черным мрамором. Табличка с мелкими серебряными буквами, висевшая на фасаде здания, была столь ненавязчивая, что не зная Бонд заранее названия этой фирмы, он не смог бы, наверное, его прочитать. Надпись гласила: «Бриллиантовый дом, инкорпорейтед».

Как только машина остановилась, от дома отделился человек и, не торопясь, подошел к ней со стороны водителя.

— Все в порядке?

— Точно. Босс здесь?

— Ага. Запарковать твой шарабан?

— Было бы здорово. — Водитель повернулся к Бонду. — Вылезай, приятель. Приехали. Давай выгружаться.

Бонд вылез из машины и открыл заднюю дверцу. Он взял свой атташе-кейс и потянулся за сумкой для гольфа.

— Это я понесу сам, — сказал появившийся у него за спиной водитель. Бонд послушно взялся за чемодан. Водитель вытащил сумку и захлопнул дверцу. Его напарник уже сидел за рулем, и когда Бонд вслед за водителем направился к неприметной двери, машина уже затерялась среди других автомобилей.

Внутри был небольшой холл, где сидел похожий на носильщика человек. Оторвавшись от спортивного раздела газеты «Ньюз», которую держал в руках, он поздоровался с водителем и внимательно посмотрел на Бонда.

— Привет, — откликнулся водитель. — Можно здесь у тебя вещи оставить?

— Валяйте, — сказал человек. — Здесь они не пропадут.

С сумкой для гольфа на плече водитель вызвал лифт, дождался, пока Бонд присоединится к нему, и нажал кнопку четвертого этажа. Поднимались они в молчании. Наверху перед лифтом также был небольшой холл. В нем стояли два кресла, столик, большая медная урна. Больше ничего не было, кроме спертых теплого воздуха.

По обтрепанному коврику они подошли к стеклянной двери. Водитель постучал и открыл дверь, не дожидаясь ответа изнутри. Бонд вошел за ним и закрыл за собой дверь.

В комнате за столом сидел человек с огненно-оранжевой шевелюрой, окаймляющей круглое крупное приветливое лицо. Перед ним стоял стакан молока. При их появлении он поднялся, и Бонд увидел, что никогда еще не видел рыжих горбунов. Видимо, такая комбинация особых примет была хороша, чтобы пугать работавших на банду мелких уголовников.

Горбун медленно вышел из-за стола и направился к Бонду. Пару раз он обошел вокруг Бонда, изучая его с ног до головы, а затем остановился перед ним и уставился прямо в глаза. Бонд безучастно встретил этот взгляд узких глаз, столь пустых и неподвижных, что можно было бы подумать, их взяли напрокат в морге. Бонд понимал, что подвергается какому-то испытанию. Разглядывая, в свою очередь, горбуна, он отметил, большие уши с несколько непропорциональными мочками, сухие красные губы большого приоткрытого рта, отсутствие шеи и короткие сильные руки. Торс был обтянут желтой шелковой рубашкой, подчеркивающей бочкообразную грудь и горб.

— Я предпочитаю хорошенько разглядеть людей, которых мы нанимаем, мистер Бонд. — Голос был резким и высоким.

Бонд вежливо улыбнулся в ответ.

— Из Лондона мне сообщили, что вы убили человека. Охотно верю. Видно, что вы на это способны. Хотите еще поработать на нас?

— Это зависит от того, что надо делать, — ответил Бонд. — Или скорее, — он надеялся, что фраза прозвучит не очень фальшиво, — от того, сколько за это заплатят.

Горбун визгливо рассмеялся. Он повернулся к водителю.

— Роки, вытащи мячики и вскрой их. Держи. — Он сделал быстрое движение правой рукой и, раскрыв ладонь, протянул ее водителю. На ладони лежал обоюдоострый нож с плоской, обернутой изолентой, рукояткой. Бонд сразу узнал оружие: нож для метания в цель и отдал должное тому, что трюк с его появлением горбун проделал очень ловко.

— Щас сделаем, босс, — сказал водитель, и Бонд заметил, с каким рвением он взял нож и присел, чтобы расстегнуть карман сумки, где лежали мячики.

Горбун оставил Бонда и вернулся к креслу. Усевшись, он взял стакан с молоком, с отвращением посмотрел на него и выпил содержимое в два глотка. Взглянул на Бонда, как будто ждал от него поддержки.

— Язва? — сочувственно спросил Бонд.

— А тебя кто спрашивает? — злобно процедил горбун, но тотчас же перенес свое раздражение на водителя. — Ну, что ты там возишься, Роки? Давай, выкладывая мячики на стол, чтобы я видел как ты с ними обращаешься! Номера на каждом — это места пробок. Их-то и надо вытащить.

— Все будет в ажуре, босс, — быстро сказал водитель. Он поднялся, держа в руках шесть новых мячиков, и положил их на стол. Пять из них все еще были завернуты в черную глянцевую бумагу. Роки взял шестой мячик, повертел его в пальцах, взял нож, воткнул его в мячик и нажал. От мячика отделилась пробка.

Полсантиметра в диаметре. Открытый мячик он передал через стол горбуну. Тот вытряхнул на покрытую кожей крышку стола содержимое мячика: три необработанных камня по 10—15 карат.

Горбун задумчиво повозил пальцем по столу.

Водитель продолжал свою работу до тех пор, пока Бонд не насчитал на столе восемнадцать камней. В необработанном виде они не производили впечатления, но если это были камни высокого качества, то, по догадке Бонда, после огранки их стоимость наверняка составила бы не меньше ста тысяч фунтов.

— Все, Роки, — сказал горбун. — Восемнадцать штук. Все на месте. Теперь заberi эти деревяшки и отправь их с одним из ребят в «Астор». Туда пусть отвезут и вещи этого парня: для него там снят номер. И сложите все в этом номере. Понятно?

— Понятно, босс. — Водитель оставил нож и опустошенные мячики на столе, застегнул сумку для гольфа и, закинув сумку на плечо, вышел.

Бонд подошел к стоявшему у стены стулу, подтащил его к столу и сел лицом к горбуну. Медленно вытащил сигарету и закурил. Потом посмотрел на горбуна и сказал: — Ну, а теперь, если все в порядке, я бы не прочь получить свои пять тысяч долларов.

Горбун, внимательно следивший за движениями Бонда, опустил глаза на кучку лежавших перед ним алмазов. Он разровнял кучку, сложил из камней круг и вновь посмотрел на Бонда.

— Все свое вы получите, мистер Бонд, — высокий голос звучал четко и деловито. — А можете получить и больше. Но порядок оплаты разработан так, чтобы обезопасить и вас, и нас. Всю сумму наличными вы не получите. Думаю, вы понимаете почему, мистер Бонд. Вам ведь и самому, наверняка, доводилось оплачивать чужие услуги, когда вы делали свою карьеру взломщика. Очень опасно, когда у человека появляются большие деньги. Он начинает хвастаться, сорить деньгами направо и налево. А если попадет в полицию, и его начинают там спрашивать, откуда взялись деньги, то ответить ему и нечего. Вы согласны?

— Да, конечно, — сказал Бонд. Его удивила логичность и разумность сказанного. — В этом что-то есть.

— Поэтому, продолжал горбун, — я и мои друзья платят за услуги наличными очень редко и только небольшие суммы. Но зато мы делаем так, что человек сам зарабатывает деньги. Вот вы, например. Сколько у вас сейчас денег?

— Где-то около трех фунтов с мелочью. — ответил Бонд.

— Прекрасно, — сказал горбун. — Сегодня вы встретились со своим другом — господином Дерево. — От ткнул себя в грудь пальцем. — То есть со мной. Весьма уважаемым человеком, с которым вы познакомились в Англии в 1945 году, когда он занимался сбытом не нужных армии товаров и вещей. Вы ведь помните?

— Да.

— Тогда я проиграл вам в бридж пятьсот долларов, но отдать их не смог. Это было в отеле «Савой», помните?

Бонд кивнул.

— Сегодня, когда мы встретились, я предложил вам сыграть на весь этот долг: я выигрываю — мы квиты, вы выигрываете — получаете тысячу, так? Я проиграл, и у вас теперь есть тысяча долларов, и эту историю я, добропорядочный налогоплательщик, могу подтвердить где угодно. Вот ваши деньги. — Горбун вынул из заднего кармана бумажник и протянул Бонду десять банкнот по сто долларов.

Бонд взял деньги и положил в карман.

— Дальше, — продолжал горбун. — Вы сказали, что хотели бы сходить здесь у нас на скачки. Я вам тогда сказал: «Почему бы вам не съездить в Саратогу. Ведь делами мы займемся только в понедельник». Вы согласились и отправились в Саратогу с тысячей долларов в кармане. Так?

— Забавно, — сказал Бонд.

— Там вы поставили все деньги на один заезд, и оказалось, что выигрыш выплачивается в пятикратном размере. Таким образом, вы получили свои пять тысяч, и если кто-нибудь начнет о них расспрашивать — у вас на все есть ответ.

— А что, если лошадь проиграет?

— Не проиграет...

Бонд решил не развивать эту тему. Итак, он уже вторгся в гангстерский мир. По крайней мере, в ту его часть, которая занимается жульничеством на скачках. Он посмотрел прямо в узкие блеклые глаза с косинкой, глаза горбуна... и ничего в них не увидел. Теперь, подумал Бонд, пришла пора двигаться дальше.

— Это все просто замечательно, — сказал Бонд, надеясь, что ему поможет лесть. — У вас здесь все здорово придумано. Люблю иметь дело с осторожными людьми.

В глазах-щелочках не появилось ни малейшего интереса.

— Мне не хотелось бы сразу возвращаться в Англию. Наверное, люди вроде меня могут вам понадобиться и здесь?

Горбун вновь принялся внимательно разглядывать Бонда, но на этот раз как хозяин, покупающий лошадь. Потом он посмотрел на лежавшие перед ним выложенные в кружок алмазы и аккуратно, неторопливо переделал круг в квадрат.

В комнате было очень тихо. Бонд тщательно изучал свои ногти.

Наконец горбун поднял на него глаза.

— Может быть, — задумчиво сказал он. — Может быть и для тебя чего-нибудь будет. Ошибок ты не наделал. Пока. Продолжай в том же духе и не суй нос куда не надо. Позвони мне после скачек, и я дам ответ. Но главное, как я сказал, ни во что не вмешивайся и делай только то, что велят. Понял?

Бонд перевел дух. Пожал плечами:

— А зачем мне нарываться на неприятности? Я просто ищу работу. Можете сказать своим шефам, что я ничем не брезгую, лишь бы хорошо платили.

Впервые глаза горбуна ожили. В них отразилась обида и злость, и Бонд испугался: не переиграл ли он?

— Ты что же это думаешь?! — возмущенно пискнул горбун. — Мы что — какие-нибудь дешевые уголовники, по-твоему? Черт побери! Впрочем, — глаза опять потухли, и он, смирившись, пожал плечами, — можно ли объяснить англичанишке, как делаются дела здесь? Слушай хорошенько. Вот мой номер телефона — Висконсин-73697. Запиши. И запиши еще вот что. Но держи язык за зубами, а то можно его потерять. — И пронзительный смех «Тенистого» никак нельзя было назвать веселым. — Четвертый заезд во вторник. Скачки милую с четвертью для трехлеток. Деньги поставишь перед самым закрытием касс. Понятно?

— Понятно, — ответил Бонд, старательно записывая.

— Вот и ладушки, — сказал горбун. — «Застенчивая улыбка». Лошадь с белой звездой на лбу и с белыми чулками. Играй на выигрыш.

8. Глаз, что никогда не спит

Когда Бонд спустился на лифте и вышел на раскаленную улицу, было уже 12.30.

Он повернул направо и медленно пошел к Таймс-сквер. Проходя мимо выложенного черным мрамором фасада «Бриллиантового дома», он остановился у двух небольших, скромных витрин, отделанных темно-синим бархатом. В центре каждой из них было выставлено всего по одному ювелирному изделию: серьге, состоящей из большого грушевидного бриллианта, соединенного с другим прекрасным камнем круглой формы. Под каждой серьгой лежала тонкая пластинка размером с визитную карточку, один уголок которой был загнут вниз. На пластинах

были выгравированы слова «Бриллианты вечны». Бонд усмехнулся про себя: интересно, кто из его предшественников нелегально провез в Америку эти камни?

Он, торопясь, двинулся дальше в поисках какого-нибудь бара с кондиционером, где можно было бы укрыться от жары и спокойно все обдумать. Разговором он был доволен: он был готов к тому, что от него просто-напросто отмахнуться, но этого не произошло. Горбун показался ему довольно странной личностью. Было в нем что-то от клоуна, от провинциального актера. Могла вызвать улыбку его гордость за принадлежность к банде Спэнгов. Но смешным его никак нельзя было назвать.

Бонд прогуливался уже несколько минут, когда вдруг почувствовал, что за ним следят. Внешне ничего об этом не свидетельствовало, но он ощутил знакомое покалывание кожи и обостренное восприятие находящихся поблизости людей. Бонд привык доверяться этому шестому чувству. Поэтому остановился у первой же витрины и как бы невзначай посмотрел назад вдоль 46-й улицы. Ничего необычного, кроме медленно шествовавших по теневой стороне улицы, той же, что и он, людей, не обнаружил. Никто не пытался скрыться в ближайшем подъезде, никто не вытирал лицо платком, чтобы не дать себя запомнить, никто не наклонился поправить шнурок на ботинке... Бонд окинул взглядом выставленные в витрине швейцарские часы. Повернулся и пошел дальше. Через несколько метров он опять остановился. И опять — ничего. Он повернул направо, на авеню Америк, и встал у первого же подъезда. Это оказался вход в магазин женского белья, внутри которого, спиной к Бонду, стоял мужчина в бежевом костюме, увлеченно рассматривавший черные, с кружевами, трусики, одетые на мало чем отличающийся от живой женщины манекен. Бонд отвернулся от него, прислонился к стене и, на первый взгляд, лениво, но очень внимательно стал наблюдать за улицей.

В тот же момент что-то сжало его правую руку, и чей-то голос зловеще прошептал:

— Спокойно. Не дергайся, если не хочешь получить на обед порцию свинца.

Бонд почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в спину чуть выше поясницы.

Было что-то знакомое в его голосе... Кто это? Полиция? Гангстеры? Бонд взглянул на свою правую руку. Ее сжимал стальной крюк. Значит у противника только одна рука! Бонд молниеносно развернулся, одновременно наклоняясь в сторону и попытался левой рукой нанести удар ниже пояса.

Но его кулак был блокирован кистью левой руки незнакомца. В ту же секунду, пока Бонд еще только осознавал, что у его противника не могло быть пистолета, раздался хорошо знакомый ему смех, и тот же голос лениво произнес:

— Плохи твои дела, Джеймс. Ты уже на небесах.

Бонд выпрямился и на какое-то время замер, упершись взглядом в ухмыляющееся лицо Феликса Лейтера. Напряжение отпустило его.

— Так, ты, негодяй, все время был впереди меня, — молвил он наконец. Он с восхищением смотрел на друга, с которым Бонду довелось пережить множество приключений, которого видел в последний раз, лежащим на окровавленной постели в одном из отелей по Флориде. Тогда он был забинтован с ног до головы.

— Какого черта ты здесь делаешь? И на кой ляд тебе понадобилось валять дурака в такую адскую жару?

Бонд достал платок и вытер лицо.

— Ну и заставил ты меня поволноваться!

— «Поволноваться», — хмыкнул Феликс Лейтер. — Да ты уже был готов молиться об отпущении грехов! А совесть твоя столь не чиста, что ты даже не знал, кто это хочет тебя угробить: фараоны и бандюги. Угадал?

Бонд рассмеялся, но на вопрос не ответил.

— Ладно, шпион паршивый, — сказал он. — Можешь угостить меня коктейлем.

Тогда и поговорим. Не верится мне, что ты тут случайно оказался. А вообще-то угости-ка лучше меня обедом. Вы, техасцы, все равно не знаете, куда деньги девать.

— Какие могут быть проблемы? — сказал Лейтер. Он засунул правую руку с крюком в карман пиджака, а левой взял Бонда под руку. Они вышли на улицу, и тут Бонд заметил, что Лейтер сильно прихрамывает.

— В Техасе, — тем временем продолжал Феликс, — даже блохи настолько богаты, что могут нанять для себя собаку. Пошли. Тут совсем недалеко есть ресторан Сарди.

Лейтер провел Бонда через знаменитый зал, где часто собирались знаменитые актеры и писатели, и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Здесь его хромота стала особенно заметна. Ему даже приходилось все время держаться за перила. Бонд ничего не сказал, но чуть позже, оставив приятеля за угловым столиком прекрасно-прохладного ресторана и отправившись в туалет привести себя в порядок, он суммировал впечатления. У Лейтера нет правой руки и левой ноги. Суда по всему, много забот врачам доставило и его лицо: об этом говорил хотя бы шрам над правым глазом. Но, так или иначе, Лейтер выглядел неплохо. Серые глаза по-прежнему светились живым блеском, в копне соломенных волос не было ни единого седого волоска, а на лице не было и намека на обычно характерную для калек горечь. Но за время их непродолжительной прогулки Бонду почудилась какая-то сдержанность в Лейтере, и он невольно связал ее с собой и, может быть, с тем, чем его друг занимался сейчас. Во всяком случае, подумал Бонд, направляясь в зал, это не имеет никакого отношения к физическому состоянию Феликса.

На столике его ждал бокал полусладкого «мартини» с ломтиком лимона. С улыбкой Бонд еще раз отдал должное памяти друга и пригубил напиток. Прекрасно. Но вкус вермута был ему не знаком.

— Это «Креста Бланка», — пояснил Лейтер. — Наш новый сорт из Калифорнии. Нравится?

— Лучшего вермута не попадалось.

— Я осмелился также заказать для тебя копченую лососину и «бриззолу», — сказал Лейтер. Здесь подают лучшее в Америке мясо, а «бриззола» — это лучшее из лучших. Кусок говядины, снятый прямо с косточки. Разогретый, а потом зажаренный в масле. Устраивает?

— Выбор — твой, — ответил Бонд. — Мы столько раз ели вместе, что достаточно хорошо изучили вкусы друг друга.

— Я попросил их не торопиться, — сказал Лейтер. Он постучал по столу своим крюком, подзывая официанта. — Закажем сначала еще по одному «мартини», и, пока его принесут, ты мне должен все выложить.

Его улыбка была искренней, но глаза смотрели настороженно.

— Скажи-ка мне вот что. Какие у тебя дела с моим старым дружкой «Тенистым»?

Он сделал заказ и наклонился вперед, приготовившись слушать.

Бонд допил свой первый «мартини», закурил и начал слегка раскачиваться в кресле. За соседними столиками никого не было. Он придвинулся к столу и посмотрел на американца.

— Сначала ты ответь мне, Феликс, — мягко сказал Бонд. — На кого ты сейчас работаешь? По-прежнему на ЦРУ?

— Никак нет, — ответил Лейтер. — Без правой руки я там мог рассчитывать только на сидячую работу. Когда же я сказал, что предпочел бы работать на свежем воздухе, ко мне отнеслись со всей любезностью и щедро заплатили. Потом мне предложили хорошую работу в агентстве Пинкертона. Ты их знаешь: «Глаз, что никогда не спит». Так что теперь я просто «ищейка», частный детектив. Пойди туда, не знаю куда. Зато весело. Они все хорошие ребята, с ними приятно работать.

Когда-нибудь мне удастся выйти на пенсию с полным пансионом и памятными золотыми часами, которые летом покрываются патиной. Вообще-то я у них ведаю «Отделом скачек»: всякие там стимуляторы, махинации с жокеями, договорные заезды, охрана конюшен и тому подобное. И работа хорошая, по стране покататься вволю можно.

— Звучит неплохо, — сказал Бонд. — Но что-то я раньше не слышал, что ты разбираешься в лошадях.

— Да я и не узнал бы, что лошадь — это лошадь, если бы она не была привязана к цистерне с молоком, — согласился Лейтер. — Но ведь всему можно научиться. Тем более, что работать все-таки чаще приходится с людьми, а не с лошадьми. А как ты? — Его голос упал до шепота. — Все в той же «старой фирме»?

— Точно, — сказал Бонд

— И здесь работаешь на нее?

— Да.

— Подсадной уткой?

— Ага.

Лейтер вздохнул, задумался и выпил глоток мартини.

— Так вот, — сказал он наконец. — Ты — самый натуральный дурак, если согласишься пойти на Спэнгов в одиночку. Честно говоря, ты сидишь в такой луже, что даже я серьезно рискую, обедая здесь с тобой. Но я все-таки расскажу тебе, почему я держу «Тенистого» на коротком поводке, и, может быть, мы сможем помочь друг другу, но без вмешательства нашего начальства. Согласен?

— Ты прекрасно знаешь, что для меня работать с тобой — удовольствие, Феликс, — серьезно сказал Бонд. — Но я-то ведь работаю на свое правительство, а ты, по-видимому, со своим конфликтует. Однако, если окажется, что цель у нас одна, то ссорится нам нет смысла. Если мы с тобой ловим одного и того же зайца, то давай загонять его вместе. Теперь вот что, — Бонд ехидно посмотрел на техасца. — Думается мне, что тебя очень интересует некто со звездочкой на лбу и в белых чулках, не так ли? И кличут этого «некто» «Застенчивая улыбка»?

— Совершенно верно, — сказал Лейтер, не особо удивившись. — Она бежит в Саратогге во вторник. Только вот не пойму: какую-такую опасность сия лошадка представляет для великой Британской империи?

— Мне посоветовали поставить на эту лошадку, — сказал Бонд. — Поставить тысячу долларов на то, что она выиграет свой забег. Такова форма моей оплаты за проделанную работу. — Бонд поднял руку с сигаретой и прикрыл ею рот. — Дело в том, Феликс, что сегодня утром я привез из Англии для господина Спэнга и его друзей несколько необработанных алмазов на сумму где-то около ста тысяч фунтов.

Лейтер прищурил глаза и тихо свистнул от удивления.

— Ну ты даешь! — сказал он удивленно. — Мы с тобой явно играем в разных лигах. Я заинтересовался этим делом только потому, что «Застенчивая улыбка» — лошадь не скаковая, а беговая. А та лошадь, что должна выиграть во вторник — вовсе не «Застенчивая улыбка», которая и в забегах участвовала только три раза, да и то ни разу не была даже третьей. А потом ее пристрелили. Подставную же лошадку зовут «Пикаппеппер», резвая штучка. По чистой случайности у нее тоже есть белая звездочка на лбу и белые чулки. Она — гнедой масти, и ребята Спэнгов во всю поработали, подправляя ее копыта и устраняя прочие мелкие отличия. Почти год они этим занимались в пустыне, в Неваде, где у Спэнгов есть какое-то ранчо. И ведь загребут они деньжат! Ставки-то большие: до 25 тысяч долларов. Поверь мне на слово, что они по всей стране наделают ставок прямо перед заездом. Причем выигрыш будет даже не один к пяти, а, скорее, один к десяти, а то и к пятнадцати! Так что куш они возьмут солидный.

— Но ведь в Америке, насколько я знаю, у всех лошадей делают татуировку на

губе, — как им удалось ее-то подделать?

— Они просто нарастили новую кожу, на которой скопирована татуировка «Застенчивой улыбки». Вся эта уловка с татуировкой уже устарела. У Пинкертон поговаривают, что «Жокей-клуб» собирается теперь перейти на фотографирование «ночных глаз».

— Что это такое — «ночные глаза»?

— Это такие впадины на коленях лошадей. Англичане называют их «бабками». Похоже, что у каждой лошади они разные, как отпечатки пальцев у людей. Но все это напрасно. Они сфотографируют бабки всех скаковых лошадей в Америке, а потом узнают, что жулики придумали способ подделывать бабки с помощью, скажем, кислоты. Полицейские, как всегда, отстают от воров.

— Откуда тебе все это известно?

— Шантажиус обыкновениус, — весело рассмеялся Лейтер. — Один из Спэнговых конюхов, работающих на банду, был у меня на крючке за сбыт наркотиков. Вот он-то и поведал мне об этой маленькой шалости в обмен на мое молчание.

— И что же ты намерен делать?

— Поживем — увидим. Пока же я еду в Саратогу в воскресенье.

У Лейтона загорелись глаза.

— Черт возьми, а почему бы тебе не поехать со мной? Приедем туда, я поселю тебя в своей берлоге — мотель «Суэнки» в Сагаморе. Где-то ведь тебе все равно надо спать. Лучше, конечно, чтобы нас пореже видели вместе, но по вечерам мы сможем встречаться без помех. Что скажешь?

— Отлично, — сказал Бонд. — Лучше не придумашь. Но уже почти два часа, так что давай пообедаем, и я расскажу тебе свою половину этой истории.

Копченая лососина из Новой Шотландии не могла тягаться с той, что подавали в Шотландии настоящей, но «бриззола» полностью отвечала описанию Лейтона и была такой нежной, что ее можно было резать вилок. На десерт Бонд заказал половину авокадо с французским соусом и чашечку кофе.

— Вот, собственно, то, что мне известно. Много это или мало — тебе судить. — Завершил он свой рассказ.

— Я считаю, что Спэнги занимаются ввозом контрабанды, и через «Бриллиантовый дом» — который им принадлежит — сбывают ее. А ты как думаешь?

Левой рукой Лейтер достал пачку «Лаки страйк», положил ее на стол, щелчком выбил из нее сигарету и прикурил от бондовского «ронсона».

— Похоже на то, — согласился он, подумав. — Но я мало что знаю про брата Серафимо, Джека Спэнга. И если «Сэй» — это он, то я вообще впервые о таком слышу. На всех остальных членов шайки у нас есть подробные досье. Знаком я и с Тиффани Кейс. Славная девочка, но уже много лет связана с гангстерами. С колыбели, можно сказать. Да и выбора другого у нее не было. Ее мамаша заправляла шикарнейшим борделем в Сан-Франциско. И все было бы нормально, не сделай она роковой ошибки: в один прекрасный день она решила больше не платить дань местным рэкетирам. Она столько платила полицейским, что надеялась на их надежную защиту. Дура! Однажды ночью в бордель ворвалась банда и разнесла его на куски. Девиц никто не тронул, но зато с Тиффани все бандиты повеселились, по очереди... А ей было тогда всего шестнадцать... Поэтому не удивительно, что всех мужчин она ненавидит. На следующий день после этого она вскрыла мамочкин сейф, забрала все, что там было, и ударилась в бег. А потом — как обычно: гардеробщица, профессиональная танцовщица, старлетка, официантка. И так до двадцати лет. Видно, такая жизнь пришлась ей не по нраву, и она начала пить. Сняла комнатуху где-то во Флориде и пыталась упиться до смерти. Дошла до того, что прославилась среди местных «знатоков» и удостоилась клички «Луженая глотка». А потом на ее глазах в море упал ребенок. Она бросилась в воду и спасла его. Попала в газету, а

какая-то богатая дамочка буквально влюбилась в нее и чуть ли не силой уволокла к себе под крылышко. Заставила ее вступить в общество трезвенников, а потом взяла к себе компаньонкой в кругосветное путешествие. Но Тиффани улизнула от нее в Сан-Франциско и отправилась к своей милой матушке, которая к тому времени уже удалилась от дел. Однако, остепениться ей так и не удалось. Думаю, оседлая жизнь тоже оказалась не в ее вкусе. Она опять сорвалась с цепи, но застряла в Рино. Какое-то время работала там в «Клубе Харольда». Там ее и увидел наш друг Серафимо. Он прямо-таки обалдел, когда она отказалась с ним переспать, и предложил ей работу в «Тиаре», в Лас-Вегасе, где она и работает последние год-два. С перерывами на поездку в Европу, как я понимаю. Но сама она славная девчушка. Просто ей так и не удалось найти себя после того, что проделали с ней бандиты.

Бонд вспомнил обращенный на него в зеркало угрюмый взгляд и на память ему пришла мелодия «Опавших листьев», звучавшая в замершей от одиночества комнате.

— Мне она нравится, — задумчиво сказал он. Почувствовав на себе любопытный взгляд Феликса Лейтера, Бонд посмотрел на часы.

— Ну, что же, Феликс, — сказал он, кажется мы держимся за одного и того же тигра. Но только за разные хвосты. Занятно будет потянуть за оба сразу. Теперь я пойду к себе и вздремну. Мне сняли номер в «Асторе». Так где мы встретимся в воскресенье?

— Ты лучше держись подальше от этой части города, — сказал Лейтер. — А встретимся мы с тобой у отеля «Плаза». Причем пораньше, чтобы не попасть в пробку на автомагистрали. Скажем, в девять. У стоянки кэбов. Знаешь, где стоят конные экипажи для туристов? По крайней мере, если я опоздаю, то ты хоть сможешь посмотреть на живую лошадь. Пригодится в Саратоге.

Он расплатился, и они вышли на раскаленный асфальт. Бонд подозвал такси, но Лейтер отказался ехать вместе. Он по-дружески положил руку на плечо Бонду.

— Еще одно, Джеймс, — сказал он вполне серьезно. — Может быть ты и невысокого мнения об американских гангстерах после «СМЕРШа» и других типов, с которыми тебе доводилось иметь дело. Но учти, что эти братцы Спэнги — высший класс. Организация у них — будь здоров, так что не смотри, что у них имена смешные. И у них есть, к кому обратиться за помощью. В наши дни дела в Америке делаются так. Я хочу, чтобы ты меня правильно понял. Эти ребята дурно пахнут. Да и задание твое тоже с душком.

Лейтер снял руку, подождал, когда Бонд усядется в такси, и наклонился к окну.

— И знаешь, что это за душок? — весело спросил он. — Он пахнет формальдегидом и лилиями.

9. Горькое шампанское

— Спать я с тобой все равно не буду, — сухо сказала Тиффани Кейс. — Так что не трать денег понапрасну. Но я все-таки выпью еще бокал, а потом и еще один. Просто мне не хочется пить за твой счет «мартини» с водкой, не расставив все точки над "i".

Бонд рассмеялся. Он сделал заказ и вновь повернулся к ней.

— Мы ведь еще даже ужин не заказали, — сказал он. — Я хотел предложить вам крабов и рейнвейн. И может быть после этого вы изменили бы свое решение. Это — беспроигрышная комбинация.

— Знаешь что, Бонд, — сказала Тиффани Кейс. — Чтобы заставить меня залезть в постель к мужчине одних крабов мало. Но если уж ты платишь, то я не откажусь от икры, того, что у вас в Англии называют «отбивными», и от розового шампанского. Я не часто ужинаю с красивыми англичанами, так что ужин должен

соответствовать случаю.

Внезапно она резко наклонилась к нему и накрыла его руку своей.

— Извини, — сказала она. — Я пошутила насчет того, что платишь ты. Я заплачу за ужин. Но что касается случая — это серьезно.

Бонд улыбнулся в ответ.

— Не валяй дурака, Тиффани, — сказал он, первый раз называя ее на «ты». — Я очень ждал этой встречи. И себе закажу то же, что и ты. Денег у меня, чтобы расплатиться, хватит. Сегодня утром господин Дерево предложил мне сыграть на двойную ставку по пятьсот долларов, и я выиграл.

При упоминании этой фамилии поведение девушки резко изменилось.

— Этого хватит, — деловито сказала она — Но только-только. Знаешь, что говорят про это заведение? А вот что: здесь можно есть, сколько влезет, причем всего лишь за триста долларов.

Официант принес коктейли, действительно хорошо сделанные, а не взбитые до смерти, как предполагал Бонд, и бокал с насаженными на него ломтиками лимона. Два из них Бонд выжал в свой коктейль. Он поднял его и посмотрел сквозь него на девушку.

— Мы еще не пили за успешное выполнение задания, — сказал он.

Губы Тиффани скривились в саркастической усмешке. Она залпом выпила пол-бокала и аккуратно поставила напиток на стол.

— Или за то, что меня чуть было кондратий не посетил! — сухо сказала она. — Чтоб тебя с твоим проклятым гольфом! Я уж подумала, что ты в красках начнешь рассказывать этому таможеннику, как прекрасно ты загнал мячик в лунку каким-нибудь там резанным ударом. Прояви он интерес, ты, похоже, готов был бы достать клюшку и мячик и все это продемонстрировать.

— Это мне передалось твое волнение: нельзя же столько щелкать зажигалкой, чтобы закурить одну-единственную сигарету! Спорим, ты и сигарету-то сунула в рот не тем концом и прикурила фильтр!

Она расхохоталась.

— У тебя, наверное, глаза и на затылке есть. Почти так все и было. Ладно. В расчете. — Она допила коктейль. — Что-то ты не очень торопишься тратить денежки. Закажи-ка мне еще один. У меня начинает появляться хорошее настроение. А как насчет ужина? Или ты думаешь, что я вырублюсь до того, как дойдет до еды?

Бонд подозвал метрдотеля, которому заказал ужин, а потом — официанта по винам, который хоть и был родом из Бруклина, но одет был в крахмальную сорочку и зеленый клеенчатый передник, а на груди у него висел на серебряной цепочке ковшик для дегустации. Бонд заказал розовый «клик».

— Если бы у меня был сын, — сказал Бонд, — то когда бы он стал взрослым, я дал бы ему только один совет: трать деньги как хочешь, только не покупай себе кого-нибудь, кого надо кормить.

— Пресвятая Дева! — сказала девушка. — Ну и кавалер попался. Вместо того, чтобы все время напоминать, как дорого я тебе обхожусь, лучше бы сказал что-нибудь приятное про мое платье. Знаешь, как говорят? «Зачем ты трясешь дерево, если тебе не нравятся висящие на нем груши»?

— Я еще и трясти как следует не начинал. Ты ведь не даешь мне обхватить руками ствол...

Она засмеялась и с одобрением посмотрела на Бонда.

— И штой-то вы этакое заливаете бедной девушке, господин хороший?

— Что же до платья, — продолжал Бонд, — то оно шикарно, и ты об этом знаешь. Я вообще люблю черный бархат, особенно на загорелой коже. Еще мне нравится, что ты не надела кучу драгоценностей и что не накрасила ногти. Одним словом — ты самая прекрасная контрабандистка во всем Нью-Йорке. Кстати, с кем ты

собираешься «контрабандничать» завтра?

Она подняла бокал, уже третий по счету, и стала его разглядывать. Потом медленно, в три глотка, выпила его до дна, поставила на стол, достала сигарету из лежавшей перед ней пачки «Парламента» и наклонилась вперед, чтобы прикурить от протянутой Бондом зажигалки. Глазам Бонда открылась ее грудь в глубоком вырезе платья. Она взглянула на него сквозь дымок от сигареты. Ее глаза неожиданно расширились, затем — сузились. «Ты нравишься мне, — говорили они. — Все возможно между нами. Но не торопись. Будь добрым со мной. Я не хочу больше страдать».

Но тут официант принес икру, и внезапно в созданную ими микровселенную чувств ворвался ресторанный шум.

— Что я делаю завтра? — переспросила Тиффани тем голосом, который обычно предназначался для ушей официантов. — Хочу прошвырнуться в Лас-Вегас. Поездом. Сначала «Сенречи» до Чикаго, а потом — «Суперчифом» до Лос-Анджелеса. Долго, конечно, но я уже достаточно налеталась в последнее время. А ты чем намерен заняться?

Официант ушел. Некоторое время они молча ели икру. Отвечать на вопрос сразу же не было необходимости. Бонду показалось, что теперь в их распоряжении вся вечность. Оба они знали ответ на главный вопрос. А неглавные вопросы могли и подождать.

Подошел официант, принесший шампанское. Бонд пригубил бокал. Напиток был ледяным и источал едва уловимый запах земляники. Он был восхитителен.

— Я еду в Саратогу, — сказал он. — Там я должен поставить на лошадь, которая выигрывает для меня деньги.

— Все, конечно, подстроено, — с кислой миной произнесла Тиффани Кейс. Настроение у нее опять изменилось. Она пожала плечами. — Ты, кажется, произвел хорошее впечатление на «Тенистого», — сказала она равнодушно. — Он собирается предложить тебе место в своей шайке.

Бонд пристально следил за поднимающимися в бокале с шампанским пузырьками. Он понимал, что между ним и той, которая ему нравилась, сейчас все гуще и гуще становится облако лжи. Он запретил себе думать об этом. Пока он еще не может ей открыться.

— Замечательно, — небрежно сказал Бонд. — Мне это подходит. Но кого ты имеешь в виду?

Он занялся закуриванием сигареты, пытаясь дать профессионализму возобладать над обычными человеческими чувствами.

Бонд ощутил на себе ее внимательный взгляд. Это привело его в себя. Он снова был секретным агентом, мозг которого трезво оценивал ситуацию, беспристрастно регистрировал оттенки смысла, сортировал правду и ложь, отмечал моменты неуверенности и сомнений.

Бонд поднял глаза, и она смогла прочесть в них только беспечность, которая, похоже, уменьшила ее подозрительность.

— Я имею в виду «Банду Спэнгов». Это фамилия двух братьев — Спэнг. На одного из них я работаю в Лас-Вегасе. Где находится второй — никто не знает. Поговаривают, что он где-то в Европе. Есть еще кто-то, которого называют «АВС». Когда мне приходится заниматься алмазами, все приказы поступают от него. Первого брата зовут Серафимо. На него я и работаю. Но его больше волнуют игорные дома и лошади. Он управляет телефонной сетью и «Тиари» в Вегасе.

— И чем ты занимаешься?

— Просто работаю, — ответил она, закрывая обсуждение этого вопроса.

— Нравится там?

Она сделала вид, что не слышала вопроса.

— А еще есть «Тенистый», — продолжала она. — В общем-то он неплохой малый, но такой хваткий, что пожав ему руку, надо обязательно проверить, все ли пальцы целы. Он занимается публичными домами, наркотиками и еще кое-чем. Имеется также множество ребят попроще — на подхвате. Их удел — вся черная работа.

Она вновь взглянула на Бонда. Глаза ее потемнели.

— Ты с ними еще познакомишься, — криво усмехнулась она. — уверена: тебе они понравятся. Как раз на твой вкус.

— Ну, ты даешь, — возмутился Бонд. — Для меня это просто возможность заработать. Жить-то надо.

— Зарабатывать на жизнь можно и по-другому.

— Но ведь и ты решила работать именно на них.

— Один-ноль в твою пользу, — рассмеялась она. Ледок отчуждения вновь растаял. — Но поверь мне: работа на Спэнгов — это работа по высшему разряду. На твоём месте я бы сто раз подумала, прежде чем вступать в наш маленький клуб. И советую, коли ты уж влезешь в него, не лезть на рожон. Так что, если ты планируешь что-то в этом роде, то лучше забудь и займись чем-нибудь вроде уроков игры на арфе.

Разговор был прерван появлением отбивных со спаржей и муслиновым соусом, а также одного из знаменитых братьев Криндлер, которым клуб «21» принадлежал еще с тех времен, когда был еще простой нью-йоркской забегаловкой, где торговали спиртным из-под полы.

— Приветствую вас, мисс Тиффани, — сказал Криндлер. — Давненько вас не видал. Как дела в Лас-Вегасе?

— Здравствуйте, Мак, — улыбнулась в ответ девушка. — С «Тиарой» все в порядке.

Она окинула взглядом набитый людьми зал.

— Кажется, вашей забегаловке нельзя пожаловаться на нехватку посетителей.

— Действительно, — сказал тот. — Правда, слишком много аристократов, живущих в кредит, и очень мало хорошеньких девушек. Надо вам почаще появляться здесь.

Он улыбнулся Бонду.

— Вас хорошо обслуживают?

— Лучше быть не может.

— Приходите еще. — Щелкнув пальцами, он подозвал официанта. — Сэм, поинтересуйтесь у моих друзей, что они хотели бы заказать к кофе.

Затем, ласково улыбнувшись обоим, он направился к следующему столику.

Тиффани заказала себе ликер «Стингер». Бонд одобрил выбор и сделал то же самое.

Когда напитки и кофе были поданы, Бонд вернулся к прерванному разговору.

— Тиффани, ведь эти делишки с алмазами выглядят очень простой операцией. Почему бы нам с тобой, скажем, не осуществлять ее самим? Две-три поездки в год принесут немалый доход, да и у иммиграционных властей, и у таможни вряд ли могут возникнуть какие-то вопросы.

На Тиффани Кейс его слова впечатления не произвели.

— Оставь это все для «АВС», — сказала она. — Еще раз говорю, что эти люди — не дураки. Это дело у них поставлено на широкую ногу. У меня ни разу не было одного и того же партнера, да и я не единственная, кто присматривает за курьерами. Более того, я уверена, что кто-то присматривал в самолете за нами обоими. Что бы они не делали, всегда существует минимум двойная страховка.

Видимо, отсутствие у Бонда уважения к ее нанимателям сильно раздражало ее.

— Я сама никогда не встречалась с «АВС». Просто набирала номер телефона и

слушала записанные на автоответчик указания. Если же я должна было что-то сообщить "ABC" — та же процедура. Говорю тебе, их уровень не перепрыгнуть. А ты лезешь со своим дурацким опытом взлома пустых дач. Так что, братишка, и не думай с ними связываться!

— Понятно, — с ноткой уважения в голосе сказал Бонд, размышляя, как бы выудить у нее номер телефона связи с «ABC».

— Они, вроде бы, действительно продумали все.

— Спорь — не проспоришь, — решительно сказал девушка.

Разговор заходил в тупик. Она оценивающе посмотрела на рюмку и выпила ее до дна.

Бонд понял, что она начинает пьянеть.

— Может, еще куда-нибудь заглянем? — спросил он, сознавая, что в загубленном вечере виноват он один.

— Нет уж, — тусклым голосом произнесла Тиффани. — Отведи меня домой. Что-то я уже паршиво себя чувствую. И черт тебя дернул говорить весь вечер об этих бандюгах!

Бонд расплатился, и они молча спустились вниз и вышли из ресторанный уюта в душную, пропитанную парами асфальта и бензина, улицу.

— Я тоже остановилась в «Асторе», — сказала она, садясь в такси. Там она забилась в дальний угол и всю дорогу просидела, уткнувшись подбородком в колени, глядя на пронесившиеся мимо неоновые огни реклам.

Бонд тоже молчал. Он смотрел в окно и проклинал свою профессию. Он очень хотел сказать девушке: «Слушай, не бойся меня. Будем вместе. Ты мне нравишься, а вдвоем все-таки лучше, чем одному». Но ведь если она скажет «да», ему придется хитрить. А хитрить ему с этой девушкой и не хотелось. По заданию он должен был воспользоваться ею. Но каким бы ни было задание, единственное, чем он не хотел бы никогда воспользоваться — это ее сердцем.

У «Астор» он помог ей выбраться из машины, и пока Бонд расплачивался с таксистом, Тиффани стояла к нему спиной. Они поднялись по ступеням с замкнутыми лицами, как супруги, завершившие неудачный вечер ссорой.

Они взяли свои ключи у портье, вошли в лифт. Тиффани бросила лифтеру: «Пятый». Она по-прежнему не смотрела на Бонда, повернувшись лицом к дверце. Бонд видел, что костяшки ее пальцев, сжимавших сумочку, побелели. На пятом этаже она быстро вышла, но ничего не сказала, когда Бонд пошел за ней. Они долго шли по коридорам, пока не остановились у двери ее номера. Она вставила ключ в замок, повернула его и приоткрыла дверь. Потом повернулась к Бонду и посмотрела Бонду прямо в глаза.

— Слушай, ты, Бонд, или как тебя там...

Предполагалось это, по всей видимости, как начало пламенной обвиняющей речи, но вот она сделала паузу, и Бонд, смотревший ей в глаза, вдруг заметил, что ресницы у нее влажные... Неожиданно она обняла его одной рукой, прижалась щекой к его щеке и прошептала:

— Джеймс, будь осторожен. Я не хочу потерять тебя.

Поцелуй ее был долгим, страстным и одновременно нежным, почти лишенным сексуальности.

Но стоило Бонду попытаться обнять ее и ответить на поцелуй, как она тут же вся напряглась и резким движением вырвалась из его рук.

Все еще придерживая рукой открытую дверь, она повернулась к нему, и глаза ее вновь зажглись.

— А теперь — проваливай, — крикнула она, захлопнула дверь изнутри и повернула ключ.

10. «Студиллаком» в Саратогу

Большую часть воскресенья Джеймс Бонд провел в своем номере с кондиционером, не желая выходить из «Астора» на удушающую жару. К тому же он должен был составить длинную шифrogramму, получателем которой был глава лондонской фирмы «Юниверсал экспорт». Бонд использовал довольно распространенный метод шифровки, где ключевыми словами были шестой день недели и четвертое число восьмого месяца, то есть день составления донесения.

Бонд сообщал, что алмазная цепочка начиналась где-то рядом с Джеком Спэнгом, выступающим под именем Руфуса Сэя, а кончалась в руках у Серафимо Спэнга. Первоначальным пунктом служила контора «Тенистого», откуда камни поступали в «Бриллиантовый дом» для огранки и сбыта.

Бонд просил Лондон установить слежку за Руфусом Сэем, но предупреждал, что непосредственное руководство контрабандными операциями банды Спэнгов осуществляет некий «АВС», и что у Бонда нет о нем никаких сведений, если не считать, что он, возможно, живет в Лондоне. Видимо, только через него можно отыскать источник поступления алмазов в Африке.

Далее Бонд написал, что намерен приблизиться к Серафимо Спэнгу, используя для этого возможности ничего не подозревающей Тиффани Кейс, краткие данные о которой он также сообщил.

Он отправил телеграмму по телефону, через «Вестерн Юнион», принял уже четвертый за день душ и отправился в кафе «Вуазэн», где заказал два «мартини» с водкой, омлет и клубнику. За обедом он прочитал прогноз скачек в Саратоге. Фаворитами там назывались принадлежавшая некоему господину Уитни лошадь по кличке «Вновь впереди» и лошадь «Призыв к действию», хозяином которой был господин Уильям Вудвард Джейнр. О «Застенчивой улыбке» не упоминалось даже вскользь.

Затем Бонд вернулся в гостиницу и улегся спать.

В воскресенье, ровно в девять утра, к тому месту у ступеней гостиницы, где стоял рядом со своим чемоданом Бонд, подкатил черный «Студебеккер», с откидной крышей.

Как только Бонд закинул свой багаж на заднее сиденье и забрался в кабину, Лейтер потянул за какой-то рычаг, нажал какую-то кнопку и полотняная крыша медленно поднялась вертикально, а затем — собралась складками и опустилась в паз между задним сиденьем и багажником. Ловко манипулируя здоровой рукой и стальным крюком, Лейтер, переключая скорости, направил машину через Центральный парк.

— Ехать чуть больше трехсот двадцати километров, — сказал Лейтер, когда они выехали на Хадсоновскую магистраль. — Это почти сразу же за Хадсоном, на север, в штате Нью-Йорк, неподалеку от границы с Канадой. Поедем мы по таконикскому шоссе. Торопиться нам некуда, так что покатым, не торопясь. К тому же неохота платить штраф. Почти во всем штате Нью-Йорк нельзя ехать больше восьмидесяти километров в час, а полицейские там — злее не бывает. Впрочем, если понадобится, я всегда смогу от них удрать. Они не штрафуют тех, кого не смогли догнать: стыдно признаваться в этом на суде.

— Но я слышал, что полицейские машины могут свободно развивать скорость более 140 километров в час, — сказал Бонд, решив, что на старости лет его друг решил прихвастнуть. — Не думаю, что «Студебеккеры» типа твоего могут с ними тягаться.

Впереди был пустой и прямой отрезок дороги. Лейтер быстро посмотрел в боковое зеркало и резко переключил рычаг на вторую скорость, одновременно вдавив педаль газа в пол. Голова Бонда дернулась назад, и он почувствовал, как его

вжимает в спинку сиденья. В недоумении он посмотрел на спидометр. Сто тридцать. Лейтер своим крюком опять переключил скорость. Машина неслась все быстрее. Сто сорок пять, сто пятьдесят, сто шестьдесят пять... Впереди показался мост и перекресток перед ним. Лейтер нажал на тормоз, рев мотора превратился в обычный ровный шум. Они уже ехали со скоростью всего девяносто километров в час, легко переходя повороты дороги.

Лейтер искоса взглянул на Бонда и ухмыльнулся.

— Могу выжать и двести, — гордо сказал он. — Недавно я за пять долларов проверил ее на скорость в Дайтон-бич. Даже на песке она показала 205 километров в час.

— Черт меня побери! — воскликнул пораженный Бонд. — Что же это за машина? Разве это не «Студебеккер»?

— Это «Студиллак», — сказал Лейтер. — «Студебеккер» с мотором от «Кадиллака». У нее специальная коробка передач, особые тормоза и задняя ось. Хитрая работа. Есть неподалеку от Нью-Йорка маленькая фирма, которая делает такие машины на заказ. Их очень немного, но зато они куда лучше всяких там «корветов» и «сандербердов». А про корпус и говорить нечего! Его разработал один француз, Раймон Леви. Лучший в мире дизайнер. Но американский рынок до него пока не дорос. Слишком необычные формы. Нравится машинка-то? Спорим, что на ней я устроил бы твоему «бенгли» хорошую взбучку?

Лейтер довольно хихикнул и полез в левый карман пиджака за десятицентовой монетой: за проезд по мосту Генри Хадсона надо было платить.

— Если только у тебя на ходу колесо не отвалится, — парировал Бонд, когда они снова набрали скорость. — Этот твой шарабан хорош для детишек, которые не могут позволить себе купить настоящую машину.

Так они пикировались по поводу английских и американских спортивных машин, пока не пересекли границу с Вестчестерским округом. Через пятнадцать минут они уже ехали по уходящему на север Таконинскому шоссе, петлявшему среди долин и лесов. Удобно устроившись, Бонд молча смотрел на открывающийся перед ним один из красивейших в мире пейзажей и размышлял о том, чем сейчас может быть занята Тиффани и как, после Саратоги, он сможет вновь повидаться с ней.

В полдень они остановились на обед в ресторане «Курица в корзинке». Это был построенный из бревен дом в стиле первых переселенцев со стандартным набором мебели внутри: стойка с самыми известными сортами шоколада, конфет, сигарет, сигар, журналами и прочим чтивом, сверкающий хромом и разноцветными огоньками музыкальный автомат фантастической наружности, дюжина полированных деревянных столов со стульями в центре зала и многочисленными «кабинетами» вдоль стен. Было здесь, естественно, и меню, предлагавшее жареную курицу, «свежую форель», которая провела уже много месяцев в заморозке, несколько холодных закусок. Две официантки как всегда зевали и не обращали внимания на клиентов.

Однако яичница, сосиски, горячий тост из ржаного хлеба и пиво «Миллер Хайлайф» были поданы довольно быстро и оказались вполне съедобными. Не плох был и кофе-гляссе. Выпив по две порции, Бонд и Лейтер перешли к разговору про Саратогу.

— Одиннадцать месяцев в году, — рассказывал Лейтер, — городишко словно вымирает. Через него только проезжают на водные и грязевые источники лечить ревматизм и тому подобное, так что почти круглый год там — мертвый сезон. В девять вечера все уже спят, а днем единственными признаками жизни становятся, скажем, два пожилых джентльмена в панамах, спорящие о том, надо ли было Бургуаню сдаваться при Шайлервилле (это в двух шагах от Саратоги), или о том, каким был мраморный пол в старом отеле «Юнион» — черным или белым. Но раз в

году — в августе — городок преображается. Проходящие там скачки — популярнейшие в Америке, и тогда-то улицы начинают кишеть вандербильтами и уитнеями. Пансионаты взвинчивают цены на комнаты в десять раз, а организационный комитет заново красит трибуны, отыскивает где-то лебедей, чтобы засадить местный пруд, ставит в этом-же пруду на якорь древнее индейское каноэ и включает фонтан. Никто уже не помнит, откуда вообще взялось это каноэ, а спортивный журналист, попытавшийся докопаться до сути, смог лишь узнать смелую гипотезу о причастности ко всему этому какой-то индейской легенды. Узнав этот важный факт, журналист решил бросить поиски. По его словам, он сам в десять лет мог соврать гораздо интересней, чем любая индейская легенда.

Бонд рассмеялся.

— Еще что-нибудь, что мне нужно знать? — спросил он.

— Не мешало бы тебе и самому навести справку, — сказал Лейтер.

— Некогда это было любимым местом паломничества многих видных англичан. Например, здесь часто видели «Джерси» Лили, вашу знаменитую Лили Лэнгтри. В те времена «Новинка» побила «Железную маску» в заезде надежд. Но с тех пор многое изменилось. Держи, — он достал из кармана газетную вырезку.

— Войдешь в курс дела. Это из сегодняшней «Пост». Джимми Кэннон — их спортивный обозреватель. Неплохо пишет, и знает, о чем пишет. Читай на ходу, а то уже пора ехать.

Лейтер расплатился, они сели в машину, и когда «Студиллак» тронулся по дороге в сторону Трои, Бонд принялся читать лихую прозу Джимми Кэннона. По мере того, как он углублялся в статью, Саратога времен «Джерси» Лили все больше уходила в доброе старое прошлое, а из статьи все больше скалил зубы в ухмылке двадцатый век:

"До тех пор, пока Кефоверы не выступили со своим шоу по телевидению, деревушка под названием Саратога-Спрингс была своего рода Кони-айлендом для воровского мира. Шоу до смерти перепугало деревенских жителей и заставило хулиганье перебраться в Лас-Вегас. Но банды еще долго оказывали Саратоге свое непрошенное покровительство. Она была их колонией, где они правили с помощью пистолетов и бейсбольных дубинок.

Саратога вышла из союза, как и другие подобные ей деревни со значными местами, сдав свои муниципальные власти под охрану корпорациям рэкетиоров. Она все еще сохраняет притягательность для наследников древних родов и знаменитостей, приводящих сюда своих лошадей для состязаний на примитивном ипподроме и для спаривания с деревенскими четырехлетками.

До того, как Саратога стала закрытым городом, местный констебль занимался тем, что ловил и сажал тех, кто ловил попутные машины, и тех, кто сажал в них людей, получая за это законную зарплату, но живя на чаевые, получаемые от убийц и сводников. Бедность в Саратоге преследовалась законом. Пьяницы, нагрузившиеся в спиртных барах, где процветала игра в кости, будучи выброшенными за дверь, тут же становились в глазах закона преступниками.

Убийца же мог без забот проживать в Саратоге до тех пор, пока платил полицейским и имел дело в каком-либо из местных заведений. Это мог быть и публичный дом, и каморка, где играли в кости по маленькой.

Профессиональное любопытство заставляет меня просматривать старые отчеты о скачках. Тогдашние журналисты вспоминают «старое доброе время», как будто Саратога всегда была городом фривольной девственности. Как же!

Вполне возможно, что и сейчас в домиках на окраине шныряют разжалованные гангстеры. Хотя ставки и не велики, любой игрок должен быть готов к тому, что его стукнут по башке быстрее, чем банкомат подменит кости. Что и говорить, игорные дома в Саратоге всегда были чистым жульничеством, и там никогда не пользовались

успехом правдоискатели.

На берегах озера ночами напролет светились окна «гостеприимных» домов. Верховодили игрой люди, примчавшиеся сюда заниматься этим только потому, что потерять здесь деньги они не могли — хоть застрелись! У рулеток и карточных столов сидели профессионалы — поденщики, путешествующие по порочному кругу: из Ньюпорта — в Майами зимой, из Майами — в Саратогу в августе. Профессиональные навыки большинство из них получило в Стейбенвилле, где школами служили самые дешевые в Америке игорные дома.

Вечно в пути, они не имели ни времени, ни таланта на вытряхивание у своих работодателей зажатых денег. Они — клерки воровского мира — собирали вещички и уматывали, как только начинало пахнуть жареным. Многие из них осели в Лас-Вегасе и Рино, где их бывшие боссы сами улаживали дела с получением лицензий, которые можно было гордо повесить на стенку в рамочке под стеклом.

Сии работодатели не похожи на известного в прошлом полковника Брэдли, прославившегося традиционно любезным обхождением. Однако находятся и такие, кто говорит, что в заведении полковника в Палм-бич с удачливыми игроками были вежливы только до тех пор, пока они не начинали выигрывать слишком уж много.

Это уж потом, по словам противника Брэдли, профессионалы поставили дело так, что их заведения просто не могли потерять деньги, как бы ни старались игроки. Сторонников же Брэдли приводят в восторг воспоминания о нем, как о чудаковатом филантропе, любившем дать богатым немножко порезвиться, в чем штат Флорида им постоянно отказывал. Но в любом случае, по сравнению с заправилами Саратоги полковник Брэдли может сойти за святого и явно заслуживает романтического ореола.

Ипподром в Саратоге — это груда ветхих щепок, а климат — жаркий и влажный. Есть люди, типа Эла Вандербильта и Джека Уитнея, являющимися любителями спорта в устаревшем значении этого словосочетания. Их спорт — скачки, и они слишком хорошо в них разбираются. Есть и тренеры, вроде Билла Винфрея, подготовившего для скачек «Прирожденную танцовщицу». Есть даже жокеи, которые без раздумий дадут вам по морде в ответ на предложение притормозить, когда надо будет.

Всем им Саратога нравится, и они, видимо, очень довольны, что персонажам типа Лаки Лучано пришлось убраться из этого захоластья, процветавшего за счет обирания заблудших овечек. В эру, когда букмекеры еще пользовались записными книжками, их карманы были набиты деньгами. Например, одного из них, Кида Таттерса, облегчили на стоянке машин аж на 50 тысяч долларов наличными. Причем, brave ребята, обобравшие его, еще пригрозили, что, не принеси он еще столько же, им придется его похитить.

Кид Таттерс знал, что Лаки Лучано имел долю практически во всех тамошних заведениях, и пошел к нему с просьбой уладить дело. Лаки сказал ему, что все очень просто: никто, мол, тебя и пальцем не тронет, если ты сделаешь так, как я скажу. У Таттерса было разрешение на заключение пари на скачках, он был чист перед законом, но защитить его закон был не в состоянии.

— Возьми меня в партнеры, — сказал тогда Лаки — (эти его слова пересказал мне один из присутствовавших при этом разговоре). — Тогда никто не осмелится требовать что-либо у моего партнера.

Кид Таттерс всегда считал себя честным бизнесменом, но деваться ему было некуда, и он согласился. Так Лаки и стал его партнером до самой своей кончины. Я поинтересовался у свидетеля разговора, вкладывал ли Лаки какие-нибудь деньги в это дело?

— Да ты что? — удивился тот. — Лаки никогда ничего никому не давал. Только брал. Но Таттерс тогда сделал правильный выбор: его больше не трогали.

Короче говоря, от этого городишки всегда дурно пахло. Но ведь дурно пахнет от всех злых мест".

Бонд сложил вырезку и сунул ее в карман.

— Да... Вряд ли это может навеять мысли о Лили Лангтри, — сказал он, помолчав немного.

— Конечно, — согласился Лейтер. — К тому же Джимми Кэннон делает вид, что не знает о возвращении в городок крупных акул или их последователей. А ведь сегодня они опять всем заправляют, как и наши друзья Спэнги, выставляют своих лошадок против принадлежащих уитнеям, вандербильтам и вудвардсам. И частенько проворачивают делишки, подставляя фальшивки, как в случае с «Застенчивой улыбкой». С этой аферы они рассчитывают получить чистыми пятьдесят штук, а ведь это гораздо проще, чем выставить на пару сотен какого-нибудь задрипанного букмекера. Разумеется, времена и имена меняются, но ведь и грязь в источниках уже другая.

Справа по ходу появился рекламный щит:

Останавливайтесь в «Сагаморе»!

Кондиционеры. Роскошные постели. Телевизоры.

Всего семь километров до Саратога-спрингс!

Сагамор — это комфорт!

— Это значит, что в номерах зубные щетки завернуты в целлофан, а на унитазах лежит бумажка: продезинфицировано, — кисло заметил Лейтер.

— И не думай, что удастся украсть одну из этих роскошных кроватей: после того, как они начали пропадать из мотелей, их стали прибывать к полу.

11. «Застенчивая улыбка»

Первое, что поразило Бонда в Саратоге, было зеленое величие огромных вязов, придававших скромным улочкам, застроенным домами из бруса в колониальном стиле, добропорядочность европейских курортов. И везде были лошади. Они шествовали по улицам, и полицейский останавливал машины, чтобы дать им пройти. Лошади выходили из множества конюшен, лепившихся на обеих сторонах улиц, и направлялись рысцой к тренировочному кругу, находящемуся в центре города, рядом с ипподромом. Конюхи и жокеи, белые, черные и красные, попадались на каждом шагу. Воздух оглашался ржанием и всхрапыванием.

Это была смесь Ньюмаркета и Виши, и Бонд неожиданно для себя подумал, что хотя он и ничего не смыслит в лошадях и скачках, жизнь, бывшая ключом вокруг него, ему явно нравится.

Лейтер высадил его у «Сагамора», на окраине Саратоги, в километре от ипподрома, и уехал по своим делам. Они договорились встречаться только поздно вечером или «случайно» в толпе зрителей, но решили оба сходить на тренировочный круг на рассвете следующего дня, если выяснится, что там будет «Застенчивая улыбка». Лейтер сказал, что об этом он наверняка узнает, проведя вечер в толкотне у конюшен в «Привязи», круглосуточно работающем ресторанчике с баром, где каждый август собирались люди, греющие руки на скачках.

Бонд написал в регистрационной книге: «Джеймс Бонд, отель „Астор“, Нью-Йорк». За конторкой стояла злобного вида портье, в очках, выражение лица которой явно говорило об ее уверенности в том, что Бонд, как и все другие жаждущие «легкой жизни», обязательно сопрет полотенце, а, может, и простыни. Бонд, тем не менее, заплатил тридцать долларов за три дня и наградой ему был ключ от номера 49.

С чемоданом в руке он по дорожке между увядших гладиолусов, растущих на

потрескавшейся от неполивания лужайке, прошел в основное здание гостиницы и поднялся в свой номер. Это была опрятная комната с двумя кроватями, креслом, тумбочкой, эстампами Кюрье и Ива, комод и коричневая пластмассовая пепельница — стандартный набор мебели американских мотелей. Туалет и душ были безукоризненны, даже уютны, и, как предсказывал Лейтер, зубные щетки были обернуты в целлофан, а на унитазе лежала полоска бумаги с надписью «дезинфицировано».

Бонд принял душ, переоделся и отправился в находившуюся неподалеку забегаловку с кондиционером, где выпил два «бурбона» и съел «обед с курицей» за 2.80. И забегаловка, и обед были столь же очевидным порождением «американского образа жизни», как и мотель. Бонд вернулся к себе в номер, купив по дороге местную газету «Саратожер», где вычитал, что выступить на «Застенчивой улыбке» будет некий Т. Белл.

Где-то после десяти часов вечера в дверь тихо постучали. Прихрамывая, вошел Лейтер. Он весь пропах дешевым вином и плохими сигарами, но видно было, что он не впустую провел время.

— Кое-чего я разузнал, — сказал он. Крюком он подтащил кресло к кровати, на которой лежал Бонд. Лейтер сел и достал сигарету. — И судя по всему, вставать нам придется чертовски рано. В пять утра. Поговаривают, что «Застенчивая улыбка» будет на пробном заезде в 5.30. Надо поглядеть, кто там будет в это время. Владелец ее назван какой-то Писсаро. Такая же фамилия у одного из директоров «Тиары». В определенных кругах он известен как «Недоумок» Писсаро. Раньше заведовал наркотиками. Получал их из Мексики и мелкими партиями рассылал «толкачам» вдоль побережья. ФБР его сцапало, и он отбыл срок в Сан-Квентине. Когда он вышел, в награду за отсидку Спэнг дал ему место в «Тиаре». Теперь он такой же владелец ездовых лошадей, как и Вандербильт. Здорово, да? Надо бы взглянуть, как он сейчас выглядит. Раньше, когда он орудовал с кокаином, мозги у него были почти уже набекрень. В Сан-Квентине его подлечили, но помогло это мало. Тогда-то к нему и прилипло прозвище «Недоумок». Потом есть еще такой «Трезвонящий» Белл [Bell (англ.) — «колокольчик»]. Неплохой наездник, но всегда готов пойти на сговор, особенно если хорошо платят и не дают засыпаться. Будь «Трезвонящий» там один, я бы с ним побеседовал кой о чем: есть у меня к нему одно предложение. У тренера тоже рыльце в пушку. Зовут его Бадд, «Розовый» Бадд. Все эти клички смешно звучат, но не обманывайся, это все люди серьезные. Бадд этот родом из Кентукки, так что про лошадей он знает все. Одно время его гоняли по всему Югу. Он, что называется «маленький рец» в отличие от «большого реца» — рецидивиста. Воровство, грабежи, изнасилования — всего понемножку, но вполне достаточно, чтобы в полиции на него имелось пухленькое досье. Однако последние несколько лет он чист, если к нему вообще подходит такое слово. Работает тренером у Спэнга.

Точным щелчком Лейтер послал окурок в компанию к гладиолусам. Он встал и сладко потянулся.

— Таковы персонажи в порядке их появления, так сказать, — молвил он. — Выдающаяся труппа. Жду не дождусь того момента, когда они все окажутся за решеткой.

Бонд был в недоумении.

— Так почему же ты просто не выдашь их полиции? На кого же ты работаешь? Кто тебе платит?

— Меня наняли руководители фирмы. Они оплачивают контракт, плюс премиальные за конкретные сведения. Да и с полицией все не так просто. Ведь сцапай они, например, конюха, вышка ему обеспечена. Ветеринарная служба проверила эту лошадь, а настоящую «Застенчивую улыбку» давно уже пристрелили

и пепел развеяли. Нет, у меня — свои идейки есть, и если все получится так, как я задумал, ребятки Спэнга ожидают большие неприятности, и не только на ипподромах. Сам увидишь. Ну да ладно, в пять утра я буду здесь и постучу, на всякий случай.

— Не бойсь, — сказал Бонд. — Я буду уже в седле, когда койоты еще не закончат выть на Луну.

Проснулся Бонд вовремя. Воздух был восхитительно свеж, когда вслед за прихрамывающим Лейтером он подошел к стоящим среди вязов конюшням. Небо на востоке было жемчужно-серым, похожим на наполненный дымом воздушный шар. Начинали щебетать первые птицы. Из стоявших за конюшнями палаток вертикально поднимался к небу голубой дымок от гаснущих костров, пахло свежесваренным кофе, смолой и росой. Слышался шум льющейся воды, позвякивание ведер, ржание лошадей. Подойдя ближе к кругу, Бонд и Лейтер увидели вереницы покрытых попонами лошадей, которых вели под уздцы мальчишки-конюхи, нарочито грубовато приговаривавшие: «Давай-давай, лентяйка, шевели мослами. Не балуй. Что-то ты сегодня утром больно норовиста».

— Они готовятся к утренней пробежке, — сказал Лейтер. — Галопированию. Тренеры пуще всего ненавидят это мероприятие, так как именно в этот час здесь появляются хозяева лошадей.

Облокотившись на окружающую запасной ипподром невысокую ограду, Бонд и Лейтер почти одновременно вздохнули, подумав о слишком раннем подъеме и о том, что горячий завтрак им бы не помешал. Лучи солнца внезапно упали на кроны деревьев, стоявших на противоположной стороне ипподрома, выкрасили верхние ветви в золотистый цвет, через мгновение, исчезли утренние тени, и наступил день.

Как-будто ждавшие поблизости этого знака, слева от ипподрома появились трое мужчин, один из которых вел на поводу крупную гнедую лошадь с белой звездочкой на лбу и в белых чулках.

— Не смотри в их сторону, — шепотом, не поворачивая головы, сказал Лейтер. — А еще лучше — отвернись от них и следи за теми лошадьми, в пополах. Старик, который идет рядом с ними — это Джим Фицсиммонс, лучший тренер в Америке. Все эти лошади принадлежат Вудворду, и многие из них сегодня окажутся победителями. Не привлекай к себе внимания, а я послежу за нашими общими друзьями. Так. Ведет лошадь конюх, далее — никто иной, как Вадд. За ним — мой старый друг «Недоумок» в обалденной рубашке цвета лаванды: он всегда любил шикарную одежду. Хорошая лошадка, конечно. Мощная. Попону с нее сняли, а прохлады она, видно, не любит. Так и встает на дыбы, так и пляшет. Конюх ее еле удерживает. Надеюсь, ей не удастся лягнуть «мистера Писсаро» прямо в морду. Теперь поводья взял Бадд, и лошадка несколько успокоилась. Конюха он куда-то отправил, а сам повел лошадь по кругу. Теперь он медленно ведет ее к стартовой черте. Остальные достали часы и приготовились засекают время. Смотрят по сторонам. Нас заметили. Старайся выглядеть как можно беззаботнее, Джеймс. Как только начнется забег, им будет не до нас. Так, начинают. Теперь можешь повернуться. «Застенчивая улыбка» стоит на дальней стороне круга, а бандюги нацелили на нее бинокли, ждут отмашки. Она пойдет пол-мили. Писсаро стоит у пятой отметки.

Бонд повернулся и увидел две замершие в ожидании мужские фигуры. Солнце отсвечивало в стекла биноклей и часов-секундомеров, которые они держали в руках.

— Пошла.

Вдалеке Бонд увидел несущуюся по кругу и выходящую на прямую лошадь. На таком расстоянии до них не долетал ни один звук, но по мере того, как лошадь приближалась, стук копыт различался все четче и четче. Наконец, она промчалась мимо и пошла на последние полкруга.

Бонд ощутил холодок возбуждения от вида пролетевший мимо него гнедой

лошади с оскаленными зубами, бешеными от напряжения глазами, лоснящимися боками и раздувающимися ноздрями, на спине которой, выгнувшись по-кошачьи на стременах и припав лицом к холке, сидел мальчишка-жокей. Но вот в шуме и пыли они умчались вдаль, и Бонд перевел взгляд на двух интересовавших его людей, заметив, как одновременно дернулись их пальцы, нажав на кнопки секундомеров.

Лейтер дернул его за рукав, и они отправились к своей стоявшей под деревьями машине.

— Здорово прошла, — сказал тоном знатока Лейтер. — Лучше, чем настоящая «Застенчивая улыбка» могла бы мечтать. Не знаю, конечно, за сколько секунд, но земля прямо-таки горела у нее под ногами. Если она выдержит такой темп и на милю с четвертью, то победа ей обеспечена. А на вопрос: почему же она ни разу в этом году не выиграла скачки, у них есть оправдание — к августу лошадь скинула несколько килограммов. Теперь давай пойдем и закажем себе королевский завтрак, а то при виде всех этих подонков у меня что-то аппетит разыгрался.

Затем шепотом, как бы про себя, добавил:

— А потом я пойду и узнаю, за какую сумму жокей Белл согласится допустить ошибку, чтобы и его, и его лошадь дисквалифицировали...

После завтрака, за которым Лейтер поделился с ним своими планами, Бонд повалялся еще в постели, потом встал и отправился обедать на ипподром, где без интереса понаблюдал за невыразительными, как и предупреждал его Лейтер, заездами первого дня соревнований.

Но день был замечательный, и Бонд с удовольствием наблюдал «феномен Саратоги»: толпы людей, приехавших сюда со всех концов Америки, заполнившие падок элегантно одетые владельцы конюшен и их друзья, снующие то тут, то там букмекеры, готовые заключить любое пари, огромное табло, на котором разноцветными лампочками высвечивались ставки и выигрыши, стартовая решетка с выравненными перед нею граблями участком трека, казавшееся игрушечным озерцо с его шестью лебедями и стоящим на якоре древним каноэ. В глазах иностранца дополнительную экзотику представляли собой негры, без которых не обходятся ни одни крупные скаковые состязания в Америке.

Организовано все было лучше, чем обычно бывает в Англии. Казалось, что здесь, где все, вроде бы, были застрахованы от любых неожиданностей, нет места для жульничества, но на самом деле — а теперь Бонду это было хорошо известно — подпольные телефонные службы безостановочно сообщали о результатах каждого заезда всем заинтересованным американцам, определяя, тем самым, максимальные выигрыши как 1 к 20 за первое место, 1 к 8 за второе и 1 к 4 — за третье. Понимал Бонд и то, что каждый год миллионы долларов попадали прямо в карманы гангстеров, для которых скачки и бега были лишь еще одним источником обогащения, таким же как проституция и наркотики.

Бонд решил применить систему, разработанную неким О'Брайеном из Чикаго. Он поставил на каждого из известных фаворитов в каждом заезде — на «верняк», как называл это первый кассир — и умудрился каким-то макаром выиграть к концу дня пятнадцать долларов с мелочью. Вместе с толпой он вышел с ипподрома, вернулся к себе в гостиницу, принял душ, поспал, а потом отправился в ресторанчик рядом с торговой улицей и провел там час, дегустируя модный в этих краях напиток «бурбон» с родниковой водой. После первого же глотка он понял, что вода эта берется, естественно, не из какого-то там родника, а из крана на кухне, но Лейтер еще по дороге в Саратогу объяснил ему, что настоящие ценители «бурбона» предпочитают пить виски в соответствии с традицией, предписывающей разбавлять ее водой из родника, где она чище всего. Бармен совсем не удивился, услышав заказ, и тем обиднее был откровенный обман. Кроме «бурбона» Бонд получил недурной бифштекс, съел его не без удовольствия и направился к месту продажи лошадей, где

должен был встретиться с Лейтером.

Местом этим оказался выкрашенный белой краской навес, без стен, с амфитеатром сидений, спускавшихся к покрытому дерном смотровому кругу, за которым стояла огражденная серебряными канатами трибуна для ведущего аукцион продавца, по мере того, как под навес с свете флюоресцентных ламп вводили лошадей, ведущий, доблестный Свайнброд из Теннесси, зачитывал их родословную и открывал торговлю с казавшейся ему подходящей цифры. Он ритмично отстукивал молотком повышение цены, чутко улавливая со своими двумя помощниками в вечерних костюмах малозаметный сигнал — кивок, взгляд, поднятый на мгновение карандаш — сидевших на скамьях амфитеатра хорошо одетых владельцев конюшен или их агентов.

Бонд занял место за спиной у сухопарой женщины в вечернем туалете и норковом мантио, запястья и пальцы которой переливались блеском драгоценностей при малейшем движении. Рядом с ней сидел со скучающим видом мужчина в белом пиджаке и темно-красном галстуке-бабочке, видимо, ее муж или тренер.

На круг ввели нервного, прядущего ушами гнедого жеребца с кое-как написанным на ляжке номером 201. Ведущий начал:

— Первая цена — шесть тысяч, теперь семь тысяч, кто больше? Семь триста — четыреста — пятьсот, всего лишь семь пятьсот за такого прекрасного жеребенка. Восемь тысяч, благодарю вас, сэр. Кто больше? Восемь, восемь пятьсот, восемь шестьсот, и... восемь семьсот, кто же даст настоящую цену?

Пауза, стук молотка и укоряющий взгляд в сторону первого ряда, где сидят самые богатые клиенты.

— Господа, эта двухлетка идет просто за бесценок. За такие деньги победителей не покупают. Ну же, всего восемь семьсот, кто даст девять? Кто же даст девять тысяч, девять тысяч?

Высохшая рука, вся в кольцах и браслетах, вынула из сумочки изящный, сделанный из бамбука и инкрустированный золотом карандаш и нацарапала на программке, которая была хорошо видна Бонду сверху «34-я ежегодная распродажа в Саратогге. Номер 201, гнедой жеребец». Бесцветные глаза женщины встретились с горящими глазами коня, и она подняла свой золотой карандаш.

— Итак, девять тысяч долларов. Кто готов дать десять? Кто больше? Девять раз, девять два...

Пауза, последний испытующий взгляд и, наконец, удар молотка:

— ...девять три. Продано за девять тысяч долларов. Благодарю вас, мадам.

Со всех сторон на покупательницу уставились любопытные. Она, казалось, уже утратила интерес к происходящему и что-то говорила своему спутнику, пожимавшему в ответ плечами.

Номер 201 был уведен с круга, на котором теперь появился номер 202, замерший на мгновение от нестерпимого яркого света, стены незнакомых лиц и волны непонятных запахов.

За спиной у Бонда произошло какое-то движение, и рядом с его лицом вдруг оказалось лицо Лейтера, прошептавшего ему на ухо:

— Готово. За три тысячи зеленых он готов на все. Ошибка на последнем отрезке, когда он должен начать победный спрут. Такие вот дела. Утром увидимся.

Лейтер исчез. Еще некоторое время Бонд, так и не повернув головы, наблюдал за аукционом, затем поднялся и медленным шагом направился домой по обсаженной вязами аллее, переживая за беднягу-жокея, решившего сыграть в столь рискованную игру, и за «Застенчивую улыбку», которая не только носила чужое имя, но и не по своей воле должна была стать жертвой алчности.

12. Скачки

Бонд устроился на одном из верхних рядов трибуны и с помощью взятого напрокат бинокля разглядывал поедающего крабов владельца «Застенчивой улыбки».

Гангстер сидел в одной из лож ресторана, расположенного на четыре ряда ниже. Напротив него сидел «Розовый» Бадд, уписывающий сосиски с кислой капустой и запивающий их пивом из большой глиняной кружки. Несмотря на то, что большинство других столиков было занято, двое официантов крутились именно у этого столика, да и сам метрдотель частенько появлялся рядом с ним, чтобы проверить, все ли в порядке.

Писсаро напоминал гангстеров, какими их обычно изображают в комиксах. У него была грушеообразная голова, в центре которой скопились все остальные принадлежности человеческого лица: пара малюсеньких глазок, две ноздри, влажные губки бантиком, складка кожи, обозначающая подбородок. Его жирное тело было затянуто в коричневый костюм и белую рубашку с удлинненными кончиками воротника и шоколадного цвета галстуком. На подготовку первого заезда он совершенно не обращал внимания, уделив его целиком поглощению пищи. Время от времени он бросал жадные взоры на тарелку соседа, будто хотел уволочь что-то из нее себе.

«Розовый» Бадд был крупным, мускулистым человеком с непроницаемым лицом хорошего игрока в покер, на котором привлекали внимание глубоко посаженные тусклые глаза под редкими белесыми бровями. На нем был костюм в полоску и темно-синий галстук. Ел он медленно и очень редко поднимал лицо от тарелки. Покончив с едой, он взял в руки программу скачек и принялся ее внимательно читать, аккуратно переворачивая страницы. Не прерывая чтения, он покачал головой, отказываясь от предложенного метрдотелем меню.

Писсаро долго ковырял в зубах, пока ему не принесли мороженное. Тогда он отложил зубочистку и, наклонившись над столом, принялся быстро-быстро поедать мороженное, отправляя его ложечкой в свой маленький ротик.

Разглядывая эту парочку через бинокль, Бонд пытался составить о них какое-то собственное мнение. На что были способны такие вот, с позволения сказать, люди? Бонд вспомнил рассудительных, убежденных в своей правоте русских, умных, нервных немцев, бесшумных, очень опасных, внешне непримечательных агентов из стран Центральной Европы, людей из своей собственной службы, веселых солдат удачи, считавших, что отдать жизнь за тысячу фунтов — нормальные условия. По сравнению со всеми ними, решил для себя Бонд, эти людишки хороши лишь малышей пугать.

На табло зажглись результаты третьего заезда, и теперь до заезда трехлеток оставалось всего полчаса. Бонд отложил бинокль и взял программу, ожидая, когда на табло начнут появляться суммы ставок и варианты комбинаций.

Он еще раз прочитал информацию о заезде:

«Второй день. 4 августа. Максимальная ставка 25 000. 52-й заезд. Трехлетки. Владельцу победителя будет вручен специальный приз. Заезд на милую с четвертью».

Далее следовал список из двенадцати лошадей, фамилии владельцев, тренеров и жокеев, прогноз газеты «Морнинг лайн».

Шансы обоих фаворитов, номера 3, владелец Уильям Вадвард, и номера 1, владелец Ч. Уитни, рассматривались как 6 и 4. Шансы номера 10, «Застенчивой улыбки», владелец П. Писсаро, тренер Р. Бадд, наездник Т. Белл, были очень малы: 15 к 1, и в списке эта лошадь стояла последней.

Бонд опять взял бинокль и навел его на ресторанный стол. Интересующие его двое уже ушли. Бонд перевел взгляд на табло. Там в фаворитах значился номер 3-й. Шансы — 2 к 1. Шансы номера 1-го были примерно равны, а у «Застенчивой улыбки»

— 20 к 1, и, через несколько минут, 18 к 1.

Еще четверть часа. Бонд устроился поудобнее и закурил, вновь прокручивая в уме слова Лейтера и пытаясь прикинуть, сбудутся ли планы его друга.

Лейтер рассказал ему, что он выследил, где живет жокей, пришел к нему, размахивая своим удостоверением детектива, и начал профессионально шантажировать его. Если «Застенчивая улыбка» выиграет, сказал Лейтер Беллу, то о подставке будет сообщено куда следует, и Белл будет пожизненно дисквалифицирован. Но у него есть шанс выйти сухим из воды. В случае, если Белл согласится проиграть заезд, Лейтер пообещал никому не говорить о том, что лошадь подставная. «Застенчивая улыбка» должна выиграть скачки, но так, чтобы ее дисквалифицировали. Сделать это можно так. На последней минуте Белл должен помешать бегу ближайшей к нему лошади, тем самым не давая ей стать победителем. Наверняка будет подана апелляция, и наверняка она будет удовлетворена. Прodelать все это Беллу будет совсем нетрудно, да и хозяевам своим он сможет все легко объяснить излишним усердием со своей стороны, тем, что соседняя лошадь чуть прижала его или что споткнулась его собственная. Ведь у него не было какой-либо веской причины стремиться проиграть заезд, тем более, что Писсаро посулил ему за выигрыш лишнюю тысячу монет. Так что, мол, это просто досадная случайность, со всеми, мол, бывает на скачках. На этих условиях Белл получит от Лейтера тысячу до заезда и две — после, если сделает все, как надо.

Белл клянул. Без колебаний. Он даже попросил передать ему эти две тысячи вечером того же дня в зале грязевых процедур, куда он ходит ежедневно сгонять вес. В шесть часов вечера Лейтер дал слово. Теперь эти две тысячи лежали у Бонда в кармане, так как он согласился, хоть и с неохотой, передать их жокею, если «Застенчивой улыбке» не удастся выиграть заезд.

Получится ли все, как он хочет?

Бонд взял бинокль и прошелся взглядом по ипподрому. Он обратил внимание на укрепленные на каждом из четырех столбиков, отмечавших четверть мили, автоматические кинокамеры, фиксировавшие все заезды. Уже через несколько минут после каждого финиша устроители состязаний получали проявленные кадры. То, что возможно произойдет у последнего поворота перед финишной прямой, будет заснято камерой, стоящей неподалеку от линии финиша. Бонд ощутил волнение. До заезда оставалось пять минут, и метрах в ста слева от него уже устанавливали стартовый барьер. Лошади должны пройти полный круг плюс еще четверть мили. Финишная черта находилась прямо под ним. Он направил бинокль на табло. Никаких изменений не произошло. И вот появились, направляясь к старту, участники заезда. Первым шел номер 1-й, считавшийся вторым фаворитом: большая вороная лошадь. Жокей был одет в коричневый с голубым костюм — цвета конюшни Уитнея. Зрители устроили овацию фавориту — подвижной на вид лошади серой масти, несущей цвета Вудварда: белый с красным. Замыкающей шла крупная гнедая с белой звездочкой на лбу. Сидевший на ней бледный жокей был одет в шелковый казакин цвета лаванды с большими черными нашивками в форме алмаза на груди и на спине.

«Застенчивая улыбка» шла столь грациозно и так хорошо смотрелась, что Бонд вовсе не удивился, взглянув на табло: ее шансы увеличивались — 17 к 1, 16 к 1... Бонд продолжал наблюдать за табло. Через минуту в дело пойдут большие деньги (за исключением лежавшей у него в кармане тысячи долларов, которая там так и останется), и ставки моментально возрастут. По громкоговорителю объявили о начале заезда.

Лошадей уже вводили в стартовые загоны. Щелк, щелк, щелк — огоньки на табло против номера 10 продолжали мигать: 15, 14, 12, 11 к 1 и, наконец, 9 к 1. Но вот кассы закрылись, и табло замерло. А сколько еще тысяч ушло по телефонным линиям «Вестерн Юнион» по безобидным на первый взгляд абонентам в Детройте,

Чикаго, Нью-Йорке, Майами, Сан-Франциско и дюжине других городов в разных штатах?...

Резко ударил колокол. Воздух как бы наэлектризовался, приглушил шум на трибунах. С грохотом откинулся преграждавший путь лошадям барьер и разом ударили в землю копыта, поднимая тучи пыли и опилок. Замелькали наполовину скрытые очками лица жокеев, лошадиные ноги и крупы, бешеные белые глазные яблоки, зарябили цифры номеров, среди которых Бонду удалось разглядеть десятый номер, несущийся в первой группе ближе к центру трека. Пыль постепенно улеглась, а черно-коричневая живая масса уже огибала первый поворот и вытягивалась вдоль дальней прямой. Бонд неожиданно почувствовал, что окуляры бинокля мокры от пота.

Впереди, выигрывая целый корпус, шел пятый номер, явный аутсайдер. Неужели эта «темная лошадка» победит? Но сразу же за нею, в через несколько мгновений — уже рядом с нею шли первый и третий номера, которым «десятка» проигрывала всего пол-корпуса. Впереди были только четверо. Остальные отстали почти на три корпуса. Поворот был пройден, и вел скачку сейчас первый номер, ворона из конюшни Уитнея. «Десятка» шла четвертой. На прямой к лидеру. Вот уже пройден предпоследний поворот, и лошади вышли на прямую. Впереди — третий номер, за ним — «Застенчивая улыбка» и на корпус отставший первый номер. И вот «десятка» достала лидера. Последний поворот! Бонд замер, затаив дыхание. Вот сейчас! Вот сейчас! Ему казалось, что он слышит жужжание кинокамеры, прикрепленной к белому столбику. На повороте «десятка» была чуть впереди. Но третий номер шел к ближе к центру, ближе к ограждению. Толпа ревела, подбадривая фаворита. Белл начал сантиметр за сантиметром подсекать серую «тройку», склонив голову к холке своей лошади и повернув лицо к трибунам, чтобы иметь потом возможность сказать, что он не видел несущуюся слева от него серую. Лошади все сближались, и вот голова «Застенчивой улыбки» уже поравнялась с головой соперницы, ее ноги коснулись ног третьего номера и, вот оно! Наездник неожиданно встал на стремянах и поднял свою лошадь на дыбы, чтобы избежать столкновения. «Десятка» сразу же вышла на корпус вперед.

На трибунах раздались гневные крики. Бонд опустил бинокль и увидел, как покрытая потом, с пеной у рта, гнедая под номером «10» молнией промчалась через финиш. Ее соперницы отстали на пять корпусов. Вторым был номер третий, третьим — отставший от него на какую-то секунду номер первый.

«Неплохо, — подумал Бонд, — свист и рев озлобленной толпы. Совсем неплохо. И как великолепно этот жокей все проделал! Он наклонил голову так низко, что даже Писсаро должен будет признать, что Белл просто не мог видеть соседнюю лошадь. Вполне естественная попытка приблизиться к внутренней части дорожки перед выходом на финишную прямую. Белл не поднял головы вплоть до финиша и продолжал подгонять лошадь хлыстом так, как будто думал, что соперники отстали от него не больше, чем на полкорпуса».

Бонд подождал, пока на табло появились результаты заезда, встреченные зрителями свистом и издевательскими выкриками: «Номер 10 „Застенчивая улыбка“ пять корпусов. Номер 3, полкорпуса. Номер 1, три корпуса. Номер 7, „Пиранделло“, три корпуса».

Лошадей уже выстраивали, чтобы вести на взвешивание, но толпа по-прежнему требовала крови, видя, как «Трезвонящий» Белл, улыбаясь во весь рот, бросил хлыст помощнику, соскочил с «Застенчивой улыбки», которая все еще не могла успокоиться, снял седло и поволок его на весы.

Внезапно настроение толпы изменилось. Теперь возгласы выражали одобрение. На табло, напротив номера 10, появилась белая табличка с надписью «Протест». Из громкоговорителей раздалось: "Прошу внимания! В этом заезде жокей номера 3,

Т.Лакки заявил протест по поводу поведения жокея номера 10 «Застенчивая улыбка», Т.Белла. Не выбрасывайте свои билеты. Повторяю, не выбрасывайте свои билеты.

Бонд достал платок и вытер вспотевшие руки. Он представил себе, что происходит сейчас в просмотровом зале, за судейской ложей. Должно быть они просматривают фильм. Белл наверняка стоит с обиженным видом, а рядом с ним — жокей третьего номера, еще более обиженный. Присутствуют ли при разбирательстве владельцы лошадей? Если да, то, наверное, по жирной морде Писсаро ручьями течет пот за воротник? Может там и хозяева остальных лошадей, бледные и злые?

Загремел громкоговоритель:

— Внимание, внимание. Информация по предыдущему забегу. Номер 10, «Застенчивая улыбка», дисквалифицирована. Победителем заезда стал номер 3. Решение обжалованию не подлежит.

В раздавшемся радостном реве толпы Бонд поднялся, слегка размял затекшие ноги и руки и отправился в бар. Теперь за «бурбоном» с родниковой водой надо поразмыслить о том, как передать Беллу обещанные деньги. Процедура эта Бонду не нравилась, но грязевые ванны были местом людным, а в Саратогe его никто не знал. Но после передачи денег он не сможет больше помогать агентству Пинкертонов. Надо будет еще позвонить «Тенистому» и пожаловаться, что получить свои кровные пять тысяч ему не удалось: пусть у того голова поболит и по этому вопросу. Забавно было помогать Лейтеру обвести этих людишек вокруг пальца, но теперь — его очередь поработать.

Кое-как Бонду удалось-таки пробраться в бар. Для этого надо было, однако, как следует потолкаться.

13. Грязевые ванны

Кроме Бонда в маленьком грязном автобусе ехали лишь сидевшая рядом с шофером негритянка с высохшей от болезни рукой, да девушка, старавшаяся не держать на виду руки. Голова ее была укрыта густой черной вуалью, ниспадающей на плечи подобно маске пчеловода и не касающейся кожи на лице.

На бортах автобуса красовалась надпись «Грязевые и серные ванны», а на лобовом стекле было написано: «Ходит каждый час». За весь путь через город новых пассажиров не объявилось, и автобус свернул с главной дороги на плохую, засыпанную гравием и обсаженную пихтами дорожку. Проехав пол-километра, автобус опять повернул и покатил вниз в сторону нескольких облезлых серых строений. В центре между ними поднималась в небо сложенная из желтого кирпича труба, из которой вилась вертикально, ибо ветра не было, тоненькая струйка черного дыма.

Площадка перед входом была абсолютно пуста, но как только автобус остановился на заросшей сорняками гаревой дорожке перед тем местом, где, видимо, находился вход, на верхней площадке лестницы, перед зарешеченной дверью появились два старичка и хромая негритянка. Они ждали, пока пассажиры не поднимутся к ним.

Как только Бонд вышел из автобуса, в нос ему ударил тошнотворный запах серы. Запах этот был настолько ужасающим, что казалось, доходил сюда прямо из ада. Бонд отошел в сторонку и сел на грубо сколоченную скамью под казавшимися неживыми пихтами. Там он просидел несколько минут, готовя себя к тому, что должно было произойти с ним после того, как он войдет в двери ада, и ему надо было преодолеть чувство отвращения и брезгливости. Бонд подумал, что частично такая реакция была нормальной реакцией здорового человеческого тела при соприкосновении с миром болезней, а частично была вызвана видом огромной

мрачной трубы, извергавшей черный дым. Но, пожалуй, больше всего на него воздействовала сама перспектива прохода через эти двери, покупки билета, раздевания и дачи своего чистого тела в чужие руки, которые неизвестно что будут делать с ним в этом богом забытом заведении.

Автобус уехал, и Бонд остался один. Было очень тихо. Бонд подумал, что дверь и два окна по бокам похожи на глаза и рот. Дом, казалось, смотрел на него, следил за ним и ждал... Рискнет ли он войти? Попадет ли он на крючок?

Бонд заерзал. Потом встал и решительно направился к дому, пересек гаревую дорожку, поднялся по ступеням, и дверь захлопнулась за ним.

Он оказался в обшарпанной приемной. Серные пары здесь ощущались еще резче. За железной решеткой стояла конторка, на стенах, в застекленных рамочках, висели рекомендательные письма, аттестаты и хвалебные рекомендации, в углу стоял шкаф с выложенными на полочках пакетиками. Над ними была прикреплена табличка с неряшливо, от руки сделанной надписью: «Возьмите с собой наш целебный набор. Лечите себя самостоятельно». На стоявшей рядом подставке с рекламой дешевого дезодоранта красовался перечень цен. Реклама гласила: «Чтобы из ваших подмышек дух шел как от свежих пышек!»

Увядшая женщина с венчиком рыжеватых волос над узким лбом, с лицом рыхлым как взбитые сливки, медленно подняла голову и посмотрела на него сквозь решетку, ограждавшую конторку, оторвавшись от книжки с подобающим названием: «История о настоящей любви».

— Чем могу помочь? — это был голос, предназначенный для чужаков, для тех, кто не знал, за какие ниточки надо дергать.

Бонд с видом осторожного отвращения, как от него и ожидалось, сказал в ответ:

— Я хотел бы принять ванну.

— Грязевую или серную? — свободной рукой (второй она придерживала раскрытую книгу) женщина потянулась за пачкой билетов.

— Грязевую.

— Может, купите абонемент? Это будет дешевле.

— Нет, один билет, пожалуйста.

— Полтора доллара, — она положила перед ним розовато-лиловый билет и придерживала его пальцем до тех пор, пока Бонд не положил на конторку деньги.

— Куда мне теперь идти?

— Направо, — ответила она. — По коридору. Ценные вещи лучше оставить здесь. — Она протянула Бонду большой белый конверт. — И не забудьте написать свою фамилию.

Искоса она наблюдала за Бондом, пока он клал в конверт часы и мелочь.

Двадцать стодолларовых банкнот он оставил лежать в кармане рубашки. Надолго ли? Он вернул конверт женщине.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

В дальнем конце приемной стоял низенький турникет, рядом с которым были прикреплены две картонные руки с надписями «грязь» и «сера». Их указательные пальцы были направлены, соответственно, вправо и влево.

Бонд прошел через турникет и, повернув направо, попал в сырой коридор с цементным, плавно уходящим вниз полом. Спустившись по нему и пройдя сквозь крутящуюся дверь, он оказался в длинной зале со стеклянным высоким потолком и кабинами вдоль стен.

В зале было душно и жарко, пахло серой. Двое молодых, на вид не шибко умных, парней, единственной одеждой которых были серые полотенца вокруг талии, играли в карты за стоящим у входа столиком. На столике были две наполненные до отказа окурками пепельницы и тарелка с грудой ключей. Один из них, увидев Бонда, выбрал

на тарелке ключ и протянул ему. Бонд подошел и взял ключ.

— Двенадцатая, — сказал парень. — А билет где?

Бонд отдал ему розовую бумажку, и тот лениво махнул рукой в сторону находившихся у него за спиной кабин, а головой кивнул на другой выход из зала.

— Ванны принимают там.

Оба забыли про Бонда и вернулись к своей игре.

В обшарпанной кабине не было ничего, кроме сложенного полотенца, на котором от частой стирки не осталось ни единой ворсинки. Бонд разделся и обвязался полотенцем. Банкноты он свернул в тугой рулончик и засунул их в карман пиджака, прикрыв носовым платком. Надеялся он на то, что сюда любой мелкий воришка вряд ли залезет, если времени в обрез. Кобуру с пистолетом он повесил под пиджак, вышел из кабины и запер за собой дверь.

Бонд даже представить себе не мог, что за картина ждет его в процедурном помещении. Сначала ему показалось, что он в морге. Но не успел он прийти в себя, как рядом с ним очутился толстый лысый негр с длинными, обвисшими усами. Он оглядел Бонда с головы до ног.

— Что у вас не в порядке, мистер?

— Да вроде все нормально. Просто хочу попробовать, что такое грязевая ванна, — ответил Бонд.

— Ладно, — сказал негр. — Сердце не барахлит?

— Нет.

— Ладно, тогда сюда.

Вслед за негром Бонд прошел по скользкому цементному полу к деревянной скамье, стоявшей рядом со старенькими душевыми, в одной из которых стоял облепленный грязью голый человек, а второй, с характерным для боксеров приплюснутым ухом, поливал его из шланга.

— Я скоро буду, — безразличным тоном произнес негр и отправился по своим делам, шлепая большими ступнями по мокрому полу. Бонд посмотрел в спину этому огромному дяде, и у него мурашки пошли по коже при мысли, что ему придется доверить свое тело его лапам с розовыми шершавыми ладонями.

К цветным Бонд относился также, как и к белым, но тем не менее подумал, что Англии повезло больше Америки, где людям приходится сталкиваться с расовой проблемой с младых ногтей. С улыбкой он вспомнил слова Лейтера, сказанные еще во времена их последней совместной работы в Америке. Бонд тогда обозвал мистера Бита, известного преступника из Гарлема, «гадским нигером», на что Лейтер поучающим тоном заметил:

— Осторожнее, Джеймс. Здесь у нас люди относятся к цвету кожи столь серьезно, что даже в баре нельзя попросить налить тебе джиггер [tigger (англ.) — большой высокий бокал] рому. Надо говорить — что ты думаешь? — «джегро».

Воспоминания о Лейтере подбодрили Бонда. Он перестал смотреть на негра и принялся рассматривать других любителей грязевых ванн.

Процедурная представляла собой квадратную серую бетонную коробку. С потолка свисали четыре лампы без плафонов, усаженные мухами. Они освещали отвратительные серые стены и пол, усеянные капельками влаги. Вдоль стен стояли деревянные помосты на козлах. Бонд автоматически пересчитал их: двадцать. На каждом из них стояли похожие на гробы деревянные ящики, закрытые крышками на три четверти. В большинстве этих «гробов» были видны уставившиеся в потолок потеющие распаренные, красные лица. Несколько пар глаз были обращены сейчас на Бонда, но владельцы остальных видимо спали.

Один из ящиков был открыт, крышка стояла рядом, а один из бортиков откинут. Он-то, скорее всего, и был предназначен для Бонда. Негр застилал ящик тяжелой, отнюдь не первой свежести простыней. Закончив, он выбрал из стоявших в центре

комнаты две бадьи, доверху наполненных дымящейся темно-коричневой грязью, и с грохотом поставил рядом с ящиком. Он погружал свою огромную руку в одну из бадей и размазывал густую вязкую грязь по дну ящика, пока не покрыл его слоем сантиметра в два. На некоторое время он прекратил это занятие — чтобы грязь остыла, — подумал Бонд, — и подошел к щербатому корыту, откуда, порывшись в огромных кусках льда, извлек несколько мокрых полотенец. Повесив их на руку, на манер официанта, он прошел вдоль занятых клиентами «гробов», останавливаясь, чтобы положить холодные полотенца на пышущие жаром лбы.

Больше в комнате ничего не происходило, и было бы совсем тихо, если бы не звук льющейся из шланга воды. Но вот и этот звук прекратился, и раздался голос:

— Все, господин Вайс, на сегодня хватит.

Толстый голый мужчина с густой черной порослью на теле кое-как выбрался из душевой и стоял, ожидая пока человек с приплюснутым ухом оденет его в ворсистый купальный халат и вытрет ему ноги. Потом его проводили до двери, через которую Бонд попал в эту комнату.

После этого человек с приплюснутым ухом вышел уже через другую дверь, в противоположной стене. Несколько мгновений эта дверь была приоткрыта, и Бонд увидел за ней траву и кусочек благословенного неба. Но человек вскоре вернулся с двумя новыми ведрами дымящейся грязи, захлопнул дверь ногой и поставил ведра в середине комнаты.

Негр, тем временем, вновь подошел к предназначавшемуся для Бонда ящику и потрогал грязь ладонью. Он повернулся и кивнул Бонду:

— Готово, мистер.

Бонд приблизился. Негр снял с него полотенце, а ключ от кабины повесил на крючок рядом с ящиком.

— Вы когда-нибудь принимали грязевые ванны?

— Нет.

— Так я и думал, поэтому температура будет сначала 40 градусов, а потом, если все пойдет нормально можно довести до 45 градусов, и то и до пятидесяти. Ложитесь.

Бонд осторожно залез в ящик и лег. Первый контакт с грязью кожа восприняла болезненно. Он медленно вытянулся во весь рост и опустил голову на накрытую чистым полотенцем пуховую подушечку.

Как только Бонд устроился, негр обеими руками принялся покрывать его слоем свежей грязи.

Грязь была цвета темного шоколада, мягкой, тяжелой и жирной. Запах горячего торфа резко ударил в нос. Бонд следил за тем, как блестящие толстые руки негра превращали его в жутковатый черный холм. Знал ли Феликс Лейтер о том, как выглядит эта процедура? Бонд злобно ухмыльнулся. Ну, если это была одна из шуток!...

Наконец негр закончил свое дело. Только лицо и область сердца были свободны от грязи. Бонду показалось, что он начал задыхаться, и пот заструился по его лбу и вискам.

Отработанным движением негр, взяв простыню за уголки, набросил ее на Бонда и обернул его тело и руки. Получившаяся упаковка была жестче смиренной рубашки: Бонд мог лишь едва-едва двигать пальцами и головой. Негр закрыл борт ящика, накрыл его сверху деревянной крышкой. Операция завершена.

Негр снял висевшую в изголовьи грифельную доску, посмотрел на настенные часы и записал на доске время: шесть вечера.

— Двадцать минут, — сказал он. — Ну, как, нравится?

Бонд промычал нечто нечленораздельное.

Негр пошел к другим клиентам, а Бонд остался лежать, тупо глядя в потолок, чувствуя, как пот заливает лицо, и проклиная Феликса Лейтера.

В шесть часов вечера три минуты дверь открылась, и появилась обнаженная костлявая фигурка «Трезвонящего» Белла. Мордочка его напоминала лисью, а под кожей можно было пересчитать все ребра. Гордо задрав нос, он прошествовал на середину комнаты.

— Привет, «Трезвонящий»! — сказал человек с изуродованным ухом. — Говорят, у тебя неприятности? Паршивое дело!

— Энти распорядители скачек — болваны набитые, — с кислой миной отозвался Белл. — Кто может сказать, зачем бы это мне подсекать Томми Лаки? Это же мой кореш! Просто взяли — и отрезали меня, ни за что, ни про что. Эй, ты, ублюдок черномазый! — ногой он преградил путь проходившему мимо с полным ведром грязи негру. — Ты с меня сегодня должен согнать двести граммов веса, а то я щас сожрал тарелку жареной картошки.

Негр спокойно перешагнул через протянутую ногу и хмыкнул.

— Не бойсь, детка, — сказал он ласково. — Я те на крайний случай руку оторву. Глядишь, и весу поменьше будет. Погоди, скоро буду.

Дверь опять открылась, и в щель просунулась голова одного из картежников.

— Эй, боксер, — обратилась она к человеку с приплюснутым ухом. — Мейбл говорит, что не может дозвониться до «деликатески» [delicatessen (англ.) — гастрономический магазин, кулинария] и заказать себе жратву. Что-то с телефоном. То ли обрыв, то ли что.

— Собачий телефон, — выругался «боксер». — Тогда скажи Джеку, чтобы он в следующий заезд привез мне чего-нибудь.

— Сделаю.

Дверь закрылась. Поломка телефона — редкий случай в Америке, и мог бы, и должен был бы возбудить у Бонда подозрительность, чувство опасности. Но этого не произошло, так как все его мысли были заняты минутной стрелкой часов на стене. Еще целых десять минут пребывания в грязи! Негр ходил по комнате с холодными полотенцами и одним из них накрыл лоб и волосы Бонда. Это было замечательно! На мгновение ему даже показалось, что не так уж все это противно.

Бежали секунды. С руганью жокей залез в ящик прямо напротив Бонда, который подумал, что Белл, наверное, выдерживает температуру в 50 градусов. Его также завернули в простыню и накрыли крышкой.

На грифельной доске негр записал время: 6.15.

Бонд закрыл глаза и стал думать о том, как же ему передать Беллу деньги. В раздевалке, после процедур? Где-то здесь должно же быть место, чтобы спокойно полежать и отдохнуть от жары? Или лучше в коридоре, по пути на улицу? Или в автобусе? Нет. В автобусе не годится. Надо сделать это так, чтобы их не видели вместе.

— Тихо! Никому не двигаться! Не будете рыпаться — никто не пострадает!

Произнесено это было уверенным, мрачным тоном. Видимо, человеку доводилось говорить эти слова не в первый раз. Он не шутил.

Бонд резко открыл глаза. Все его тело напряглось, ощущая опасность.

Дверь, которая вела на улицу и через которую в комнату приносили грязь, была открыта. Один человек загораживал собой выход, второй вышел на середину комнаты. В руках и обоих были пистолеты, а на головах — капюшоны с прорезями для глаз и рта.

В комнате было очень тихо. Слышен был только шум воды в душе, где все кабинки были заняты. Стоявшие в них люди силились рассмотреть что-либо сквозь завесу воды, стекавшей по лицам. Человек с изуродованным ухом стоял совершенно неподвижно, даже глаза не мигали. Он, похоже, даже не замечал, что из шланга, который он держал в руке, вода льется ему на ноги.

Один из вооруженных людей остановился в центре комнаты, где рядом с

наполненными грязью ведрами стоял негр. В руках он держал по ведру. Негр дрожал, и от этого ведра противно дребезжали.

Бонд увидел, что налетчик переложил пистолет и теперь держал его за ствол. Молниеносно, вложив в удар всю силу, он всадил рукоятку пистолета в огромный живот негра.

Звук от удара был не слишком громким, но зато загремели выпущенные из рук ведра, а негр, прижав руки к животу, застонав, упал на колени и уперся своей лысой, блестящей от пота головой в ботинки ударившего его человека и застыл в позе молящегося.

Человек брезгливо отодвинулся.

— Где тут наш жокейчик? — спросил он. — Где Белл? В каком ящике?

Негр вытянул руку в ту сторону, где напротив Бонда лежал Белл.

Человек с пистолет повернулся и двинулся в указанном направлении.

Сначала он заглянул в ящик, где лежал Бонд, и на мгновение замер. Блестящие глаза изучали Бонда сквозь прорези в капюшоне. Потом он повернулся и подошел к Беллу.

Он подпрыгнул и уселся сверху на крышку ящика, в котором лежал Белл, чтобы лучше видеть лицо.

— Так, так. Черт меня подери, если это не «Трезвонящий» Белл. В голосе его было приторное до тошноты дружелюбие.

— Что такое-то? В чем дело? — Срывающимся испуганным голосом проверещал жокей.

— Ну-у-у, «Трезвонящий», — успокаивающе произнес человек. — В чем же здесь может быть дело? Тебе ничего на ум не приходит, а?

Жокей шумно сглотнул слюну.

— Ты, может и не слыхивал про лошадку по кличке «Застенчивая улыбка»? Может тебя и не было там, когда она зафолила на скачках сегодня в два тридцать?

Жокей заплакал.

— Господи, босс. Да не виноват я, ей-богу не виноват. Со всеми такое случается-а-а-а...

Так обычно плачут дети, которых должны наказать. Бонд содрогнулся.

— А вот мои друзья говорят, что это все от твоей жадности...

Человек наклонился над жокеем, и в голосе его начал звенеть металл:

— Мои друзья думают, что такой опытный жокей как ты, не мог просто так напортачить. Мои друзья порылись в твоих вещичках и нашли в плафоне запрятанную туда тысячу зелененьких. Мои друзья попросили меня разузнать, откуда это на тебя просыпался золотой дождик?

Звук пощечины и вскрик раздались одновременно.

— Говори, ублюдок, или мозги повышибаю! — Бонд услышал, как щелкнул взводимый курок.

Из ящика раздался истошный вопль:

— Это заначка! Это все, что у меня есть! Специально в лампу запрятал. Заначка! Клянусь всеми святыми! Вы должны мне поверить! Должны!

Голос захлебнулся и умолк.

Человек с отвращением сплюнул и поднял руку с пистолетом, так что теперь она была видна Бонду. Большой палец с бородавкой вернул курок в прежнее положение. Человек соскочил с ящика. Он еще раз взглянул на жокея и сказал елейным голосом:

— Ты что-то в последнее время слишком много скакал, Белл. Ты плохо выглядишь. Отдохнуть тебе надо хорошенько. Чтобы было тихо-тихо. Как в морге...

Человек двинулся к центру комнаты. Он продолжал что-то говорить почти шепотом и был теперь не виден Беллу. Бонд же увидел, как человек наклонился и взял одну из кадок с дымящейся грязью. Он вернулся к ящику, продолжая увещевать,

успокаивать, держа кадку на уровне колен.

Бонд замер, каждой клеткой ощущая обволакивавшую его грязь.

— Так я говорю «Трезвонящий». Тихо-тихо. Ничего не кушать. Лежать уютно, как в темной комнате с опущенными шторами, без света...

Его голос жутко звучал в полной тишине. Он начал медленно поднимать бадью. Все выше, выше...

И тут жокей увидел бадью, и понял, что сейчас произойдет, и зарыдал:

— Не-е-е-е-т!!!

Хотя в комнате было и так жарко, заструившаяся из бадьи грязь все равно дымилась...

Человек быстро отскочил и швырнул пустую бадью «боксеру», который не шелохнулся, не попытался поймать ее, торопливо пересек комнату и подошел к своему напарнику, который так все время и стоял в дверях с пистолетом наизготовку.

Повернувшись, он сказал:

— Сидеть тихо. Никакой полиции. Телефон не работает.

Он мерзко заржал:

— Лучше откопайте парня побыстрее, пока он весь не прожарился.

Дверь закрылась. Опять стало тихо, только лопались с хлопанием грязевые пузыри, да текла из душей вода.

14. «Мы не ошибаемся»

— И что же было дальше?

Лейтер сидел в кресле, а Бонд мерил шагами комнату мотеля, останавливаясь лишь для того, чтобы сделать глоток виски с водой из стакана, стоявшего на тумбочке у кровати.

— Сумасшедший дом, — сказал Бонд. — Все пытались выскочить из своих ящиков одновременно, «боксер» смывал из шланга грязь с Белла и звал на помощь тех двоих, из соседней комнаты, негр стонал на полу, а те, кто был в это время в душе, носились как ненормальные и орали. Двое картежников тут же примчались, сорвали крышку с ящика, где лежал жокей, распеленали его и сунули под душ. Думаю, он был уже полутрупом: почти задохнувшийся, с обожженным лицом... Жуткое зрелище. Тут один из клиентов взял себя в руки и начал открывать крышки ящиков и выпускать своих коллег. Всего нас оказалось двадцать, покрытых грязью, а душ — один. Ну, кое-как разобрались. Один из картежников вызвался поехать в город за «скорой помощью». Кто-то вылил на негра ведро воды, и он пришел в себя. Стараясь не проявлять особого интереса, я попытался выяснить, не знает ли кто, что это были за люди? Но никто ничего не знал. Кто-то сказал, что они нездешние. В принципе это больше уже никого не волновало, поскольку кроме жокея никто не пострадал. Все хотели побыстрее вымыться и удрать.

Бонд сделал еще один глоток и закурил.

— Тебе ничего не бросилось в глаза? Что-нибудь можешь сказать про эту парочку? Рост, одежда, еще что-то? — спросил Лейтер.

— Человека у двери я плохо разглядел, — ответил Бонд. — Он был поменьше второго и худее, пожалуй. На нем были темные брюки и серая рубашка, без галстука. Пистолет похож на «кольт» сорок пятого калибра. Второй, кто собственно все и провернул, — большой, жирноватый. Двигается быстро, но обдуманно. Черные брюки. Коричневая рубашка в белую полосочку. Ни пиджака, ни галстука. Черные туфли. Чистые, дорогие. Оружие — полицейский «Позитив» тридцать восьмого калибра. Часов на руке не было. Да! Еще у него бородавка на большом пальце правой руки. Красная такая, как будто он ее все время облизывает.

— Уинт, — спокойно сказал Лейтер. — А первого зовут Кид. Работают всегда

вместе. Они у Спэнгов главные забойщики. Уинт этот — мерзкий типчик. Настоящий садист. Любит мучить и издеваться. Обожает облизывать свою любимую бородавку. Кличка — «Ветренный». Не шибко подходит ему, но ведь у них у всех дурацкие клички. Он ненавидит путешествия. Его укачивает и в машинах, и в поездах, а самолеты он считает железными гробами, ловушками. Если надо куда-то ехать, то он требует доплаты, «за вредность». Но на твердой почве он многим даст фору. Кид тоже славный мальчуган. Знакомые зовут его «Блондином». Похоже, живут они вместе с Уинтом. Некоторые из гомиков, как он, и становятся самыми жестокими убийцами. У Кида абсолютно седые волосы, хотя ему всего тридцать. Это — одна из причин, почему они предпочитают работать в капюшонах. Но вот Уинт в один прекрасный день явно пожалеет, что не вывел свою бородавку. Как только ты упомянул про нее, я сразу же понял — это Уинт. Надо бы мне шепнуть про все это полицейским. Про тебя, конечно, ни слова. Просвещу их по поводу «Застенчивой улыбки», а уж дальше они и сами все раскопают. Сейчас, небось, Уинт со своим дружкой уже на поезд садятся в Олбани, но подсыпать им соли на хвост не помешает.

Лейтер направился к двери, но на пороге обернулся:

— Отдохни пока, Джеймс. Через часок я вернусь, и мы с тобой завалимся куда-нибудь на хороший ужин. Кроме того, я разузнаю, куда положили Белла, и мы ему перешлем туда деньги. Это немного его подбодрит, беднягу. Ну, я пошел.

Бонд разделся и минут десять нежился под душем, смывая с себя последние крупницы грязи и заодно с ними — последние воспоминания о том, что произошло в грязевых ваннах. Потом он оделся и спустился вниз к портю, где стоял телефон, чтобы позвонить «Тенистому».

— Линия занята, сэр, — сообщила телефонистка. — Перезвонить еще раз?

— Да, пожалуйста, — сказал Бонд. Его порадовало, что Горбун, по крайней мере, на месте, а ему не придется врать, говоря, что пытался дозвониться раньше. Наверное, «Тенистый» и так удивлен, что Бонд не позвонил сразу же и не пожаловался на то, что денежки его плакали. Сейчас, после того, что они проделали с жокеем, Бонд решил, что с шайкой Спэнгов надо держать ухо востро.

Телефон, наконец, издал сухой треск, заменяющий в Америке звонок.

— Вы вызывали «Висконсин» — 7—3697?

— Да.

— Ваш абонент у аппарата. Говорите, Нью-Йорк.

В трубке раздался высокий писклявый голос Горбуна:

— Слушаю, кто это?

— Джеймс Бонд. Я пытался дозвониться и раньше, но не получилось.

— В чем дело?

— С «Застенчивой улыбкой» номер не вышел.

— Я знаю. Жокей виноват. И в чем же дело?

— В деньгах, — сказал Бонд.

Трубка молчала. Потом:

— Ладно. Начнем сначала. Я перешлю тебе по телеграфу тысячу. Ту самую, которую ты у меня выиграл. Помнишь?

— Конечно.

— Будь у телефона. Через несколько минут я тебе перезвоню и скажу, что с ней делать. Где ты остановился?

Бонд назвал свой мотель.

— Понятно. Утром получишь деньги. Я скоро позвоню.

Трубку повесили.

Бонд подошел к стойке и начал рассматривать стоявшие там книги, которые клиенты могли брать к себе в номер. Он с невольным уважением подумал о том, что эти люди ведут счет своим деньгам и отлично готовят все операции, предвосхищая

возможные последствия. И правильно делают, конечно. Где же еще он, англичанин, мог бы просто так достать пять тысяч, если не на скачках или в казино? Так что же ему предстоит теперь? Карты?

Телефон зазвонил. Бонд подошел к будке, закрыл за собой дверь и взял трубку.

— Это ты, Бонд? Слушай меня внимательно. Деньги ты получишь в Лас-Вегасе. Возвращайся в Нью-Йорк и возьми билет на самолет. За мой счет. Я позабочусь. Сначала ты полетишь в ЛосАнжелес, а оттуда в Вегас летают местные машины каждые полчаса. Номер тебе зарезервирован в «Тиаре». Осмотрись, и — теперь внимание! — ровно в пять минут седьмого, в четверг вечером, ты должен будешь подойти в «Тиаре» к центральному из столов, где играют в «Блэк-джек», в зале рядом с баром. Все понял?

— Да.

— Ты сядешь за этот стол и сыграешь по максимуму, на всю тысячу, пять раз. Потом встанешь и уйдешь из зала. И больше — не играть! Понял?

— Да.

— Счет твой в «Тиаре» оплачен. После получения выигрыша поболтайся вокруг и жди указаний. Все понял? Повтори.

Бонд повторил.

— Годится, — сказал Горбун. — Не болтай лишнего и не делай ошибок. Ошибок мы не любим. Ты это поймешь лучше, прочитав завтрашнюю газету.

Щелчок, и разговор закончился. Бонд повесил трубку и в задумчивости пошел к себе в номер.

«Блэк-джек»! Игра, очень похожая на игру в «очко» школьных дней. Нахлынули воспоминания о том, как они еще детьми играли в нее, как взрослые раздавали цветные фишки, чтобы у каждого было их на один шиллинг, как здорово было получить туза и десятку и взять двойной кон, как боязно было поднимать, скажем, пятую карту, когда на руках уже было семнадцать очков и надо было обязательно добыть еще не больше четырех...

И вот теперь ему опять предстоит сыграть в детскую игру. Только теперь на сдаче будет сидеть профессиональный шулер, а цветные фишки будут стоить по триста фунтов каждая. Бонд стал взрослым, и игра повзрослела.

Он лег на кровать и уставился в потолок. Ожидая появления Феликса Лейтера. Бонд мысленно был уже в знаменитом городе азартных игр, пытаясь представить его себе и размышляя над тем, удастся ли ему повидаться с Тиффани Кейс.

В пепельнице лежало уже пять окурков, когда за окном послышались шаги Лейтера. Вместе они сели в «студиллак», и Лейтер, ведя машину, кое-что рассказал.

Все люди Спэнгов — Писсаро, Бадд, Уинт и Кид — уже исчезли из города. Даже «Застенчивая улыбка» уже были в начале длинного пути обратно в Неваду, почти через весь континент.

— ФБР уже занялось этим делом, — продолжал Лейтер, — но это станет всего лишь одной страницей в той книге о преступлениях этой шайки, которой они располагают. Но без тебя, как свидетеля преступления, никто не сможет доказать, что налет организовали именно эти двое. И я был бы, честно говоря, удивлен, если бы ФБР действительно начало глубоко копать под Писсаро из-за лошади. Это дело они перепоручат мне и моим людям. Я уже говорил со своим начальством, и мне сказали отправляться в Лас-Вегас и попытаться разузнать, где они зарыли останки настоящей «Застенчивой улыбки». Главное — добраться до ее зубов. Как тебе нравится?

Прежде, чем Бонд смог ответить, они уже остановились перед «Павильоном», единственным пристойным рестораном в Саратоге. Они вышли из машины, и швейцар отогнал ее на стоянку.

— Хорошо, что мы снова можем появляться вместе, — сказал Лейтер. — Тебе

еще наверняка не доводилось есть таких жареных в масле лобстеров, как здесь. Но и они бы в горло не полезли, если бы за соседним столиком очутился кто-нибудь из шайки Спэнгов с тарелкой спагетти.

Время было позднее, и большинство клиентов уже покончили с ужином и отправились на аукцион. Друзьям достался столик в углу, и Лейтер попросил официанта не торопиться с лобстерами, но зато побыстрее принести два очень сухих martini с вермутом «Креста бланка».

— Итак, ты едешь в Лас-Вегас, — сказал Бонд. — Забавное совпадение.

И он поведал Лейтеру о своем разговоре с «Тенистым».

— В общем-то, — сказал Лейтер, — ничего удивительного в этом нет. Ведь мы оба путешествуем по плохим дорогам, а плохие дороги всегда ведут в плохие города. В Саратове у меня еще остались кое-какие мелкие дела, да и несколько рапортов написать надо. У меня полжизни проходит за написанием рапортов. Но к концу недели я буду в Лас-Вегасе, начну разнюхивать. Под носом у Спэнгов нам, конечно, не удастся часто встречаться, но видаться и обмениваться информацией, думаю, получится. Вот что, — добавил он. — У нас там есть свой человек. Работает под прикрытием. Он шофер такси, зовут его Курео, Эрни Курео. Хороший парень. Я ему сообщу о твоём приезде и он за тобой присмотрит. В Вегасе он знает все и вся. Где играют по-крупному, кто из иногородних шаек околачивается в городе. Ему известно даже, какой «однорукий бандит» в каком зале чаще выдает выигрыши. А это — самый ценный секрет на всем этом проклятом «Стрипе» [Strip — улица в Лас-Вегасе, где расположены самые крупные казино и гостиницы]. Надо сказать, кстати, что если ты не видел «Стрип», ты не видел ничего! Чистых восемь километров игровых заведений. Реклама такая, что Бродвей по сравнению с ней — рождественская елочка для детей. Монте-Карло! — презрительно фыркнул Лейтер. — Прошлый век.

Бонд улыбнулся.

— Сколько нулей у них там на рулетке?

— Два, по-моему.

— Вот тебе и ответ. Мы в Европе по крайней мере играем честнее. Второй нолик-то и есть источник рекламных огней. Так что можешь не особенно гордиться.

— Может и так. Но при игре в кости заведению достается лишь один процент от выигрыша. А ведь это наша национальная игра.

— Я знаю, — сказал Бонд. — «Детке нужны новые туфли» [слова из песни]. Это все оставь несмышлёнышам. Хотел бы я вместо этого посмотреть на какого-нибудь банкира из «Греческого синдиката», распевającego «Детке нужны новые туфли», когда против него уже выкинуто девять очков, а на кону — десять миллионов франков.

Лейтер рассмеялся.

— Черт, — сказал он. — Ловко это у тебя получилось с мухлежом на игре в «блэк-джек». Небось дома, в Лондоне, будешь басни рассказывать о том, как облапошил этих жуликов в «Тиаре».

Лейтер пригубил бокал с виски и поудобнее устроился в кресле.

— Но все-таки лучше будет, если я тебе кое-что расскажу про все эти игрища, а то еще чего доброго, ты решишь полезть на рожон со своими медяками против их мешков с золотом.

— Валяй, — согласился Бонд.

— Я насчет мешков не преувеличиваю, — продолжил Лейтер. — Видишь ли Джеймс, весь штат Невада — это, по мнению просвещенной публики, — Рино и Лас-Вегас. Они-то и есть мешки с золотом. Мечты обывателей «получить на грош пятаков» могут осуществиться на Стрипе в Лас-Вегасе или на Мейн Стеме в Рино. Надо только туда попасть. И у них действительно есть шансы. Не так давно, когда этому благоприятствовали звезды, а игральные кости не были краплеными, молодой

солдатик выиграл в кости двадцать восемь раз подряд за столом в казино «Дезерт Инн». Двадцать восемь раз! Даже если он первый раз поставил всего один доллар и ему позволили бы выйти за установленный в казино лимит (а, зная лично его владельца, господина Уилбура Кларка, я сомневаюсь, чтобы было иначе), он был получил не много — не мало, а двести пятьдесят миллионов долларов! Столько, конечно, ему не дали, но только поставившие на него получили на круг сто пятьдесят тысяч, а сам солдат — семьсот пятьдесят тысяч и сделал ноги, как будто за ним гнались все черти преисподней! Никто даже не узнал, как его зовут. Сейчас пара красных костей, которыми он играл, лежит в «Дезерт Инн» под стеклом на атласной подушечке.

— Это, наверное, была отличная реклама!

— Да ты что! — воскликнул Лейтер. — Все рекламосочинители вместе взятые не смогли бы такого придумать! Это же воплощение той самой голубой мечты. А как они все ждут этого — увидишь в казино. Только в одном заведении за сутки используют до восьмидесяти пар костей, сто двадцать колод пластиковых карт, там меняют за день по пятьдесят игровых автоматов. А посмотрел бы ты на бабушек, которые их освобождают от наличности! Монеты по десять и двадцать пять центов они таскают корзинами! Они эту мелочь гребут по десять, двадцать часов в сутки без перерыва. Не веришь? А ты знаешь, почему они не снимают перчаток? Да чтобы руки не кровоточили.

Бонд недоверчиво хмыкнул.

— Ну, ладно, ладно, — согласился Лейтер. — Конечно, они валяются с ног. Истерики, инфаркты, апоплексические удары и все такое прочее. Эти вишенки, сливы и колокольчики сводят их с ума. Но во всех казино круглосуточно дежурят свои врачи, которые оттаскивают бабулек, орущих «Джекпот! Джекпот!» [Jackpot (англ.) — максимальный выигрыш в игровом автомате] Так, как будто они призывают призрак давно умершего возлюбленного. А посмотри в залы для игры в «бинго» [Bingo (англ.) — игра типа лото], на «колеса фортуны», на ряды автоматов в «Золотом самородке» или в «Подкове». Но не дай тебе бог поддаться соблазну: ты забудешь о работе, о жене и даже о больных почках. Я кое-что знаю про то, где и как можно немного выиграть. Ведь ты игрок по натуре и все равно будешь играть, так хоть играй там, где можно выиграть. Записывай.

Бонд с готовностью достал карандаш и оторвал полоску чистой бумаги от меню.

Лейтер посмотрел на потолок.

— 1—4 процента — «Дом игровых костей», 5 процентов — «блэк-джек».

Он взглянул на Бонда:

— Это кроме твоего шулерского стола, естественно. 5 с половиной — рулетка. Выигрыш в «бинго» можно получить в 17 процентах случаев, а в «Колесе фортуны» в автоматах — в 15—20 процентах. Не дурственно, правда? Каждый год все остальные проценты получает с одиннадцати миллионов клиентов наш дорогой мистер Спэнг. Если скажем, в среднем один чокнутый игрок располагает суммой в двести долларов, можно легко подсчитать, сколько денег оседает в Лас-Вегасе за год.

Бонд убрал карандаш и бумагу в карман.

— Спасибо за информацию, Феликс, но ты, кажется, забыл, что я еду в Вегас не просто убивать время.

— Хорошо, черт тебя побери, — покорно согласился Лейтер. — Но я все же скажу: не вздумай валять дурака в Лас-Вегасе. Там ворочают такими большими деньгами, что не потерпят самого пустячного вмешательства в их дела. — Он наклонился к Бонду. — Вот послушай, как было дело с одним из банкометов. По-моему, в «блэк-джеке». Он решил поработать на себя. Во время игры сунул украдкой несколько банкнот себе в карман. Его засекли. На следующий день кто-то случайно ехал в Вегас из Боулдер-сити и заметил, что неподалеку от дороги, в

пустыне, из земли торчит что-то розовое. Так как на кактус это было не похоже, он остановил машину и подошел посмотреть. — Лейтер постучал указательным пальцем в грудь Бонда. — Друг мой, это была рука с зажатой в ней разложенной веером колодой карт. Приехали полицейские с лопатами и выкопали все остальное. Это был, разумеется, тот самый банкомет. Ему выстрелили в затылок и похоронили. А шутка с картами — предостережение для других. Ну, и как тебе это нравится?

— Не дурно, — сказал Бонд.

Официант принес их заказ, и они принялись за еду. В паузе между поглощением жареного лобстера Лейтер сказал:

— И вот еще что, банкомет-то уж должен был знать что к чему и не пытаться прикарманить чужие денежки. У них в казино четкая система. Обрати внимание на светильники, когда будешь там. Шик-модерн. Отверстия в потолке, откуда свет падает сильным лучом на столы. Никаких раздражающих публику бликов, теней, полутеней. Но если приглядеться внимательно, то можно заметить, что из некоторых отверстий свет не падает. Создается впечатление, что их понаделали в потолке для декорации. — Лейтер покачал головой. — Как бы не так. На следующем этаже проложены рельсы, по которым от отверстия к отверстию ездит телекамера, снимающая все подряд. Выборочная проверка, так сказать. Если же надо проследить за кем-то из своих служащих или за каким-то конкретным игроком, зарегистрировано будет каждое их движение, каждая сданная и полученная карта. Неплохо придумано, а? Фиксируется все, разве что кроме запаха. Все служащие это знают, а тот парень-банкомет видимо понадеялся, что в этот момент камера следила не за ним. Фатальная ошибка. Очень глупая.

Бонд улыбнулся.

— Я буду осторожен, — пообещал он. — Но не забудь, что мне надо каким-то образом продвинуться дальше по цепочке. К ее последнему звену. Фактически мне нужно подобраться вплотную к твоему дружку, к Серафимо Спэнгу. Не могу же я просто послать ему визитную карточку и договориться о встрече. Хочу тебе еще вот что сказать, Феликс. — В голосе Бонда зазвенел металл. — Что-о мне вдруг резко разонравились эти братцы-Спэнги. После того, что натворили эти их двое ублюдков в капюшонах. Мне очень не понравилось, как они поступили с негром, как вместо того, чтобы, как это принято у бандитов, отлупить жокея, они попробовали сварить его живым. Гнусные людишки. И на Писсаро и Бадда у меня зуб есть. В общем, они теперь мои враги. Я просто хотел тебя предупредить.

— Спасибо. — Лейтер отодвинул пустую тарелку. — Попробую тебе помочь. И Эрни я накажу приглядывать за тобой. Но не думай, что если попадешь в переделку, стоит тебе свиснуть, и появятся адвокаты и британский консул. Там есть только одна юридическая фирма. Называется она «Смит-энд-Вессон» [Smith & Wesson (англ.) — марка револьвера]. — Он постучал крюком по столу. — А пока лучше выпьем еще по «бурбону» с родниковой водок. Вокруг Вегаса — пустыня. Сухо как в печке и так же жарко. Ни рек, ни ручейков, ни родников. Так что разбавлять виски будешь «содовой», которую затем придется вытирать рукавом со лба. Там в это время сорок градусов в тени, да только тени нигде нет.

Подали виски.

— Мне тебя будет так не хватать, Феликс, — сказал Бонд, радуясь тому, что можно хоть ненадолго отвлечься от тревожных мыслей. — Кто же меня будет учить американскому образу жизни? Да, кстати. Хотел давно тебе сказать, что дело с «Застенчивой улыбкой» ты провернул просто отлично. Было бы здорово, если бы ты приехал и помог бы мне взять Спэнга-старшего. Вместе с тобой, думаю, мы бы управились.

Лейтер с признательностью посмотрел на друга.

— У Пинкертонов такая лихая работа невозможна. Мне тоже нужен этот

господин, но я должен арестовать его, предъявив ордер на арест и располагая доказательствами. Если мне удастся найти останки лошади, он у меня попрыгает. Тебе-то хорошо. Ты прилетел, скажем, шлепнул его и улетел к себе в Англию. Бандиты знать не знают, кто ты есть. И, судя по всему, никогда и не узнают. Но мне-то ведь здесь жить... Если я начну палить в Спэнга или что-то в этом роде, его дружки бросятся на меня, на мою семью, на моих друзей. И не остановятся, пока не добьются, что мне будет хуже, чем им. Даже если мне и удастся его пристрелить. Не очень радостно узнать, что у твоей сестры сожгли дом. А она, при этом, была внутри... Боюсь, что такие вещи все еще случаются в Америке. Банды не исчезли вместе с Аль Капоне. Загляни, хотя бы, в «Доклад» Кефовеера. Теперь гангстеры заправляют не спиртом, а правительствами. Скажем, правительством штата Невада. Об этом пишут в газетах, сочиняют книги, говорят в публичных выступлениях и на проповедях. Но что толку? — Лейтер грустно засмеялся. — Может быть тебе удастся постоять за свободу, Родной очаг и красоту со своей ржавой пукалкой? Ты по-прежнему предпочитаешь «беретту»?

— Да, — ответил Бонд, — по-прежнему «беретту».

— И у тебя все также в номере два ноля, дающие право убивать?

— Да, — сухо сказал Бонд, — все тоже.

— Ну что ж, — сказал Лейтер, вставая из-за стола. — Пойдем-а тогда домой и выспимся как следует, чтобы дать отдохнуть глазам. Они тебе еще здорово пригодятся. Чтобы как следует прицелиться...

15. Улица де ля Пэй

Самолет совершил большой круг над сверкающими волнами Тихого океана, развернулся над Голливудом и, набрав высоту над Кейджон Пасс, пронесся над скалистыми вершинами Высокой Сьерры.

Взору Бонда предстали бесконечные авеню. Усаженные пальмами, со сверкающими фонтанами на изумрудных газонах, раскинувшихся перед фешенебельными особняками, гигантские авиастроительные заводы, площадки киностудий со всевозможными декорациями — здесь и целые улицы, и ранчо для съемок вестернов, и небольшой гоночный трек, и торчащая из песка четырехмачтовая шхуна в натуральную величину, но вот самолет уже пронесся над горами, а затем — над бесконечной красной пустыней, на фоне которой и раскинулся Лос-Анжелес.

Самолет пролетел над Барнстоу — городком, откуда начиналась однопутная дорога в Санта Фе. Она уходила в пустыню, пересекая на своем пути Колорадское плато, и оставляла по правую сторону горы Калико, где некогда находился мировой центр по добыче буры, а по левую — усеянные костями просторы долины Смерти. Затем опять следовали горы с красной каемкой, напоминавшей кровотокающие десна над гнилыми зубами, затем небольшой зеленый оазис посреди раскаленного марсианского пейзажа, и, наконец, медленное снижение высоты и «Пристегните, пожалуйста, ремни и потушите сигареты».

Горячий воздух, подобно кулаку, ударил в лицо Бонда, и, покрываясь каплями пота, он прошел пятьдесят ярдов, отделявшие прохладу самолета от успокаивающей свежести кондиционированного воздуха в здании аэровокзала. Стеклопакеты бесшумно открылись перед ним и медленно закрылись за его спиной, и тут же на его пути оказалось четыре ряда игровых автоматов. Пассажиры охотно опускали в них свою мелочь, дергали ручки и следили за вращением лимонов, апельсинов, вишен и колокольчиков, которые постепенно замедлялись и с щелканьем и механическим вздохом наконец останавливались. Пять центов, десять центов, двадцать пять центов. Бонд проиграл на всех автоматах и только однажды

ему выпали две вишни и один колокольчик, и вместо опущенной одной он получил три монеты.

Он отошел в сторону и вместе с полдюжиной других пассажиров дожидался багажа, когда взгляд его остановился на большом автомате, напоминавшем автомат для газированной воды. Наверху висела табличка с надписью «Кислородный бар». Он подошел ближе и прочитал остальное: «Вдыхайте чистый кислород», — гласила надпись, — «это полезно и безвредно. Мгновенно бодрит. Помогает при утомлении, вялости, усталости, нервозности и снимает многие другие симптомы». Бонд послушно опустил в автомат двадцатипятицентовую монету и, наклонившись, приложил нос и губы к широкой резиновой трубке автомата. Он нажал кнопку и, в соответствии с инструкцией, в течение целой минуты медленно вдыхал обещанный кислород. Воздух был очень холодный и не имел ни вкуса, ни запаха. Через минуту раздался щелчок и Бонд выпрямился. Он почувствовал лишь легкое головокружение, но спустя некоторое время вспомнил, что ему с безразличием и иронией улыбнулся человеку с кожаным набором для бритья, стоявшему рядом и наблюдавшему за ним. В ответ он тоже улыбнулся и отвернулся.

Как только прозвучало объявление о прибытии багажа, Бонд забрал чемодан и, толкнув дверь, попал в раскаленные объятья полуденной жары.

— Вам в «Тиару»? — раздался чей-то голос. Вопрос был задан коренастым мужчиной с большими карими глазами, пристально глядевшими из-под остроконечной водительской кепки. Из его широкого рта торчала деревянная зубочистка.

— Да.

— О'кей. Пошли.

Водитель не предложил ему понести чемодан. Бонд последовал за ним и подошел к симпатичному «Шевроле» с эмблемой в виде обнаженной женщины, к которой для удачи был привязан енотовый хвост. Он забросил чемодан на заднее сидение и сел в машину.

Водитель завел машину и выехал из аэропорта на шоссе. Машина перестроилась в крайний ряд и свернула налево. Остальные машины с шипением проносились мимо. Водитель Бонда держался на внутренней полосе и ехал медленно. Бонд почувствовал на себе пристальный взгляд в зеркале водителя. Он взглянул на табличку с именем и номером водителя: «Эрнест Курео. № 2584». Здесь же была фотография, с которой те же глаза смотрели на Бонда.

В такси пахло дымом от давно выкуренной сигары. Бонд нажал кнопку и боковое стекло машины автоматически опустилось. В салон ворвался горячий воздух и Бонд снова закрыл окно.

Водитель слегка повернулся на своем сидении.

— Не стоит этого делать, господин Бонд, — сказал он дружественным голосом, — машина с кондиционером. Может, сразу это не заметно, но здесь лучше, чем снаружи.

— Спасибо, — сказал Бонд и добавил, — Вы, наверное, друг Феликса Лейтера.

— Конечно, — сказал водитель, не оглядываясь, — Феликс отличный парень. Просил меня присмотреть за Вами. Буду рад помочь Вам, чем смогу. Вы надолго?

— Не знаю, — сказал Бонд, — несколько дней точно.

— Вот что, — сказал водитель, — не думайте, что я пытаюсь Вас надуть, но если нам предстоит работать вместе и у Вас есть деньги, Вам лучше нанять такси на целый день. Это обойдется Вам в пятьдесят долларов в день — мне тоже надо на что-то жить. Это покажется в порядке вещей швейцарам и прочее. Иначе я не знаю, как мне удастся держаться рядом с Вами. А так они не будут выяснять, почему я торчу здесь по полдня и дождаюсь Вас. Эти ребята со Стрипа подозрительные сукины дети.

— Прекрасно, договорились.

Бонду водитель сразу понравился — он внушал доверие.

— О'кей, — сказал водитель и продолжал, — видите ли, господин Бонд, народ здесь не любит ничего необыкновенного. Я же говорю Вам — они подозрительные. А Вы похожи на кого угодно, только не на туриста, приехавшего сюда потратить пачку денег и их чутье сразу начинает бить тревогу. Возьмем к примеру Вас. Вы можете даже рта не раскрывать, а уже видно, что англичанин. Одежда, да и все остальное. А что нужно здесь англичанину? И вообще, что это за англичанин? Вроде не похож на простачка. На всякий случай надо к нему присмотреться.

Он повернулся вполоборота и продолжал:

— Вы заметили в аэропорту мужчину с набором для бритья?

Бонд вспомнил человека, который смотрел на него около кислородного бара.

— Да, заметил, — сказал Бонд и подумал о том, каким беспечным его сделал кислород.

— Готов поспорить, что в эту самую минуту он просматривает пленку, на которой записан Ваш приезд, — сказал водитель, — в его наборе для бритья спрятана шестнадцатимиллиметровая кинокамера. Достаточно лишь дернуть вниз зиппер, сжать камеру под рукой и она включается. Она берет на расстоянии в пятьдесят футов. Анфас и в профиль. К обеду ваши фотографии вместе со списком всего вашего имущества уже будут доставлены в штаб-квартиру для установления вашей личности. Вроде, оружия у Вас нет. Может быть, оно спрятано в плоской кобуре. Но даже если вы и вооружены, то все равно рядом с вами будет находиться человек с оружием. Сегодня к вечеру все о Вас уже будет известно. Присматривайтесь к людям в плащах. Здесь если кто-то и носит плащ, то только для того, чтобы спрятать пушку.

— Ну что ж, спасибо, — сказал Бонд, недовольный собой, — вижу, что мне нужно быть немножко осторожнее. По-видимому, у них здесь система прекрасно отлажена.

Водитель утвердительно кивнул и замолчал.

Они как раз въезжали на знаменитый Стрип. Подступавшая к дороге с обеих сторон пустыня с редкими скоплениями афиш, рекламировавших отели, постепенно начала пестреть бензоколонками и мотелями. Они проехали мимо мотеля с плавательным бассейном, огражденным прозрачными стеклянными стенками. Бонд увидел девушку, стрелой вонзившуюся в прозрачную зеленую воду бассейна, подняв целое облако пузырьков. Они проехали мимо бензоколонки с элегантным рестораном под названием «Бензотерия», в котором можно было пообедать, не выходя из машины. «Освежитесь у нас. Хот доги. Гигантские гамбургеры... Атомные гамбургеры... Ледяные напитки... Заезжайте». В ресторане было две или три машины, рядом с которыми крутились две официантки в купальниках и в туфлях на высоких каблуках. Гигантская шестирядная автострада тянулась через целый лес многоцветных афиш и вывесок и терялась в центре города в танцующем море жары. День был жаркий и знойный, как раскаленный камень. Разбухшее солнце нещадно жгло раскаленный бетон, и тень можно было найти лишь под несколькими одинокими пальмами во двориках отелей. Блики на лобовых стеклах и хромированных бамперах встречных машин ослепляли Бонда, и он почувствовал, как взмокшая сорочка прилипла к его телу.

— Уже въезжаем на Стрип, — сказал водитель, — Его также называют Улица де ля Пэй. Пишется р. а. у. Это шутка. Вы поняли?

— Да, — сказал Бонд.

Проезжая мимо низкого современного отеля с огромной, но уже погасшей неоновой башней, Энри Курео сказал:

— С правой стороны это отель «Фламинго». Его построил Багги Зигель еще в

1946 году. В один прекрасный день он приехал в Вегас с побережья и пригляделся к этой местности. У него была куча денег и он не знал, куда их вложить. В Вегасе в это время был большой бум. Город был открыт для всех. Процветал игорный бизнес. Узаконенные бордели и так далее. Обстановка была просто прекрасная. Багги сориентировался быстро. Он понял, что здесь открываются перспективы.

Последние слова рассмешили Бонда.

— Да, сэр, — продолжал водитель, — Багги понял, какие перспективы открываются и сразу здесь обосновался. Продержался до 1947 года, но тут ему в голову всадили столько пуль, что полицейские даже пересчитать их не смогли. А вот это — отель «Сэндз». Сюда тоже вложена уйма денег. Правда, не знаю точно — чьих. Построен пару лет тому назад. Здесь работает швейцаром один хороший парень по имени Джек Интраттер. Раньше был полицейским в Нью-Йорке. Случайно не знаете его?

— Нет, — сказал Бонд.

— Ладно. А это вот «Дезерт Инн». Владелец Вилбер Кларк. Но построен на деньги ребят из Кливленда и Цинцинатти. А этот притон с изображением утюга — «Сахара». Самый новый из всех. Официально принадлежит группе мелких игроков из Орегона. Самое смешное — в день торжественного открытия они потеряли 50 000 долларов. Вы представляете? Все большие шишки, набив карманы деньгами, пришли на открытие, чтобы немножко проиграть из вежливости, чтобы вечер удался — сами понимаете. Здесь такая традиция — соперничающие группы всегда приходят на открытие. Но карта не шла — хоть убей, и гости ушли, унося с собой пятьдесят кусков. До сих пор весь город смеется.

Он показал рукой в левую сторону, где виднелось неоновое изображение мчащегося на полном ходу поезда высотой в двадцать футов, и сказал:

— А это отель «Ласт фронтьер». Левее игрушечный городок в стиле «вестерн», интересное место — стоит посмотреть. Там дальше отель «Буревестник», а через дорогу «Тиара». Самое злчное место в Вегасе. Я думаю, вы в курсе насчет Спэнга и его дел.

Он остановил машину у входа в отель «Тиара». На крыше гостиницы было изображение герцогской короны из мигающих лампочек, которых почти не было заметно на фоне ярких лучей солнца и бликов от мчащихся по дороге машин.

— Да, в общих чертах, — сказал Бонд, — но я был бы рад, если бы вы как-нибудь рассказали мне о нем. Что теперь?

— Что скажете.

Весь этот зловещий блеск Стрипа уже надоел Бонду. Он хотел только одного — поскорее уйти от этой жары, добраться до номера, пообедать, сходить, может, в бассейн и расслабиться до вечера, о чем он и сказал своему водителю.

— Прекрасно, — сказал Курео, — думаю, что в первый же вечер у вас не должно быть особых неприятностей, но все равно старайтесь не привлекать к себе внимание. Если вам что-то понадобится в Вегасе, сначала все выясните. И будьте осторожны в игорных залах.

Он рассмеялся и добавил:

— Вы слышали про индийские Башни молчания? Говорят, там водятся стервятники, которые за двадцать минут не оставляют на человеке ничего, кроме костей. В «Тиаре» на это уйдет, пожалуй, чуть больше времени. Может быть, профсоюзы им мешают.

Водитель включил первую скорость и, наблюдая в зеркало за движением на улице, добавил:

— Был один такой — уехал из Вегаса, имея в кармане 100 тысяч, — затем помолчал, пересек шоссе и добавил, — правда, когда он начал играть, у него было 500 тысяч.

Машина пересекла шоссе и остановилась у большого розового здания со стеклянными дверями и подъездом с колоннадой. Швейцар, одетый в форму небесно-голубого цвета, открыл двери такси и забрал вещи Бонда. Бонд вышел из машины.

Открывая плечом стеклянные двери гостиницы, Бонд услышал, как Эрни Курео говорил швейцару:

— Какой-то сумасшедший англичанин. Нанял меня за 50 долларов в день. Неплохо, правда?

Дверь захлопнулась за его спиной, и прохладный воздух нежным поцелуем приветствовал его в сверкающем дворце человека по имени Серафимо Спэнг.

16. Тиара

Бонд пообедал в «Солнечном зале» рядом с большим бассейном в виде огромной почки (табличка у бассейна сообщала, что спасателем здесь работает Бобби Билбо, и что вода в бассейне меняется ежедневно) и, увидев, что лишь около 1% посетителей годились для ношения купальников, медленно вышел на улицу, прошел двадцать ярдов по выжженному солнцем газону, отделявшему его корпус от главного, разделся догола и свалился в кровать.

Отель «Тиара» состоял из шести зданий с названиями драгоценных камней. Номер, где проживал Бонд находился на первом этаже Бирюзового корпуса. Интерьер был весь исполнен в светло-голубых тонах с отделкой из темно-синего и белого цветов. Это был очень удобный номер, обставленный дорогой, современной и изысканной мебелью из серебристого дерева, напоминавшего березу. Рядом с кроватью находилось радио, а сбоку от широкого окна стоял небольшой телевизор. За окном был расположен небольшой закрытый дворик для завтрака. Было очень тихо, даже кондиционер с терморегулятором работал бесшумно и Бонд сразу заснул.

Он проспал четыре часа. За это время спрятанный в тумбочке у кровати магнитофон записал четыре часа гробовой тишины, погубив на это сотни метров пленки.

В семь часов он проснулся. Магнитофон зафиксировал, что он поднял трубку телефона, попросил госпожу Тиффани Кейс и после паузы попросил передать, что звонил господин Джеймс Бонд, и положил трубку. Дальше были записаны шаги Бонда по комнате, шипение воды в душе, в и семь тридцать — шум захлопнувшейся двери и щелчок — Бонд вышел и закрыл дверь.

Через полчаса микрофон услышал стук в дверь, а спустя некоторое время — шум открывающейся двери. В номер вошел мужчина, одетый в форму дежурного. В руках у него была корзина с фруктами и запиской: «Добро пожаловать в наш отель. Администрация». Он быстро подошел к тумбочке рядом с кроватью, открыл два винтика, снял с кассеты тончайшую пленку, заменил ее новой, поставил корзину с фруктами на столик, вышел и закрыл дверь.

В течение нескольких часов после ухода дежурного магнитофон старательно записывал тишину.

Бонд сел у длинного бара «Тиары» и, потягивая водку с мартини, профессиональным взглядом окидывал большой игорный зал.

Он сразу обратил внимание на своеобразие архитектурного стиля, который, по всей видимости, был изобретен в Лас-Вегасе и который можно было бы назвать школой «Позолоченной мышеловки». Главная цель ее заключалась в том, чтобы всех клиентов-мышей направлять в центральную игорную ловушку, независимо от того, хотят они сыру или нет.

Войти сюда можно было или с улицы или же из холла гостиницы, через бассейн. Через какой-бы вход вы не вошли и чтобы вы ни собирались делать — купить ли в

киоске газеты или сигареты, сходить ли в бар или пообедать в одном из двух ресторанов, постричься или позаниматься в гимнастическом зале, или даже просто зайти в туалет — вы все равно обязательно пройдете мимо игровых автоматов и игорных столиков. И как только вы оказались в этой ловушке из щелкающих автоматов, среди которых время от времени раздается пьянящий серебристый звон падающих монет или же громкий возглас девушки-крупье, объявляющей «Очко» — то вы пропали. В толпе возбужденных игроков, сидящих за тремя огромными карточными столиками, среди манящего жужжания двух рулеток, и звона серебряных долларов, скользящих по зеленому сукну столиков для игры в «Блэк-джек», только стальная мышь могла бы удержаться и не попытаться отгрызть лакомый кусочек от этого сыра.

Но, — подумал Бонд, — чтобы клюнуть на такой прогорклый сыр нужно быть уж очень глупой мышью. Мышеловка была задумана грубо, вульгарно и так и бросалась в глаза, а шум игровых автоматов своей механической уродливостью бил по мозгам. Он напоминал грохот двигателей старого несмазанного и нечищенного сухогруза, который после списания медленно шел к берегу, чтобы превратиться в металлолом.

У автоматов стояли люди и дергали ручки автоматов с таким видом, словно само это занятие им было противно. И, едва увидев в стеклянном окошечке свою судьбу, они не дожидаясь, пока колеса остановятся, запускали в автомат очередную монету и поднимали правую руку, которая уже точно знала что делать, Бум-трам-зинь. Бум-трам-дзинь.

И если время от времени из автоматов сыпался серебряный дождь, стоявшая внизу металлическая чашка переполнялась, монеты сыпались через край и дамам приходилось опускаться на колени, чтобы подобрать закатившуюся под автомат монету. Да, Лейтер был прав — в основном это были женщины, пожилые, состоятельные домохозяйки, которые целыми стайками, подобно курочкам-несушкам, толпились у игровых автоматов, наслаждаясь прохладой и ласкающим слух жужжанием колес, и продолжали играть до тех пор, пока не кончится последний доллар.

И вдруг Бонд услышал возглас «Банк!», И тут же несколько женщин подняли головы и перед ним предстала совершенно другая картина. Все эти женщины напоминали ему подопытных собак доктора Павлова, у которых при звонке начинала течь слюна, даже если кушать ничего и не давали, и при виде бессмысленных глаз этих женщин, их кожи, влажных полураскрытых ртов и израненных рук Бонда передернуло.

Бонд отвернулся от зала и отпил глоток мартини. Одним ухом он продолжал слушать музыку, доносившуюся из другого конца зала, где, расположившись рядом с полдюжиной магазинов, играл какой-то знаменитый ансамбль. Над входом в один из магазинов висела надпись: «Дом бриллиантов». Бонд подозвал бармена и спросил:

— Господин Спэнг сегодня здесь не появлялся?

— Пока не видел его, — ответил бармен. — Обычно он приходит после первого шоу. Около 11 часов. Вы его знаете?

— Понаслышке.

Бонд расплатился и направился к столикам для игры в «очко». У среднего стола он остановился. Здесь он будет играть. Ровно в 10 часов 05 минут. Он взглянул на часы: восемь тридцать.

Небольшой столик, за которым ему предстояло играть, имел форму огромной почки и был покрыт зеленым сукном. Восемь игроков расселись на высоких стульях напротив сдающего, который прислонившись животом к краю стола, сдавал по две карты и расставлял их на восьми пронумерованных квадратах, рядом со ставками игроков. Ставки состояли в основном из пяти или десяти серебряных долларов или

же жетонов стоимостью в 20 долларов. Сдавал карты улыбающийся мужчина лет сорока. На нем была специальная форма для служащих казино — застегнутая на запястьях белая сорочка, тонкий черный галстук в стиле вестерн, зеленая кепка и черные брюки. Спереди, чтобы брюки не протерлись, был надет небольшой зеленый суконный передник, на котором в уголке было вышито имя Джейк.

Он сдал карты и с невозмутимой легкостью распорядился ставками. Тишину нарушали лишь редкие просьбы принести рюмочку спиртного или сигареты, и официантки, ходившие между столиками тут же все это приносили. Здесь же, на центральной площадке, находились двое верзил с рысьими глазами и с револьверами на боку, и внимательно наблюдали за игрой.

Игра шла быстро, четко и однообразно. По однообразию она, пожалуй, не уступала даже игральным автоматам. Немного понаблюдав за игрой, Бонд направился в дальний конец казино, где были две двери с надписями «Курительная» и «Уборная». Бонд на своем пути прошел мимо четырех «шерифов» в красивых серых костюмах в стиле вестерн. Брюки были заправлены в голенища полусапожек. Присутствие их было незаметным — они никому не мешали, но видели все. С каждой стороны у них было по два револьвера в открытой кобуре, а на поясе сверкала бронзовая «батарея» из пятидесяти патронов.

«Да, охрана здесь приличная», — подумал Бонд, открывая двери курительной комнаты. Внутри, на кафельной стене была надпись: «Станьте ближе. Он у вас не такой длинный, как вы думаете». Ковбойский юмор! Бонд задумался, а не включить ли эту надпись в свой очередной письменный отчет шефу. Решил, что не стоит. Он вышел из курительной комнаты, прошел между столиков и подошел к двери с надписью «Опаловый зал».

Круглый ресторан в розовых, белых и серых тонах был полупуст. К нему подпорхнула официантка и провела к угловому столику. Она наклонилась, чтобы поправить стоявшие на столе цветы и заодно показать, что ее очаровательные груди, по крайней мере, наполовину настоящие, грациозно улыбнулась и ушла. Спустя 10 минут подошла другая официантка с подносом, положила на тарелку перед ним булочку, кусочек масла, блюдечко с оливками и сельдерей с оранжевыми дольками сыра. Затем подбежала официантка постарше, подала ему меню и, уходя, сказала: «Одну секундочку!».

Через 20 минут после того, как он сел за стол, Бонд сумел наконец заказать дюжину устриц и бифштекс и, опасаясь очередной долгой паузы, на всякий случай заказал еще одну водку с сухим мартини.

— Вино вам сейчас принесут, — сказала девушка и удалилась в направлении кухни.

«Да, вежливость у них поставлена лучше, чем сервис», — подумал Бонд и решил заняться едой.

Во время прекрасного ужина, который пришлось ждать так долго, Бонд думал о предстоящем вечере и о том, как побыстрее закончить порученное ему дело. Ему уже порядком надоела роль подопытного жулика, которому вот-вот должны были заплатить за первое выполненное задание, и которому в случае, если он понравится господину Спэнгу, могут дать настоящую работу с другими взрослыми ребятами, работающими на эту банду. Его раздражало то, что он не владел инициативой, и что по приказу каких-то бандитов его сначала послали в Саратогу, затем — в эту гнусную ловушку для фраеров. А он вынужден сидеть здесь под пристальным взглядом этих бандитов, ужинать за их счет, спать в их гостинице, пока они присматриваются к нему, обсуждают, достаточно ли тверда его рука, внушает ли он доверие, достаточно ли он крепок, чтобы выполнить какую-нибудь грязную работу.

Бонд злобно жевал бифштекс, словно это были пальцы Серафимо Спэнга и проклинал тот день, когда он согласился играть эту идиотскую роль. Но затем Бонд

успокоился и доел свой бифштекс. Что же его беспокоило? Это было важное задание и до сих пор все шло нормально. Он уже добрался до самого конца цепочки — до приемной господина Серафимо Спэнга, который со своим лондонским братом и с таинственным АВС руководил крупнейшим в мире контрабандным бизнесом. В таких случаях нельзя придавать значение эмоциям. Просто у него было неприятное ощущение, похожее на тошноту, тошноту от долгого и тесного общения с могущественными и отвратительными американскими бандами, от соприкосновения с полной опасностей «сладкой жизнью» гангстеров-аристократов.

Но за чашкой кофе Бонд понял, что это просто тоска по своей настоящей жизни. Он пожал плечами и подумал: «Пошли они все к черту — и Спэнг, и весь этот бандитский город Лас-Вегас». Он взглянул на часы — время было ровно десять часов. Он закурил, встал, медленно прошел через зал и направился в сторону казино.

Игру, в которую ввязался Бонд, можно было продолжить двумя путями — или тихо ждать развития событий или же форсировать события так, чтобы что-то обязательно произошло.

17. Спасибо за все

В большом зале была уже совершенно другая обстановка. Стало намного тише. Оркестр уже не играл, ушли толпы женщин, и лишь несколько игроков продолжало сидеть за карточными столиками. Две или три «шиллы» — симпатичные девушки в элегантных вечерних платьях, получившие по пятьдесят долларов для того, чтобы оживлять игру, все еще играли в рулетку. Был еще пьяный вдрызг мужчина, который цеплялся за высокий край стола и громкими заклинаниями пытался склонить на свою сторону непослушные игральные кости.

Изменилось еще что-то. За ближайшим к бару столиком для игры в «очко» с колодой карт в руке сидела Тиффани Кейс.

Вот, оказывается, кем она работает в «Тиаре».

Бонд заметил, что за всеми столиками уже работали симпатичные девушки, одетые в одинаковые элегантные черно-серые костюмы — короткую серую юбку с широким черным ремешком, усеянным металлическими кружочками, серую блузку с черным платком на шее, серое сомбреро, висевшее на спине на тонкой веревочке и черные полуботинки, одетые поверх бесцветных нейлоновых чулок.

Бонд еще раз взглянул на свои часы и не торопясь вошел в зал. Итак, Тиффани должна была проиграть ему пять тысяч долларов. Время, конечно, было подобрано так, что девушка только заступила на работу, а в Платиновом зале еще не закончилось представление с участием какой-то знаменитости. Так что, за столом кроме них никого не будет. Никаких свидетелей, на случай если она что-то сделает не так.

Ровно в 10.05 Бонд спокойной походкой подошел к столику и сел напротив нее.

— Добрый вечер!

В ответ она сдержанно улыбнулась и сказала:

— Привет!

— Какие у вас максимальные ставки?

— Тысяча долларов.

Бонд достал десять стодолларовых бумажек и поставил их за чертой для ставок, тут же к столику подошел старший по залу и стал рядом с Тиффани Кейс. Он лишь мельком взглянул на Бонда и спросил:

— Мисс Тиффани, может быть, молодой человек хотел бы играть новой колодой.

Он подал ей новую, нераспечатанную колоду. Девушка распечатала новые карты и вернула ему старые.

Старший отошел на несколько шагов и словно перестал замечать, что происходит за столом.

Ловким движением рук девушка зашуршала картами, разбила колоду на две части, положила их на стол и безупречно выполнила трюк Скарне. Однако Бонд заметил, что две половинки не смешались, и когда девушка подняла карты со стола, чтобы перемешать их, обе половинки вновь оказались в первоначальном положении. Она еще раз повторила этот маневр и придвинула карты к Бонду, предлагая «снять» часть карт. Бонд «снял» и с одобрением смотрел, как девушка одной рукой выполнила самый сложный карточный трюк под названием «Эналмент».

Итак, новая колода была уже готова и весь смысл этих манипуляций заключался в том, чтобы расположить карты в том порядке, в котором они находились в самом начале. Но все это было сделано блестяще, и Бонд не переставал восхищаться той ловкостью, с которой девушка работает.

Он посмотрел ей в глаза, пытаясь увидеть в них понимающую улыбку — уж слишком странная это была игра.

Она сдала ему две карты и две карты взяла себе. Вдруг Бонд понял, что ему нужно быть очень осторожным. Он должен играть именно так, как от него ожидают — иначе он нарушит расположение карт.

На игральном столике было написано, что «Сдающий берет карту на шестнадцать и останавливается на семнадцати». Очевидно, они ему дадут такие карты, что не выиграть просто невозможно, но, на всякий случай, если за столом будут сидеть другие игроки или кто-то подойдет, чтобы просто посмотреть, выигрыш его должен выглядеть как везение — ведь нельзя же все время сдавать ему двадцать один, а девушке семнадцать.

Он взглянул на свои карты. Валет и десятка. Он поднял глаза на девушку и покачал головой. У нее было шестнадцать, она взяла еще одну карту — король. Перебор. Рядом с ней стоял ящик с серебряными долларами и жетонами по двадцать долларов, но тут подбежал старший по залу и подал девушке жетон на 1000 долларов. Она взяла жетон и бросила его Бонду. Он положил его за линию для ставок и забрал свои деньги. Она сдала ему и себе еще по две карты. У Бонда было семнадцать и он снова покачал головой. У девушки было двенадцать, потом пришли тройка и девятка, двадцать четыре — опять перебор. Подошел старший и подал еще один жетон. Бонд его тоже положил к себе в карман и оставил первоначальную ставку. На этот раз у него оказалось девятнадцать, а у девушки десятка и семерка. По правилам она больше не могла брать карты и еще один жетон оказался в кармане у Бонда.

Широкие двери в конце зала открылись и в помещение хлынула толпа людей с только что закончившегося представления. Скоро они окружат все столики. Ему осталось сыграть еще один раз. А потом он должен встать и уйти. Девушка с нетерпением смотрела на него. Бонд поднял свои две карты. Двадцать. У нее тоже оказалось двадцать. Бонд улыбнулся такой тщательно продуманной хитрости. К их столику подошли два новых игрока и девушка быстро сдала ему еще две карты. У него оказалось девятнадцать, а у девушки шестнадцать.

Вот и все. Старший по залу не стал даже передавать девушке жетон — он сразу бросил его прямо Бонду, и при этом изобразил на лице плохо скрываемую ухмылку.

Бонд положил жетон в карман и поднялся.

— Мамм-м-ма ми-и-и-а! — сказал один из вновь подошедших игроков.

Бонд посмотрел на девушку и сказал:

— Спасибо, вы прекрасно сдаете.

— Приходите еще, — сказала девушка, глядя Бонду прямо в глаза.

Какую-то долю секунды она еще смотрела на Бонда, затем снова занялась картами, тщательно их перемешала и поднесла карты одному из новых игроков,

чтобы тот их «срезал».

Бонд отвернулся и, продолжая думать о девушке, прошелся по залу. Время от времени он оглядывался на стройную девушку в очаровательном вестерновском костюме. По видимому, она показалась симпатичной не только Бонду, и вскоре за ее столиком сидело уже восемь мужчин и еще несколько стояли рядом и следили за игрой.

Бонд почувствовал прилив ревности. Он подошел к бару и заказал себе рюмку бурбона и родниковую воду — надо же отпраздновать лежащие в кармане 5000 долларов.

Бармен достал свежую бутылку воды и поставил ее рядом с рюмкой «Олд Грэндэда».

Бонд вспомнил, что ему говорил Феликс Лейтер и спросил:

— Откуда эта вода?

Бармен сделал серьезное выражение лица и ответил:

— Из района Болдера. Нам ее каждый день привозят свежую. Не волнуйтесь — она настоящая.

Бонд швырнул на стойку серебряный доллар, и со столь же серьезным выражением лица сказал:

— Не сомневаюсь. Сдачи не надо.

Бонд стоял, повернувшись спиной к стойке бара и обдумывал свой следующий шаг. Итак, деньги свои он уже получил, и Шейди Три ему говорил ни в коем случае больше не играть.

Бонд допил свой бурбон и направился к ближайшему столику для игры в рулетку. За столиком сидело всего несколько человек и ставки были маленькие.

— Какие у вас максимальные ставки? — спросил он, обращаясь к пожилому лысому мужчине с потухшими глазами и палочкой в руках, который в эту самую минуту доставал из рулетки шарик из слоновой кости.

— Пять тысяч, — спокойным голосом ответил человек с палочкой.

Бонд достал из кармана четыре жетона по тысяче долларов и десять 100-долларовых бумажек и поставил все это рядом с крупье. На «красное».

Крупье выпрямился в своем кресле и покосился на Бонда. Он подбросил четыре жетона на красное поле и подправил их своей палочкой. Затем он пересчитал деньги, вставил их в щель своего столика, достал оттуда еще один жетон и положил его рядом с остальными. Бонд увидел, как он коленом нажал на звоночек, расположенный под столиком. Старший по залу услышал звонок и подошел к столику как раз в тот момент, когда крупье закрутил колесо.

18. Ночь в обители страстей

— Ну, как провели время?

Был уже вечер следующего дня и такси Эрни Курео медленно катилось вдоль Стрипа к центру Лас-Вегаса. Бонду надоело ждать, когда наконец что-то произойдет, он позвонил пинкертону и предложил встретиться и поговорить.

— Неплохо, — сказал Бонд. — Играл в рулетку, выиграл немного денег, но не думаю, что это расстроит нашего друга. Говорят, у него их куры не клюют.

— Еще бы, — хмыкнул Эрни Курео. — У него столько денег, что он может без очков садиться за руль машины. Лобовые стекла его «Кадиллаков» выточены по рецепту окулиста.

Бонд рассмеялся:

— А на что он еще тратит деньги?

— Он тронутый, — сказал водитель. — Тронулся на Диком Западе. На 95-й дороге купил себе целый город-призрак. Все полностью обставил — дощатые

тротуары, аккуратненький салун, построенная из досок гостиница для его «мальчиков», есть даже старенькая железнодорожная станция. Где-то около 1905 года в этой дыре, которую из-за расположенных поблизости гор Спектер прозвали Спектервилль, находился редкий городок добытчиков серебра. В течение трех лет в этих горах было добыто серебра на миллионы и все это доставлялось по узкоколейке в Риолайт миль за пятьдесят. Там еще один известный город-призрак. Сейчас это уже туристский центр. Там есть домик, полностью построенный из бутылок. Раньше там была конечная станция, откуда товар перегружался в сторону побережья. Спэнг купил себе старый локомотив «Хайленд лайтс» — если слышали про такой, и один из самых первых вагонов «Пулман». Держит все это на станции в Спектервилле и по выходным дням катает своих друзей в Риолайт и обратно. Сам водит поезд. Шампанское, икра, музыка, девочки — все дела. Должно быть, забавно. Но я никогда не видел поезда. Туда даже близко не подберешься. Да, сэр, — водитель опустил стекло и решительно плюнул на дорогу, — вот так господин Спэнг тратит свои деньги. Одно слово — тронутый.

"Вот оно в чем дело, — подумал Бонд. — Вот почему он целый день ничего не слышал ни о Спэнге, ни о его друзьях. Сегодня пятница, и значит они все сидят в гостях у своего босса и пока он от нетерпения то купается, то поспит, то просто поболтает в «Тиаре», они там, видите ли, играют в паровозики. Правда, ему время от времени удавалось перехватить чей-то быстро отворачивающийся взгляд, и рядом постоянно находился или кто-нибудь из прислуги или одетый в форму шериф, старательно изображающий занятость, но, в целом, Бонд ничем не отличался от остальных гостей отеля.

Как-то он перехватил взгляд одного здоровяка и обстоятельства, при которых это произошло, доставили Бонду садистское удовольствие.

Бонд искупался, позавтракал и около 10 часов утра зашел в парикмахерскую постричься. Посетителей было совсем немного и кроме него в парикмахерской сидел только один крупный мужчина в красном махровом халате. Он сидел, откинувшись в кресле, и лицо его было спрятано под горячими полотенцами. Рядом сидела симпатичная маникюрша и занималась его правой рукой. Ее розово-белое лицо напоминало куклу, волосы цвета сливочного масла были коротко подстрижены. Она сидела на низком стульчике и держала на коленях тарелочку с инструментом.

Прямо перед креслом Бонда висело зеркало и он с интересом наблюдал, как старший мастер аккуратно приподнял сначала один, затем другой край полотенца и маленькими, тонкими ножницами с величайшей осторожностью подстриг волосы в ушах клиента. Перед тем, как поправить край полотенца у правого уха, он наклонился и спросил:

— А в ноздрях подстричь, сэр?

Из-под горячего полотенца раздалось утвердительное мычание и мастер начал раздвигать полотенце, чтобы открыть в районе носа небольшое окошечко. Снова осторожно заработали тонкие ножницы.

Когда эта церемония завершилась, в небольшом кабинете с белыми кафельными стенами наступила полная тишина, которая прерывалась лишь мягким пощелкиванием ножниц над головой Бонда и редким позвякиванием инструментов, которые маникюрщица клала обратно в эмалированную тарелочку. Старший мастер вращением ручки выпрямил кресло. Раздался мягкий скрип.

— Ну как, сэр? — спросил Бонда мастер, взяв небольшое зеркало, чтобы Бонд смог увидеть свою прическу сзади.

Все произошло в тот самый момент, когда Бонд рассматривал в зеркале свой затылок. Может быть, из-за изменения положения кресла или по какой-либо другой причине, но рука девушки дрогнула и сидевший в кресле мужчина в красном халате с глухим рычанием подскочил в воздух, сорвал с лица полотенце и засунул палец себе

в рот. Затем вытащил палец изо рта, резко наклонился и наотмашь ударил девушку по лицу. Девушка свалилась со стула, а эмалированная тарелочка с инструментами покатилась по полу. Затем посетитель выпрямился, повернул свое разъяренное лицо к старшему мастеру и заревел:

— Уволить эту сучку!

Тут он снова засунул порезанный палец себе в рот и, переступая домашними туфлями по инструментам, направился к двери и вышел.

— Слушаюсь, господин Спэнг, — пробормотал парикмахер сдавленным голосом, и начала кричать на рыдавшую девушку.

Бонд повернулся в их сторону и сказал:

— Прекратите!

Потом поднялся и снял полотенце со своей шеи.

Мастер с удивлением посмотрел на него и со словами «Слушаюсь, сэр» наклонился, чтобы помочь девушке подобрать инструменты.

Расплачиваясь за стрижку, Бонд услышал, как девушка все еще стоя на коленях, жалобно рассказывала:

— Я не виновата, господин Лусиан. Он сегодня был какой-то нервный. У него дрожали руки. Правда, дрожали. Я никогда его раньше таким не видела. Какой-то он был натянутый.

Эта «натянутость» доставила Бонду огромное удовольствие.

Его мысли внезапно прервал Эрни Курео:

— Сэр, за нами «хвост», — сказал он тихо, — Целых два. Спереди и сзади. Не оглядывайтесь. Видите, впереди едет черный «Шевроле» седан? Те двое, что там сидят, уже давно наблюдают за нами в «зеркало» и стараются держаться поближе к нам. А сзади за нами едет маленькая красная кокеточка. Это старый спортивный «Ягуар» с откидным сидением. Там тоже сидят двое. А на заднем сидении клюшки для игры в гольф. Но по чистой случайности я знаю этих ребят. Они из детройтской банды «Перпл моб». Оба голубые. Гомики, так сказать. От гольфа они очень далеки. Единственное металлическое изделие, которым они умеют обращаться — это пистолеты в своих карманах. Оглядывайтесь себе по сторонам, как будто любуетесь пейзажем. Но следите за их руками, сейчас мы их проверим. Вы готовы?

Бонд сделал все, как ему сказали. Водитель нажал на акселератор и одновременно выключил зажигание. Раздался хлопок, напоминающий выстрел из пушки 88 калибра, и тут же две руки потянулись к карманам светлых спортивных пиджаков. Бонд непринужденно оглянулся.

— Да, ты прав, — сказал он. И после паузы добавил, — ты лучше выпусти меня, Эрни. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня.

— Ерунда, — сказал водитель с отвращением. — Они ничего со мной не сделают. Если вы готовы заплатить за ремонт машины, я могу пощекотать им нервы. О'кей?

Бонд достал из кошелька 1000-долларовую банкноту, наклонился и засунул ее в карман сорочки водителя.

— Вот 1000 долларов, можно начинать, — сказал он. — Эрни, спасибо тебе. Ну, а теперь посмотрим, что ты умеешь.

Бонд вытащил из кобуры свою «беретту» и, сжимая рукоятку пистолета, подумал, что именно этого момента он и ждал.

— Ну что ж, парень, — весело сказал водитель. — Я давно ждал этой возможности рассчитаться. Не люблю я, когда меня обижают, а они уж слишком долго обижали меня и моих друзей. Держись крепче. Поехали!

Они выехали на на прямой участок дороги. Машин было мало. В лучах заходящего солнца желтели отдаленные вершины гор, наступали те пятнадцать минут предвечерних сумерек, когда долго приходится решать, пора уже включать

фары или нет?

Они ехали довольно быстро, больше шестидесяти километров в час. Сзади шел приземистый «ягуар», впереди — черный «седан». Внезапно, так, что Бонд резко дернулся вперед, Эрни Курео нажал на тормоза, и, взвизгнув шинами, автомобиль замер. Раздался скрежет металла и звон бьющегося стекла, когда «ягуар» врезался в них сзади. Такси еще подало назад, а потом водитель врубил скорость, и со страшным ускорением машина рванулась вперед, высвобождаясь из объятий исковерканного радиатора «ягуара».

— Получили?! Мать вашу!.. — удовлетворенно выругался Эрни. — Как у них там дела?

— Радиатор всмятку, — сказал Бонд, глядя в заднее стекло. — Оба крыла. Бампер оторван. Лобовое стекло — в трещинах.

«Ягуар» остался сзади, и Бонд повернулся.

— Они там пытаются отогнуть крылья от колес. Времени у них на это уйдет немного, но начало хорошее. Отрыв есть. У тебя еще какие-нибудь задумки?

— Теперь это будет уже не так просто, — пробормотал водитель. — Война объявлена. Осторожнее. Лучше пригнись, а то вон «шевроле» остановился у обочины. Могут и стрелять начать. Ну, с богом!

Бонд почувствовал, как машина рванула вперед. Эрни Курео полулежал на переднем сидении, управляя одной рукой и следя за дорогой, чуть высунувшись из-за приборной доски.

Жалобно затрещала обшивка, послышались два глухих удара в борт, но они уже промчались мимо «шевроле». Вокруг Бонда сыпались разбитые пулями стекла. Эрни выругался, машина вильнула в сторону, но тут же выправилась.

Бонд встал на колени на заднем сиденье и рукояткой пистолета выбил боковое стекло. Вернее то, что от него осталось.

«Шевроле» гнался за ним, пылая фарами.

— погоди, — сказал Курео странным, сдавленным голосом. — Я сейчас резко поверну и остановлюсь за углом. У тебя будет время как следует прицелиться, когда они повернут вслед за нами.

Бонд еле-еле сохранил равновесие, когда, скрипя тормозами, такси повернуло чуть ли не на двух колесах. Но вот она встала на все четыре и остановилась. В ту же секунду Бонд выскользнул из нее и присел на корточки, держа пистолет наготове. Фары «шевроле» вырвали из темноты часть поворота дороги. Он тормозил так, что слышен был запах горелой резины.

«Сейчас, — подумал Бонд. — Сейчас, пока он не выровнял машину».

Четыре раза сухо пролаяла «беретта». Четыре пули нашли цель без промаха. На расстоянии в пятнадцать метров иначе и быть не могло.

«Шевроле» так и не выравнялся. Он вылетел на тротуар, врезался боком в дерево, потом — в фонарный столб, завертелся вокруг своей оси и, наконец, перевернулся на бок.

Бонд не двигался, ожидая, пока не пройдет звон в ушах. Тем временем из-под хромированной решетки радиатора появились первые язычки пламени. Кто-то царапал лобовое стекло, пытаясь выбраться. Но огонь уже подбирался к вакуумному насосу. Еще чуть-чуть, и он доберется до бензобака, пробежав под днищем, и человек за стеклом опоздает...

Бонд начал было переходить улицу, когда услышал раздавшийся у него за спиной стон, обернулся и увидел, что Эрни Курео лежит на полу перед передним сиденьем. Бонд забыл про горящую машину, бросился назад, распахнул дверцу и склонился над водителем. Левая рука Эрни была вся в крови. Кое-как Бонду удалось переместить его в сидячее положение. Эрни открыл глаза.

— Приятель, — сказал он, почти не разжимая губ. — Увези меня отсюда. Гони

как только можешь. Здесь скоро будет «ягуар». Удирай, а потом раздобудь мне где-нибудь врача.

— Конечно, Эрни, — сказал Бонд, усаживаясь за руль. — Я все сделаю.

От включил передачу и помчался подальше от пылающей груды металла, вокруг которой уже начинали собираться испуганные люди.

— Езжай прямо, — прошептал Эрни Курео. — Выйдешь сразу на дорогу в Боулдер-дэм. Есть кто-нибудь на хвосте?

— Какая-то машина с прожектором. Нагоняет нас. Может, это и «ягуар». Они отстают пока на два квартала.

Он нажал на газ, и такси понеслось по пустынным улицам.

— Гони дальше, — сказал Эрни. — нам надо где-то спрятаться и сбить их со следа. Вот что мы можем сделать. На пересечении этой улицы с 95-й есть «Обитель страстей», кинотеатр, куда въезжают прямо на машинах. Мы уже совсем рядом. Медленнее. Резко вправо. Видишь огни? Быстрее туда. Так. Проезжай дальше и паркуйся между теми двумя машинами. Фары выключи. Все. Приехали.

Их машина стояла в последнем из полудюжины рядов автомобилей, обращенных к огромному, цементному, уходящему в самое небо экрану, на котором гигантских размеров мужчина что-то говорил таких же размеров женщине.

Бонд обернулся и посмотрел назад, вдоль похожих на паркометры металлических стоек, на которых были розетки для наушников. За это время в «зале» появились еще две машины, запарковавшиеся тоже в последнем ряду. Ничего похожего на «ягуар». Но стало уже темно, разглядеть что-нибудь как следует было трудно. Бонд так и остался сидеть, повернувшись в кресле, вглядываясь в арку въезда.

К их машине подошла девушка-лоточница в костюме мальчика-пажа, с подносом.

— С вас один доллар, — сказала она, заглянув в машину и убедившись, что третьего пассажира в ней не было. На правой руке у нее висела связка наушников. Девушка подключила две пары к розетке и протянула их Бонду. На экране огромные мужчина и женщина продолжали что-то горячо обсуждать.

— Кока-кола, сигареты, конфеты? — спросила девушка, принимая от Бонда долларовую бумажку.

— Спасибо, не надо, — ответил Бонд.

— Как хотите, — сказала девушка и направилась к другим опоздавшим к началу сеанса машинам.

— Господи, да выключи ты эту чушь! — взмолился Эрни, все крепче сжимая зубы. — И не спускай глаз с въезда. Подождем еще немного, а потом — к врачу. Пулю надо вынуть.

Он совсем ослаб и теперь, когда девушка скрылась, опять полулежал, прижавшись головой к холодной дверце

— Уже скоро, Эрни. Потерпи уж.

Бонд повертел наушники, нашел регулятор звука, и бормочущие о чем-то голоса смолкли. Громадный человек на экране собирался, вроде бы, ударить женщину, которая широко раскрыла рот в беззвучном крике.

Бонд опять повернулся и стал напряженно вглядываться в темноту. Никого. Он осмотрел стоящие рядом машины. Две прижавшиеся друг к другу фигуры. Нечто шевелящееся на заднем сиденьи. Два напряженных старческих лица, уставившиеся на экран. Кто-то пьет прямо из горлышка.

Вдруг в лицо ему ударила волна дешевого одеколona, и с земли рядом с машиной поднялась темная фигура, ткнувшая в его шею дуло пистолета. С другой стороны, где лежал Эрни, послышался ласковый шепот:

— Только тихо, мальчики. Только тихо.

На Бонда смотрело лоснящееся от пота лицо. Губы улыбались, глаза — нет. Человек прошептал:

— Вылезай, англичанишка, не то твоему дружку не поздоровится: у моего напарника пистолет с глушителем. Ты теперь с нами покатаешься.

Бонд посмотрел направо и увидел толстый черный цилиндр глушителя, прижатый к виску Эрни Курео, и принял решение.

— Не волнуйся, Эрни, — сказал он. — Им нужен только я один. Так и быть, поеду с ними, но скоро вернусь и отвезу тебя к врачу. Жди.

— Странные у тебя шутки, парень, — сказал человек с лоснящимся лицом. Он открыл дверцу, продолжая держать пистолет у шеи Бонда.

— Прости меня, дружище, — сказал Эрни устало. — Думаю...

Но фразу он не закончил. Его ударили рукояткой пистолета по голове, за ухом. Эрни ничком упал на сиденье.

Бонд сжал зубы, мускулы буграми вздулись под пиджаком. Успеет ли он выхватить «беретту»? Он перевел глаза с одного пистолета на другой, взвешивая свои шансы. Две пары глаз жадно смотрели на него, ожидая лишь предлога, чтобы пристрелить его на месте. Рты растянуты в ухмылке. Эти двое только и ждали, чтобы он попробовал хоть что-то предпринять. Бонд как-то сразу успокоился. Он подождал еще с минуту, а затем, держа руки на виду, медленно вышел из машины, решив, что займется этими двумя позднее.

— Иди к воротам, — шепотом сказала лоснящаяся морда. — И не рыпайся: ты у меня на мушке.

Рука с пистолетом исчезла в кармане. К ним подошел второй бандит. Его правая рука была под пиджаком, у пояса. Он встал по другую сторону.

Так втроем они быстрым шагом направились к воротам, и луна, поднявшаяся над горами, очертила на белом песке дорожки их длинные тени.

19. «Спектервилль»

Красный «ягуар» стоял у ворот, рядом со стеной кинотеатра. Бонд позволил им обыскать себя и забрать пистолет. Потом залез в машину и сел на сиденье рядом с водителем.

— И никаких глупостей, если хочешь остаться цел, — сказал бандит с лоснящейся рожей, устраиваясь на заднем сиденье, где лежала сумка для гольфа. — Стреляю сразу.

— Хорошая была у вас когда-то машинка, — сказал Бонд.

Лобовое стекло было полностью выбито, лишь одна хромированная трубка радиатора торчала как флагшток между колес, лишенных крыльев.

— И куда же это мы поедем на этой рухляди?

— Увидишь, — бросил водитель, худощавый человек с хищным ртом и длинными бакенбардами. Он вывел машину на дорогу и, прибавив скорость, направился назад, в направлении города. Вскоре они проехали мимо полыхавших огнями реклам и вывесок и устремились вниз по узкой дороге, вившейся через пустыню к горам.

Справа появился указатель с цифрой «95», и Бонд вспомнил, что рассказал ему Эрни Курео, и понял, что его везут в Спектервилль. Он пригнулся в кресле, чтобы уклониться от летевших в практически открытую кабину песчинок и насекомых, и стал размышлять о своем ближайшем будущем и о том, как отомстить за друга.

Итак, этих двоих и еще одну пару в «Шевроле» отправили за ним, чтобы доставить к мистеру Спэнгу. Почему понадобилось посылать аж четверых? Вряд ли дело в том, что он нарушил в казино данные ему инструкции.

Машина мчалась теперь по совершенно прямому шоссе, и стрелка спидометра

замерла за отметкой 130 километров в час. Мимо с регулярностью метронома проносились телеграфные столбы. Внезапно Бонд понял, что у него совсем нет ответов на очень многие вопросы.

Изобличили ли его полностью как врага банды Спэнгов? Свое поведение за рулеткой он мог бы попытаться оправдать тем, что нечетко понял приказ. Что же касается этой четверки, то здесь можно было бы сказать, что он принял их за членов конкурирующей банды. Во всяком случае он продемонстрировал, что достаточно умел для выполнения любой работы, которую ему соизволит предложить мистер Спэнг. А главное — убеждал себя Бонд — это то, что он вот-вот достигнет своей главной цели: доберется до конечного звена цепочки и, может быть, нащупает каналы связи между Серафимо Спэнгом и его братцем в Лондоне.

Бонд понимал, что когда Тиф, сконцентрировавшись на шкалах приборной доски, попытается поставить седан под навес трапа, один из докеров отправится к телефонной будке рядом с таможней.

А через три часа черный седан высадил у пирса Эрни Курео.

О себе тревожиться было не в его характере, и он даже не думал о том, как попасть на борт, прежде чем оповестили провожающих, что им пора покидать корабль.

Бонд еще перебирал в голове возможные варианты беседы со Спэнгом, когда через два часа езды он почувствовал, что скорость становится меньше. Он поднял голову. Они приближались к опутанному колючей проволокой высокому забору, в котором над воротами красовалась надпись: «Спектервилль. Граница города. Не въезжать. Злые собаки». Машина остановилась у ворот рядом с вросшим в бетон столбиком. На нем была кнопка и небольшая решетка переговорного устройства, а также табличка со словами: «Позвоните и назовите причину приезда».

Сняв одну руку с руля, человек с бакенбардами нажал на кнопку. Через несколько секунд металлический голос произнес:

— Да?

— Фраско и Макгонигл, — громко сказал шофер.

— Понял вас, — ответил тот же голос. Раздался щелчок.

Высокие ворота медленно раскрылись. Они пересекли металлический порожек и въехали на узкую дорожку. Посмотрев назад, Бонд увидел, как закрылись за ними ворота. С удовольствием он также отметил, что физиономия, по-видимому, Макгонигла была вся залеплена пылью и разбившимися об нее насекомыми.

Почти полтора километра ехали они по узкой каменистой дороге, через пустыню, где единственными растениями, да и то редкими, были растопырившие свои колючки кактусы. Но вот впереди над горами показался ореол света, и, перевалив через горный массив, они устремились вниз, к горящему огнями необычного вида городку из пятнадцати-двадцати зданий. В лунном свете блестели рельсы однопутной, совершенно прямой железнодорожной ветки, уходящей за горизонт.

Они проехали мимо серых деревянных домиков, на которых висели вывески «Аптека», «Парикмахерская», «Банк», мимо ярких фонарей, стоявших перед входом в двухэтажное здание с поблекшими от времени золотыми буквами — «Салун Розовой подвязки, пиво и вина».

Из-за традиционных коротких дверок на улицу устремлялись снопы яркого желтого света, а рядом у обочины стоял элегантный черный с серебром «статс бэаркэр» модели 1920 года. В салуне кто-то играл, немного фальшивя, на пианино. Музыка «Интересно, кого ты целуешь сейчас?» Вызвала в голове Бонда образ пляшущих в клубах сигарного дыма на дощатом полу девиц, высоко вскидывающих вверх ноги в черных чулках. Вся открывавшаяся его взору картина напоминала сцену из хорошего, «дорогого» вестерна.

— Выходи, англичанин, — сказал водитель.

Все втроем они выбрались из машины на высокий деревянный тротуар. Бонд наклонился, чтобы помассировать затекшую ногу, искоса следя за гангстерами.

— Давай, давай, неженка, — сказал Макгонигл, подталкивая Бонда дулом пистолета. Бонд медленно выпрямился. Вслед за гангстером он, тяжело припадая на правую ногу, направился к дверям салуна. Он остановился, когда створки дверей, распахнутых Макгониглом, спружинили в его сторону. Ствол револьвера Фраско уперся ему в спину.

Сейчас! Бонд нырнул в двери. Прямо перед ним была спина Макгонигла, а дальше — светлый пустой зал, где играло, как оказалось, механическое фортепьяно.

Бонд в броске поймал руками локти Макгонигла, приподнял его, повернул и изо всех сил толкнул на входившего в двери Фраско. Весь дом задрожал от столкновения двух тел, вылетевших из дверей и рухнувших на тротуар.

Макгонигл моментально вскочил и повернулся к Бонду, поднимая руку с пистолетом. Удар левой пришелся гангстеру в плечо, заставив его покачнуться, а правая рука Бонда одновременно выбила у него оружие.

В дверях показалось дуло другого пистолета — Фраско. Оно двигалось, подобно змее, выискивая Бонда. Мгновением раньше Бонд, кровь которого пела в жилах от напряжения схватки, нырнул в ноги Макгониглу и схватил валявшийся на полу пистолет. Он успел сделать два прицельных выстрела в дверь еще до того, как Макгонигл наступил ногой на его руку с пистолетом и навалился на него сверху. Однако Бонд успел увидеть, как пальцы Фраско конвульсивно нажимали на курок пистолета, выпустившего всю обойму в потолок. В этот раз звук от скатившегося по ступеням тела был окончательным.

Но руки Макгонигла уже тянулись к его горлу, и Бонду пришлось наклонить голову, защищая шею и глаза. Пистолет лежал совсем рядом.

Несколько секунд они боролись молча, как звери, но наконец Бонду удалось встать на колени и он, собрав все силы, резко откинулся назад, метя затылком в лицо Макгонигла. Тот отпрянул, и Бонду удалось подняться на ноги. Но тут же колени гангстера ударило его в подбородок.

Не успел Бонд подумать, все ли зубы у него уцелели, как его противник, издав злобный рык, бросился на него, целясь головой в живот и держа руки в стороны.

Бонд увернулся, защищая живот, и удар головой пришелся ему под ребра. Задохнувшись от боли, он все-таки не выпустил из поля зрения головы гангстера и, вложив в удар поворот корпуса, левой рукой попал тому в солнечное сплетение, а затем правой — в подбородок.

Тело Макгонигла непроизвольно выпрямилось, и Бонд бросился на врага как пантера, нанося ему молниеносные удары в живот до тех пор, пока тот не обмяк. Тогда Бонд схватил его за кисть руки и за лодыжку, развернулся всем телом и швырнул гангстера в глубину зала.

В полете его тело ударилось о пианино, раздался скрежет рвущихся струн и ломающегося дерева, расколовшийся инструмент подпрыгнул и рухнул на распластавшегося под ним Макгонигла.

Бонд стоял в центре зала на непослушных ногах, тяжело дыша и вытирая рукавом струящийся пот.

— Дубль снят!

Это произнес женский голос со стороны бара.

Бонд медленно повернулся.

В салуне было четверо. Они стояли у бара, облокотившись на отделанную медью стойку, за которой до самого потолка висели уставленные бутылками полки. Сколько они уже там находились, Бонд не знал.

Первым был главный горожанин Спектервилля, блестящий, неподвижный, величественный.

Спэнг был одет в полный ковбойский костюм вплоть до серебряных шпор на лакированных черных сапогах. Шляпа, рубашка, брюки с кожаными леями были тоже черными с серебряной отделкой. Большие руки спокойно лежали на перламутровых рукоятках двух длинноствольных револьверов, торчавших из висевших на широком черном ремне кобур.

В ином месте вид Спэнга мог бы быть назван глупым. Но не здесь, где этому мешал его холодный, пронизывающий взгляд.

Справа от Спэнга, уперев руки в бока, стояла Тиффани.

— По-моему, любая женщина мечтает, вернувшись домой, увидеть на вешалке мужскую шляпу, — задумчиво сказала девушка с сияющими глазами. Ее полные губы были слегка приоткрыты. Но у тех мужчин, которых я встречала, не было почти ничего мужского. Может быть, я не там искала, или не так искала. Знаешь, как бывает: не везет, так не везет. Ты уже рада, что не происходит ничего плохого.

Бонд оглянулся. Револьверы были направлены прямо на него. Голова у него звенела, и вся эта сцена в сияющем огнями салуне с бронзовыми украшениями и рекламой давно исчезнувших сортов пива и вин приобрела оттенок кошмарной нереальности.

Первым заговорил Спэнг:

— Вы знаете, куда его отвести. И скажите кому-нибудь позвонить в Детройт. Пусть скажет тамошним ребятам, что они там все страдают избыточным самомнением. Пусть они пришлют мне еще двоих. Только, чтобы новые были получше предыдущих. И позовите сюда людей прибраться. Ясно?

Тяжелые челюсти, заставлявшие двигаться резко очерченные узкие губы, отчетливо произносили каждое слово, будто отрезали его ножом.

Оставляя за собой звон шпор, Спэнг вышел. За ним, бросив на Бонда взгляд, выражавший нечто большее, нежели простое предостережение, вышла и девушка.

Двое бандитов подошли к Бонду, и тот, что потолще, сказал:

— Двигай.

Бонд медленно направился к выходу вслед за Тиффани, а «капюшоны» — у него за спиной.

Выходом на сей раз оказалась дверь за баром. Она вела в здание вокзала, с лавочками, старомодными табличками и призывами не плевать на пол.

— Направо, — сказал один из «капюшонов», и Бонд через вращающуюся дверь попал на деревянный перрон.

Он замер как вкопанный, даже не почувствовав упершегося в ребро пистолетного ствола.

Перед ним был наверное самый замечательный поезд в мире. Бонд слышал, что такой паровоз — старый, модели 1870 года «Хайленд лайтс» — называли красивейшим из паровых локомотивов. Его полированные медные поручни, рифленый купол кабины и тяжелый колокол, висевший над длинным блестящим котлом, сияли в свете стоявших на перроне газовых фонарей. Клубы дыма поднимались из бочкообразной, с раструбом наверху, трубы. На огромной передней решетке скотосбрасывателя красовались три массивных бронзовых фонаря — мощный прожектор посередине и два штормовых по бокам. Над двумя громадными ведущими колесами изящным шрифтом ранней викторианской эпохи было написано: «Пушечное ядро». Эта же надпись была и на боках черного с золотом тендера, доверху уложенного березовыми поленьями.

К тендеру был прицеплен покрашенный в каштановых цвет пульмановский вагон. Арки узких окон, украшенных панелями из красного дерева, были цвета густых сливок. Надпись на овальном щите, укрепленном по центру вагона, гласила «Красавица Сьерры». Над окнами, чуть ниже слегка выгнутой крыши буквами такого же цвета на темно-синем фоне было написано: «Тонопа энд Тайдуотер Р. Р.».

— Ты, небось, такого не видывал, англичанин, — сказал один из охранников гордо. — Давай, залезай.

Голос из-под черного шелкового капюшона звучал глухо.

Бонд медленно пересек платформу и поднялся в огражденный бронзовыми перилами тамбур, где стояло сверкающее тормозное колесо. Впервые в жизни он понял, почему люди хотят быть миллионерами, и внезапно ему подумалось, что Спэнг, видимо, не так уж и прост, как казалось раньше.

Интерьер пульмановского вагона поражал викторианской роскошью. Свет небольших хрустальных люстр отражался от полированного красного дерева стен, серебряных креплений, хрустальных ваз и светильников. Ковры и портьеры были темно-вишневыми, где в овальных нишах на голубом фоне парили херувимы, вились цветы и ленты, был, как и занавески на окнах, цвета густых сливок.

Бонда провели через уютную маленькую столовую, где на накрытом на двоих столе стояла корзина с фруктами и открытая бутылка шампанского в серебряном ведре, затем — по коридору с тремя дверями (две спальни и туалетная комната, подумал Бонд), и наконец — в гостиную. Охранники не отставали ни на шаг.

В дальнем конце комнаты, спиной к маленькому камину, окаймленному полками с книгами в золоченых переплетах, стоял сам Спэнг. В красном кожаном кресле у низенького столика в напряженной позе сидела Тиффани Кейс. Бонд постарался не обращать внимания на то, как она выглядела: нервной, растерянной, испуганной.

Бонд подошел к удобному креслу, повернулся к ним лицом и сел, положив ногу на ногу. Он достал портсигар, закурил, глубоко затянулся и выдохнул дым через зубы.

Точно по центру изо рта Спэнга торчала зажженная сигара. Он вынул ее и сказал:

— Уинт, останься здесь. Кид — иди и сделай, как я сказал.

Крепкие зубы как бы откусывали слова.

— Теперь — ты, — его рассерженный взгляд уперся в Бонда. — Кто ты такой, и что происходит?

— Если уж мы намерены беседовать, то я бы не отказался чего-нибудь выпить, — сказал Бонд.

Взгляд Спэнга стал холодным.

— Налей ему, Уинт.

Бонд бросил через плечо:

— «Бурбон» с родниковой водой. Попролам.

Послышалось недовольное ворчание и скрип досок: толстяк направился в другой конец вагона.

Вопрос Спэнга Бонду не понравился. Он неторопливо изложил всю свою придуманную историю. Звучала она, вроде бы, убедительно.

Бонд сидел, курил и изучал Спэнга.

Охранник принес ему бокал и сунул его так резко, что часть выплеснулась на ковер.

— Спасибо, Уинт, — сказал Бонд. Он сделал глоток. Хорошо! Еще глоток, и он поставил стакан на пол рядом с креслом, вновь посмотрев на напряженного хмурого Спэнга. Бонд продолжил рассказ:

— Я не люблю, когда меня начинают прижимать. Я сделал свое дело и получил за это деньги. Если мне захотелось поставить их на карту, то это — мое дело. Я ведь мог и проиграть? Но тут ваши люди стали дышать мне в затылок, и я потерял терпение. Уж если вам надо было со мной поговорить, почему же вы просто не позвонили мне? Пускать за мной хвост — так друзья не поступают. А когда эти ребята начали хамить и стрелять, то я решил, что пришел и мой черед нажать.

Ни один мускул на лице Спэнга не шевельнулся. На фоне золотых корешков

книг оно казалось очень бледным.

— До тебя, наверное, не доходит, парень, — мягко сказал Спэнг. — Стоит ввести тебя в курс дела. Я тут вчера получил одно занятное сообщение из Лондона. — Не спуская глаз с Бонда, он вытащил из нагрудного кармана черной ковбойской рубашки листок бумаги.

Бонд сразу понял, что в бумаге этой есть что-то плохое для него, очень плохое, как будто ему вручили телеграмму, в которой первым словом было слово «глубоко»...

— Это сообщает мой хороший друг из Лондона, — сказал Спэнг. — Он медленно перевел взгляд с Бонда на бумагу. — Вот что он пишет: «Надежный источник сообщил, что Питер Фрэнкс задержан полицией. Причины неизвестны. Рекомендую обязательно задержать фальшивого курьера. Если операции окажутся под угрозой — курьера уничтожить и доложить об исполнении».

В вагоне стало очень тихо. Глаза Спэнга оторвались от бумаги и вновь впились в Бонда.

— Ну-с, мистер «как-тебя-там?» Похоже, что по гороскопу в этом году с тобой должно произойти нечто ужасное...

Похоже на то, подумал Бонд, а его мозг уже переваривал информацию. Одна его часть ума рисовала картины, как это должно произойти, но другая одновременно подсказывала, что он выполнил свою миссию в Америке: алмазная цепочка со Спэнга началась и Спэнгом кончалась. Теперь он был в этом уверен, теперь он знал то, что ему и было поручено узнать. Оставалось всего лишь как-то сообщить об этом М.

Бонд потянулся и взял свой бокал. Кубики льда перемешались с легким стуком, когда он сделал последний долгий глоток и поставил бокал на прежнее место. Он посмотрел на Спэнга и заявил:

— Питер Фрэнкс столкнул мне эту работу. Ему она почему-то не нравилась, а мне нужно было заработать.

— Нечего мне лапшу вешать, — вяло сказал Спэнг. — Ты — полицейский или частный детектив, и я обязательно узнаю, кто ты такой, на кого ты работаешь и что тебе известно, что ты делал в грязевых ваннах рядом с этим продажным жокеем, почему ты носишь пистолет и где ты научился так из него стрелять, каким образом ты связан с агентством Пинкертонов — через этого псевдотаксиста? Ну, и многое другое. Ты и похож на частного детектива, и ведешь себя в их стиле. — Он неожиданно, гневно повернулся к Тиффани Кейс. — А вот как ты, дура, купилась, я не понимаю!

— Как же! Не понимает он! — вспыхнула Тиффани. — Этого парня на меня наводит сам «АВС», парень делает все как надо. Может мне надо было вновь звонить «АВС»? Ну уж нет! Я знаю свое место, и не думай, что можешь и мной помыкать как другими. К тому же этот парень, может, правду говорит?

Ее сердитые глаза скользнули по лицу Бонда, и он прочел в них беспокойство и страх. За него.

— Ну, что ж, — сказал Спэнг. — Скоро мы все узнаем, и будем спрашивать до тех пор, пока он не расколется. А если он думает, что сможет вытерпеть, то придумаем что-нибудь еще.

Он посмотрел вверх головы Бонда на охранника:

— Уинт, позови Кида, да скажи ему принести бутсы.

Бонд сидел молча, собирая в кулак волю и выдержку. Спорить со Спэнгом смысла нет, да и бежать некуда: вокруг пустыня. Ничего, он вылезал и не из таких передрыг. Только бы они не убили его сразу. А для этого он должен молчать. Молчать и думать об Эрни Курео, о Феликсе Лейтере.

И может быть, о Тиффани Кейс. Он посмотрел на нее. Она сидела, наклонив голову, внимательно изучая ногти на руках.

За спиной Бонд услышал шаги обоих охранников.

— Выведите его на платформу, — сказал Спэнг. Бонд заметил, как он быстро

облизнул узкие губы кончиком языка. — Бруклинский вариант. На восемьдесят процентов. Ясно?

— Ясно, босс, — это был голос Уинта, и в нем сквозило нетерпение.

Двое в капюшонах уселись рядом на красную кожаную банкетку напротив Бонда. На пол рядом с собой они поставили футбольные бутсы и начали расшнуровывать ботинки.

20. Вершина изрыгает пламя

Черный облегающий водолазный костюм сильно жал. От него болело все тело. Черт побери это Адмиралтейство! Когда же там наконец запомнят его размер?! На глубине было очень темно, и течение било его об заросли кораллов. Придется ему выгребать против этого течения. Но что это коснулось его руки? Что это?...

— Джеймс. Бога ради, Джеймс, — ее губы отодвинулись.

В этот раз она ущипнула обнаженную, всю в кровоподтеках руку изо всей силы, и Бонд наконец открыл глаза, посмотрел на нее, двинув разбитыми бровями, и застонал.

Она потянула его за руку в ужасе, что он опять выскользнет. Видимо, он понял, что от него хотят, так как перекатился на живот и кое-как приподнялся на четвереньки. Но голова его, повиснув, все еще касалась пола, как у раненого зверя.

— Ты можешь ходить?

— погоди, — разбитые губы едва сумели прошептать одно слово, звук которого показался странным даже ему самому. А ей, видимо, и подавно.

— погоди, — вновь сказал он, пытаясь определить нанесенный телу ущерб. Он мог ощущать руки и ноги, двигать головой. Он видел тени и слышал ее голос. Значит в общем — в порядке, но совсем не хотелось двигаться. Воля его была подавлена. Он просто безумно хотел спать. Или даже умереть. Все, что угодно, лишь бы ослабить охватившую его боль, режущую, колющую, грызущую внутренности, лишь бы забыть о том, как две фигуры в капюшонах били его ногами в футбольных бутсах.

Как только он подумал об этих двоих и о Спэнге, к нему сразу вернулось желание жить, и он сказал:

— Порядок.

И еще раз:

— Порядок, все нормально, — чтобы она все точно поняла.

— Мы в гостинной, — прошептала девушка. — Мы должны добраться до края станции. Это — налево, за дверь. Ты слышишь меня, Джеймс? — Она протянула руку и убрала с его лба мокрые, свалявшиеся волосы.

— Поползу, — сказал Бонд. — Иди.

Девушка встала и открыла дверь. Сжав зубы, Бонд выполз на залитую лунным светом платформу. Когда ему на глаза попало темное пятно на ней, ярость и жажда мести придали ему сил, и он, качаясь от боли, поднялся на ноги, пытаясь прогнать стоявшие перед глазами красно-черные волны. Тиффани Кейс, обхватив его руками за талию, помогла ему доковылять до края платформы. Прыжком это нельзя было назвать: они просто свалились на насыпь, рядом с блестящими рельсами.

Там, на рельсах, стояла дрезина.

Бонд замер, уставившись на нее.

— А бензин?... — кое-как выговорил он.

Тиффани показала рукой на стоявшие у стены вокзала железные бочки.

— Только что заправила, — шепнула она в ответ. — Они пользуются ею для проверки путей. Я умею управлять, а стрелки перевела заранее. Быстрее. Залезай, — выдохнула она. — Следующая остановка — Риолайт.

— Ну и девчонка! — прошептал Бонд. — Но ведь шум поднимется страшный, как только мы тронемся. Подожди, есть идея. Спички у тебя есть?

Боль понемногу отпускала его, но дышал он с трудом, стараясь не двигать губами. Взгляд Бонда уперся в здание вокзала, построенное из хорошего, сухого дерева...

Девушка была одета в рубашку с брюками, из кармана которых она достала зажигалку и протянула ему.

— Что за идея? — спросила она. — Нам надо быстрее сматываться.

Но Бонд уже был у железных бочек, отвинчивая крышки и выливая содержимое на платформу и на стены здания. Расправившись с полдюжиной бочек, он подошел к Тиффани.

— Запускай, — сказал он. Преодолевая боль, он наклонился и поднял лежавшую на насыпи скомканную газету. За спиной у него послышался визг стартера, и маленький двухтактный мотор деловито заурчал.

Бонд чиркнул зажигалкой, и едва газета запылала, он швырнул ее в сторону бочек с бензином. Жадные языки пламени чуть было не коснулись его, когда из последних сил он рывком забросил свое тело в кабинуку дрезины. Но Тиффани уже отпустила тормоз, и они поехали.

Раздался скрип, посыпались искры из-под колес, но они уже проскочили стрелку и мчались по главной линии. Спидометр показывал пятьдесят километров в час, волосы Тиффани развевались подобно золотому знамени.

Бонд оглянулся и посмотрел на оставшийся у них за спиной столб огня и дыма. Ему казалось, что он слышит треск сухого дерева и крики сладко спавших сторожей, выскакивающих из своих мягких постелей. Если бы только огонь смог добраться до Уинта и Кида, до пультмановского вагона и тендера «Пушечного ядра», чтобы покончить и с гангстерами, и с их игрушками!

Но у него с Тиффани и своих проблем хватало. Интересно, сколько сейчас времени? Бонд вдохнул прохладный ночной воздух и попытался заставить мозг работать. Луна стояла низко. Четыре утра? Бонд, морщась, сел рядом с девушкой на откидное кресло.

Он обнял ее за плечи, а она повернулась к нему и улыбнулась. Стараясь перекрыть шум мотора и стук колес, она крикнула:

— Отличное начало! Как в кино с Бастером Киттоном. Как ты себя чувствуешь? — И, взглянув на его разбитое лицо, добавила:

— Выглядишь ты просто ужасно...

— Главное — ничего не сломано, — сказал Бонд. — Наверное, это и значит «восемьдесят процентов».

Он болезненно улыбнулся.

— Но уж лучше, когда тебя бьют, чем когда в тебя стреляют.

Губы Тиффани скривились.

— А мне пришлось сидеть там и делать вид, что меня все это не касается. Спэнг следил за мной, пока тебя били. Потом они связали тебя, бросили на пол в гостиной и, довольные собой, ушли спать. Я целый час просидела в своем купе, прежде чем начать действовать. Самое страшное было — приводить тебя в чувство.

Бонд крепче обнял ее.

— Когда говорить будет не так больно, я скажу все, что о тебе думаю. Но как же ты решилась, Тиффани? Ведь если они поймут нас, тебе будет худо. А что собой представляют эти двое, Уинт и Кид? Что они смогут сейчас предпринять? Я бы, честно говоря, с удовольствием еще раз встретился с ними.

Девушка отвела взгляд.

— Я никогда не видела их без капюшонов. Говорят, что они из Детройта. Никто никогда о них доброго слова не молвил. Они делают всю грязную работу. Сейчас они,

скорее всего, уже пустились за нами, но обо мне не беспокойся. — Она снова посмотрела на Бонда, и глаза ее сияли счастьем. — Главное — добраться до Риолайта. Там надо будет раздобыть машину и пересечь границу штата, уехать в Калифорнию. Денег у меня полно. Мы вызовем тебе врача, примем ванну, переоденемся и сядем думать. Пистолет твой у меня. Его принес кто-то после того, как они закончили вытаскивать по частям тех двоих, что ты отделал в «Розовой подвязке». Когда Спэнг ушел спать, я его и подобрала.

Она расстегнула рубашку и достала из-за пояса пистолет.

Бонд взял «беретту», хранящую тепло тела Тиффани. Он вытащил обойму. В ней оставалось три патрона. И один в стволе. Бонд вогнал обойму на место, поставил пистолет на предохранитель и сунул за пояс. Впервые он осознал, что пиджак исчез. Один из рукавов рубашки висел лохмотьями, и он оторвал и выбросил его. Пощупал правый задний карман брюк: портсигар пропал. Но паспорт и записная книжка в левом заднем кармане были на месте. Он вытащил их, рваные и мятые. Но деньги по-прежнему лежали в записной книжке. Он сунул документы обратно в карман.

Какое-то время они ехали молча, и тишину ночи нарушали лишь рокот мотора, да перестук колес. До самого горизонта узкие полосы рельсов были прямыми, только в одном месте серебряная линия прерывалась: там была ветка, отводившая покрытую ржавчиной и бурьяном колею вправо, в горный массив. Слева же не было ничего, кроме бесконечной пустыни, на краю которой первые проблески солнца смутно обрисовывали голубым контуром заросли кактусов, а на расстоянии около трех километров отсвечивала металлом полоса дороги № 95.

Дрезина весело неслась вперед. Никаких приборов в ней не было, кроме тормозного колеса и рычага с резиновой рукояткой подачи топлива, которая была повернута до отказа. Стрелка спидометра стояла на пятидесяти километрах в час. Пролетали километры и минуты, и Бонд все чаще поглядывал назад, изучая встающее там красное зарево.

Они ехали уже около часа, когда Бонд замер, скорее почувствовав, чем услышав, пульсирующий монотонный звук, исходящий от рельсов. Он опять оглянулся. Не чудится ли ему этот малюсенький желтый огонек на фоне горящего городка-привидения?

Бонд ощутил знакомое покалывание кожи.

— Ты ничего там сзади не видишь?

Девушка повернулась. Затем, ничего не ответив, она уменьшила скорость, и звук мотора почти затих.

Они прислушались. Да. Рельсы звучали. Пока еще чуть-чуть, едва слышно.

— Это — «Пушечное ядро», — бесцветным тоном произнесла Тиффани. Она резко повернула ручку, и дрезина вновь набрала скорость.

— Сколько он может выжать? — спросил Бонд.

— Под сто.

— Сколько еще до Риолайта?

— Около сорока. Бонд мысленно прикинул время и скорость.

— Скоро они нас догонят. Хотя точно я не знаю когда. У тебя есть в запасе какие-нибудь хитрости?

— Ни одной, — угрюмо сказала Тиффани.

— Ничего, все будет в порядке, — утешая ее, сказал Бонд. — Ты, главное, рули. Может, он взорвется, или что-то в этом роде.

— Ага, — сказала она.

— Или может, у него завод кончится, или Спэнг забыл ключ от мотора в штанах, которые оставил дома.

Минут пятнадцать они ехали молча, но теперь Бонд отчетливо видел свет огромного фонаря, рассекавший ночную мглу всего километрах в сорока за ними, и

искры, вылетающие из огромной трубы. Рельсы под ними уже дрожали, и то, что раньше казалось легким постукиванием, теперь переросло в угрожающий отдаленный грохот.

Хорошо бы у них там дрова кончились, подумал Бонд и, повинувшись чувству опасности, спросил как можно более спокойно:

— У нас, надеюсь, все в порядке с бензином?

— Конечно, — ответила Тиффани. — Целую бочку залила. Индикатора никакого нет, но такой двигатель на одном литре работает черт знает сколько.

Не успела она закончить фразу, как мотор, будто выражая свое отношение к сказанному, чихнул. Но тут же бойко заработал.

— Господи, — прошептала девушка. — Ты слышал?

Бонд помолчал. Он почувствовал, как у него вспотели ладони.

Опять мотор чихнул.

Тиффани нежно погладила рычаг.

— Ну, милый мой, хороший моторчик, — жалобно сказала она, — дорогой, умный моторчик. Сжался.

В ответ мотор еще несколько раз чихнул, свистнул и умолк. Они катились по инерции. Тридцать километров в час, двадцать, десять, пять... Последний, судорожный поворот рычага, бессильный пинок по кожуху мотора, и они остановились.

Бонд выругался. Кривясь от боли, он слез на насыпь и, хромая, подошел к баку для топлива, стоявшему на дрезине сзади. Бонд достал окровавленный платок, отвинтил крышку и опустил платок в бак, пока не достал до дна. Потом вытащил платок и пощупал его. Сухой.

— Приехали, — сказал он девушке. — Теперь давай думать.

Он поглядел по сторонам. Слева прятаться негде, а до дороги — три километра. Туда они могут успеть добраться и спрятаться там. Но надолго ли? Однако другого пути нет. Земля под ногами уже дрожала. Он посмотрел на летящий к ним свет фонаря. Сколько еще? Два-три километра? Увидит ли Спэнг дрезину вовремя? Успеет ли он остановиться? Сойдет ли поезд с рельсов? Но тут Бонд вспомнил про огромный скотосбрасыватель, который сметет маленькую дрезину как пушинку.

— Пошли, Тиффани, — сказал он. — Надо успеть добраться до гор.

Где же она? Он обошел дрезину. Девушка бежала по шпалам ему навстречу, задыхаясь.

— Там впереди, совсем рядом, ветка, — выдохнула она. — Если нам удастся затолкнуть ее туда и перевести стрелку, он может не заметить нас и промчаться мимо.

— Боже мой, — только и вымолвил Бонд и добавил с восхищением в голосе: — Можно придумать и кое-что получше! Помогай!

Он уперся плечом в дрезину и, скрежеща зубами от боли, начал толкать ее.

Тяжело было сдвинуть ее с места, но потом она пошла легко, и им оставалось только идти сзади и слегка подталкивать. Вот, наконец и стрелка. Они остановили дрезину метрах в двадцати за ней.

— Зачем это? — тяжело дыша, спросила Тиффани.

— Давай, давай, — крикнул Бонд, бросаясь назад, к заржавевшей стрелке, рычаг которой сиротливо торчал над рельсами. Мы пустим «Пушечное ядро» по этой ветке!

— Вот это да! — только и сказала та.

И вот уже они вдвоем налегли на рычаг, и мускулы Бонда напряглись от усилия и боли.

Ржавый рычаг медленно, очень медленно выдвигался из гнезда, где он простоял пять десятков лет, но вот миллиметр за миллиметром в рельсах

наметилась трещина, а затем и довольно широкий зазор, и Бонд еще сильнее навалился на рычаг.

Наконец стрелка была передвинута, а Бонд сел, опустив голову и борясь с охватившей его тошнотой.

Тем временем луч прожектора был уже совсем рядом, Тиффани потянула его за руку, и он встал и, ковыляя, вернулся к дрезине. В воздухе вокруг них стоял ужасный грохот, когда, блистая огнями и гремя колоколом, огромное железное чудовище, казалось, вот-вот раздавит их.

— Лежи и не двигайся! — перекрывая шум крикнул Бонд, увлекая ее рядом с собой на землю за дрезиной. Сам он поднялся, вытащил из-за пояса пистолет, встал боком к несущемуся на них паровозу, вытянув, как дуэлянт, руку с «береттой» и прицелившись в надвигающуюся пасть окутанного дымом и пламенем чудовища.

Господи, как же ужасен этот паровоз! Не сойдет ли он просто с рельсов на повороте? Не врежется ли всей своей массой прямо в них?

«Пушечное ядро» было уже всего в нескольких метрах.

Вдруг что-то вонзилось в землю у самых ног Бонда, а затем он увидел вспышку от выстрела где-то на уровне кабины.

Еще одна вспышка, и еще одна пуля, ударив в рельс, с визгом ушла в пустыню.

Еще три выстрела, но теперь Бонд уже слышал их за шумом, производимым паровозом. Пули пролетели совсем рядом.

Бонд не стрелял. У него всего четыре патрона, и он знал, как надо ими распорядиться.

В двадцати метрах от него паровоз, наконец, влетел на стрелку и со страшным скрежетом, наклонившись так, что на насыпь полетели из тендера дрова, вошел в поворот.

Раздался дикий визг металла, двухметрового диаметра колеса впились в ржавые рельсы, перед Бондом сквозь искры и дым оказалась кабина, где стоял, держась одной рукой за стойку, а другую положив на вентиль, по-прежнему одетый в черный с серебром костюм, сам Спэнг.

Пистолет в руке Бонда сказал свои четыре веских слова. Мелькнуло перекошенное, дернувшееся назад лицо гангстера, и черный с золотом паровоз пронесся мимо, в сторону гор. Луч главного фонаря все еще разрезал ночные тени, а колокол все еще звенел, но как-то грустно, видимо чувствуя свою печальную судьбу...

Бонд медленно засунул пистолет за пояс и стоял, провожая взглядом уносящийся, достойный миллионера, гроб с телом Спэнга... Дым из паровозной трубы на миг закрыл луну.

Тиффани Кейс подбежала к нему, и вместе они смотрели вслед облаку дыма и огня и слушали рождающееся в горах эхо от несущегося на встречу с ними паровоза. Девушка невольно сжала руку Бонда, когда в одну секунду «Пушечное ядро» скрылось за нагромождением скал. Теперь был лишь слышен удаляющийся стук колес, да виден был отблеск огней.

Внезапно из-за горы взвился огромный язык пламени и послышался страшный удар железа о камень, как будто где-то там натолкнулся на рифы огромный океанский корабль. Потом земля вздрогнула у них под ногами, раздался взрыв, а горы отразили в пустыню его эхо.

И наступила абсолютная тишина.

Бонд глубоко вздохнул, как будто пробуждаясь от страшного сна. Вот какой оказалась кончина одного из Спэнгов, жестокого, склонного к театральным эффектам, ударившегося в детство основателя банды Спэнгов. Он создал для себя театр, в котором сам был актером, окружил себя театральной бутафорией, был старым ребенком. Но это не мешало ему играть жизнями других людей. И убивать.

— Пойдем отсюда, — настойчиво сказала Тиффани. — С меня хватит.

По мере того, как спадало напряжение, боль во всем теле вновь начала давать о себе знать.

— Пойдем, — ответил Бонд. Он был рад, что его отвлекли от видения перекошенного бледного лица в кабине удивительно красивого, черного с золотом, бешено несущегося навстречу своей гибели паровоза. Голова у него раскалывалась, и Бонд не был уверен, что сможет идти.

— Нам надо добраться до шоссе. Трудно будет, но идти надо, — произнес он.

Три километра они одолели за полтора часа. У самого края дороги ноги у Бонда подкосились, и он рухнул на песок. Теряя сознание, он подумал, что Тиффани фактически принесла его сюда. Один, без нее, он наверняка проплутал бы в зарослях кактусов, сбился бы с пути и сейчас лежал бы где-нибудь в пустыне, ожидая, когда взойдшее солнце покончит с ним своими жаркими лучами.

А сейчас его голова лежала на коленях у Тиффани, которая что-то ласково говорила ему, вытирая пот с его лица подолом рубашки.

Время от времени девушка поднимала глаза и напряженно вглядывалась в прямую как стрела полосу бетонной дороги, уходящей за горизонт, где в первых лучах солнца уже дрожали волны теплого воздуха.

Так прошло больше часа, когда Тиффани вскочила, заправила рубашку и вышла на середину дороги. Из марева к ним приближалась со стороны Лас-Вегаса низкая черная машина.

Она остановилась прямо перед девушкой, и из окна высунулась голова с орлиным носом и копной неряшливых светлых волос. Внимательный взгляд серых глаз изучил ее в одно мгновение с ног до головы, затем обратился на распростертое в пыли у дороги тело мужчины и вновь остановился на ней.

Потом, с заметным техасским акцентом, водитель дружелюбно сказал:

— Меня зовут Феликс Лейтер, мадам. Я к вашим услугам, но не совсем понимаю, чем могу быть вам полезен в это столь прекрасное утро?

21. Ничто так не роднит, как родство...

— И приезжаю я в город, и звоню моему другу Эрни Курео. Джеймс его знает. А жена устраивает мне истерику: Эрни в больнице. Я еду туда, он мне все рассказывает, и я понимаю, что Джеймсу может понадобиться подкрепление. Прыгаю на своего вороного и пускаю его в галоп, а рассвет застает меня неподалеку от Спектервилля, где, как я понимаю, мистер Спэнг решил развести для утешения небольшой костерок, чтобы пожарить вкусного мяса или чего-нибудь в этом роде. Ворота открыты, и я решил разделить с ним эту трапезу. Однако, хотите верьте, хотите — нет, в городке я не нахожу ни одной живой души, кроме парня со сломанной ногой и всякими там царапинами, ползущего по дороге с целью удрать оттуда побыстрее. Но я гляжу — здорово он похож на молодого балбеса по имени Фраско, про которого мне сказал Эрни, что он один из тех, кто увез с собой моего дорогого Джеймса. Паренок был не в силах отказать мне в любезности поведать как тут все было, и я решаю, что следующая моя остановка — Риолайт. Поэтому я утешаю паренька и говорю, что ему недолго совсем быть тут одному, так как сюда мчится вся пожарная команда штата, подталкиваю его за воротник поближе к воротам, где благополучно и оставляю в целостности и сохранности. Еду это я по дороге, глядь — прямо на середине стоит девушка в таком виде, будто ею только что из пушки выстрелили. Вот как все было. Теперь — твоя очередь.

«Так все-таки это не сон, и я действительно лежу на заднем сиденье „студиллака“, и голова моя лежит на коленях у Тиффани, и это самый настоящий Феликс, и мы правда едем как ветер по дороге к безопасности, врачу, горячей ванне, еде и питью, а главное — долгому-долгому сну и отдыху».

Бонд пошевелинулся и почувствовал, как рука Тиффани гладит его волосы, и понял, что все это и есть на самом деле, и продолжал лежать молча, слушая как звучат их голоса и шуршат по бетону шины.

Когда Тиффани закончила свой рассказ, Феликс Лейтер присвистнул.

— Ну и дела, — сказал он. — Вы вдвоем проделали не слабую дырку в банде Спэнгов. Что же, интересно, будет дальше? Там еще полно живчиков, которые не привыкли в таких случаях сидеть сложа руки. Они быстренько примутся за дело.

— Это точно, — сказала Тиффани. — Спэнг был членом синдиката в Лас-Вегасе, а там люди крепко держатся друг за друга. Потом еще «Тенистый» и эти двое, Уинт и Кид, или как их там зовут на самом деле. Поэтому, чем быстрее мы уберемся из этого штата, тем лучше. А что делать потом?

— Пока у нас все идет нормально, — ответил Лейтер. — Через десять минут будем в Битти, там перескочим на 58-ю дорогу и через полчаса пересечем границу. Потом — через Долину смерти, через горы и в Оланчу, где попадем на 6-ю. Там можно остановиться, вызвать Джеймсу врача, поесть и искупаться. А затем по 6-й дороге до Лос-Анжелеса. Гнать придется будь здоров, но думаю, что к обеду мы будем на месте. Вот тогда уже можно будет расслабиться и как следует поворочать мозгами. Мне кажется, что вас с Джеймсом надо побыстрее отправить из страны. Бандиты будут рыскать везде, разыскивая вас, и уж если они вас засекут, я и гроша ломанного за вашу жизнь не дам. Лучше всего вам было бы уже сегодня вечером самолетом долететь до Нью-Йорка, а оттуда — в Англию. Там Джеймс уже сам будет знать, что делать.

— Это все разумно, — сказала девушка. — Но все-таки, кто такой этот Бонд? Чем он занимается? Он частный детективы?

— Об этом вы лучше спросите его самого, — ответил Лейтер, подумав немного, — но вам не стоит беспокоиться на этот счет. Он в состоянии позаботиться о вас.

Услышав такую сентенцию, Бонд улыбнулся, а потом, пока они ехали в молчании, погрузился в беспокойный сон и проспал до тех пор, пока они не проехали пол-Калифорнии и не остановились у белой калитки с надписью «Отис Фейрилей, врач».

После того, как его искупали, побрили, забинтовали и накормили обильным завтраком, Бонд вновь оказался в машине, где Тиффани вновь прикрылась броней иронии и непреклонности, а он сам, окончательно придя в себя, пытался хоть чем-то помочь Феликсу, следя, не появятся ли где полицейские машины, пока «студиллак» мчался со скоростью сто сорок километров в час по бесконечному шоссе, направляясь к покрытому облаками горизонту, за которым скрывались горы Высокой Сьерры.

И вот они уже плавно катили по бульвару «Сансет» вдоль пальм и изумрудных лужаек, и их запыленный «студиллак» выглядел ископаемым монстром среди сияющих свежей краской «корветов» и «ягуаров». Наконец, ближе к вечеру, они уже сидели в затемненном прохладном баре отеля «Бeverли Хиллз», а в номерах их ждали новенькие чемоданы, только что купленная одежда, и даже покрытое боевыми шрамами лицо Бонда не мешало принять их за только что вернувшихся со съемок киношников.

Прямо на столике, рядом с бокалами, стоял телефон. Феликс Лейтер говорил по нему с Нью-Йорком уже четвертый раз за вечер.

— Все улажено, — сказал он, вешая трубку. — Мои коллеги взяли вам места на «Элизабет». Корабль задержался из-за забастовки в порту. Отплывает завтра в восемь вечера. Вас встретят утром в аэропорту «Ла Гвардия», дадут вам билеты и доставят на борт. Все твои вещи из «Астора» они уже забрали: маленький чемоданчик и знаменитую сумку для гольфа. В Вашингтоне сейчас оформляют

паспорт для Тиффани, и человек из госдепа передаст его ей в аэропорту. Вам обоим придется там заполнить кое-какие бумаги. В этом вам поможет один мой приятель из ЦРУ. Газеты полны описанием пожара — «Город-призрак превращен в призрак» и тому подобное — но вашего друга Спэнга пока не нашли, и имена ваши нигде не упоминаются. Мои ребята сказали, что полиция вами не интересуется, но зато шевелятся банды: они получили ваши приметы и начали поиск. Награда за поимку — десять тысяч долларов. Так что вы сматываетесь вовремя. На корабль вам лучше подниматься по отдельности. Прикройте, насколько это можно, лицо, забейтесь в кабины и не выходите. Здесь пойдет дым коромыслом, как только они узнают, что произошло на самом деле. Ведь выяснится, что счет в вашу пользу минимум 3:0, а такое соотношение трупов им явно придется не по вкусу.

— Похоже, что у «Пинкертонов» машина отлажена, — сказал Бонд с восхищением. — Но, честно говоря, я и сам рад убраться отсюда. Я раньше считал ваших гангстеров опереточными разбойниками, которые в рабочие дни набивают брюхо пиццей и пивом, а по воскресеньям грабят ларек-другой, чтобы было что поставить на скачках. Но, как оказалось, кровь у этих итальяшек действительно играет, и они просто обожают насилие.

Тиффани Кейс саркастически рассмеялась.

— Тебе явно не помешает провериться у психиатра. Будет чудом, если мы окажемся на корабле в добром здравии. Вот они какие! Слава богу, что у нас есть шанс, благодаря этому вот «Капитану — металлический крюк». Но это всего-лишь один шанс из ста. А ты — «итальяшки»!

Феликс Лейтер усмехнулся.

— Ладно, голубки, — сказал он, глядя на часы. — Пора двигать. Мне надо поскорее вернуться в Лас-Вегас и приниматься за поиски костей бедняги «Застенчивой улыбки». А вам пора на самолет. Цапаться друг с другом можете продолжить на высоте восьми тысяч метров. Сверху все видно гораздо лучше. Может, вы даже решите подружиться. — Он подозвал официанта. — Знаете, как говорят: ничто так не роднит, как родство душ.

Лейтер отвез их в аэропорт и уехал. Бонд почувствовал ком в горле при виде его долговязой фигуры, направившейся, прихрамывая, к машине после того, как Тиффани ласково поцеловала Феликса на прощанье.

— Хороший у тебя здесь друг, — сказала она, глядя как Лейтер захлопнул дверцу машины и, резко взяв с места, отправился в долгий путь через пустыню.

— Да, — ответил Бонд. — Феликс — настоящий парень.

Лунный свет блеснул на металлическом крюке, которым Лейтер помахал им в последний раз, а затем пыль осела на дороге, и голос из репродуктора произнес:

— Компания «Транс-уорлд», рейс 93 Чикаго-Нью-Йорк начинает посадку у выхода номер 5. Просим всех пассажиров пройти на посадку.

Они прошли сквозь стеклянные двери и сделали первые шаги на пути в Лондон, через полсвета.

Новый самолет, «Супер-Джи Констеллейшн», летел над укрытым ночью континентом, а Бонд лежал на удобной спальной полке и, ожидая, пока сон победит боль и усталость, думал о Тиффани, спавшей на соседней полке, и о том, что ему предстоит делать дальше.

Он думал о прелестном личике, лежавшем на подложенной под него маленькой ладони, о том, каким беззащитным и уязвимым было оно во сне, когда в глазах не было обычного ехидства, а чувственные губы не кривились в иронической усмешке, о том, что он был очень близок к тому, чтобы влюбиться в эту девушку. А она? Насколько сильным оказалось чувство протеста и ожесточения в ту ночь, в Сан-Франциско, когда в ее комнату ворвались мужчины и изнасиловали ее? Сможет ли ее женское начало пробиться сквозь баррикаду, которую она начала возводить

против всех мужчин на свете? Удастся ли ей разрушить злые чары, в плену которых она находилась столько лет, обрекши себя на одиночество?

Бонду вспомнились моменты последних суток, когда ответы на все эти вопросы казались совершенно очевидным, когда сквозь искусственно созданную маску разбойницы, контрабандистки, шулера проглядывало полное страсти и желания лицо счастливой женщины, говорившей: «Возьми мою руку и уведи меня из этого страшного мира в мир солнца и любви. Не беспокойся. Я не отстану от тебя на этом пути. Я все время готовилась к твоему появлению, но ты все не приходил»...

Да, подумал он. Все будет хорошо. С этой стороны. Но готов ли он сам к последствиям? Ведь если он возьмет ее за руку, это должно быть навсегда. Он должен будет стать ее врачом, ее целителем-психиатром, которому она, пациентка, доверила свою любовь, свою веру в торжество исцеления. Выпустить ее руку из своей было бы безмерно жестоко. И, кроме того, понимает ли он, что может произойти с его жизнью, с его карьерой?

Бонд заворочался, пытаясь отогнать эти мысли. И вообще — пока рано задумываться над этим. Он слишком торопится. Поживем — увидим. Все надо делать постепенно, шаг за шагом. Он стал думать об М. и о своем задании, которое еще предстояло завершить, и только после этого можно будет поразмыслить о своей личной жизни.

Итак, часть змеи отрублена. Что это — голова или хвост? Трудно сказать, но Бонду все же казалось, что главными действующими лицами в контрабанде алмазов были Джек Спэнг и таинственный «АВС», а Серафимо Спэнг отвечал лишь за их получение. Про роль Тиффани теперь уже можно забыть. «Тенистый», про которого Тиффани могла бы многое рассказать, теперь наверняка уйдет на дно, где и будет отсиживаться, пока не уляжется поднятая Бондом заваруха. А вот против Джека Спэнга и его «Бриллиантового дома» никаких улик нет. Единственной же ниточкой, ведущей к АВС, является номер телефона в Лондоне, который Бонду необходимо будет узнать от девушки как можно быстрее. Но ведь и номер телефона, и вся система контактов будут изменены, как только в Лондон поступит информация о «предательстве» Тиффани и о том, что Бонду удалось скрыться. Поэтому, подумал Бонд, следующей его целью должен стать Джек Спэнг, а через него может быть удастся выйти и на «АВС». Остается, таким образом, лишь самое начало цепочки, в Африке, а на него может вывести только «АВС». Последним решением, которое принял Бонд прежде, чем уснуть, было решение связаться с М. сразу же, как только он ступит на борт «Куин Элизабет», чтобы Лондон мог начать действовать. Возьмутся за дело, конечно, люди Вэлланса. Так что, собственно, Бонду не так уж много останется делать по возвращении. Разве что кучу докладов предстоит написать. Опять эта постылая работа с бумажками! А вечерами он будет с Тиффани, которая поселится, естественно, в его квартире на Кингз Роуд. Надо будет послать телеграмму домоправительнице. Значит так, купить цветы, шампунь для ванны непременно от «Флориса», постельное белье...

Спустя десять часов после вылета из Лос-Анжелеса они уже подлетали к «Ла Гвардиа», и самолет начал разворот над морем перед посадкой.

Было воскресенье, восемь часов вечера, но несмотря на это, у самолета их ждал сотрудник аэропорта, который провел их через боковой вход в комнату, где сидели, дожидаясь их прихода, два молодых человека — один от «Пинкертонов», а второй — из Госдепартамента. Пока они беседовали с ними о том, как прошел перелет, прибыл их багаж, их опять вывели через боковую дверь на служебную стоянку, где с работающим мотором и опущенными шторами стоял шикарный коричневый «пontiак».

Несколько часов они провели в квартире сотрудника «Пинкертонов», пока в четыре часа дня, с разрывом в пятнадцать минут, не поднялись по крытому трапу на

борт огромного корабля и не скрылись за запертыми дверями своих кают на одной из верхних палуб.

Однако никто не обратил внимания, что когда Тиффани Кейс, а через пятнадцать минут после нее — Джеймс Бонд, входили под навес трапа, один из докеров быстрым шагом направился к телефонной будке рядом с таможней.

А через три часа черный седан высадил у пирса двух американских бизнесменов, которые едва успели пройти паспортный контроль и таможню и подняться на борт, прежде чем корабельные громкоговорители оповестили провожающих, что им пора покидать корабль.

Один из бизнесменов был моложавым человеком с приятным лицом и челкой слишком рано поседевших волос, выбивавшейся из-под широкополой шляпы в водонепроницаемом чехле. Его имя, согласно табличке на саквояже, было Б. Киттеридж.

Второй был крупным, склонным к полноте мужчиной с затравленным взглядом маленьких, спрятавшихся за толстыми линзами очков, глазок. Он обильно потел и постоянно вытирал лицо и шею большим носовым платком.

На его чемоданчике была табличка с именем В. Уинтер, а ниже красными чернилами была написана его группа крови...

22. Любовь и беарнский соус

Ровно в восемь часов вечера басовитый рев корабельной сирены «Куин Элизабет» заметался между небоскребами Манхэттена, побился об их задрожавшие стекла. Буксиры вытащили огромный лайнер на середину акватории порта, поставили его носом к выходу из бухты, и, осторожно набрав скорость в пять узлов, он начал свой дальний путь.

Предстояло еще высадить лоцмана у Амброзского маяка, а затем четырехлопастные винты взобьют морскую воду до цвета сливок, и «Куин Элизабет», набрав крейсерскую скорость, поплывет по огромной дуге (от 45-й до 50-й параллели), в конце которой стоит точка под названием «Саутгемптон».

Сидя у себя в каюте, прислушиваясь к поскрипыванию дерева и наблюдая за карандашом, который перекачивался на столике между расческой и паспортом, Бонд вспомнил о временах, когда курс этого судна был другим, когда оно шло зигзагом, углубляясь даже в южную часть океана, так как надо было скрываться от немецких подводных лодок, выходивших на охоту из объятых огнем войны Европы. Конечно, любое плавание — своего рода приключение. Но сейчас, когда корабль шел под защитой радиосигналов, радара, эхолота, подобно восточному деспоту, окруженному толпой телохранителей, ничего, кроме скуки и морской болезни Бонд от этого путешествия не ожидал.

Он поднял телефонную трубку и попросил соединить его с мисс Кейс. Услышав его голос, она издала нарочитый стон.

— Моряк ненавидит море, — сказала она. — Меня уже тошнит, хотя мы еще по реке плывем.

— Меня тоже, — сказал Бонд сочувственно. — Питайся драмином с шампанским и не выходи из каюты. Мне самому надо еще два-три дня отлежаться. Я вызову к себе врача и массажиста и попытаюсь опять стать самим-собой. Да и все равно, нам обоим лучше не появляться на людях до Англии. Ведь они вполне могли нас засечь еще в Нью-Йорке.

— Ладно. Но с условием, что ты будешь мне каждый день звонить, — заявила Тиффани, и что как только можно будет, ты пригласишь меня в гриль-бар на открытой палубе, чтобы я смогла покушать икорки. Согласен?

Бонд рассмеялся.

— Ну, что с тобой поделаешь? — сказал он. — Но за это ты должна будешь вспомнить все, что знаешь или слыхала про «АВС» и о том, как работает цепочка в Лондоне. Я имею ввиду и номер телефона, и все остальное. Я потом расскажу тебе что к чему, а пока ты просто должна довериться мне во всем. Договорились?

— Конечно, — безразличным тоном ответила та, как будто все, что касалось этой стороны ее жизни, утратило для нее интерес.

Минут десять Бонд подробно расспрашивал ее, но ничего, кроме малозначащих деталей, про «АВС» не узнал.

После разговора он вызвал стюарда, заказал ужин и сел за доклад, который ему еще предстояло зашифровать и отправить этой же ночью в Лондон.

Корабль бесшумно скользил по волнам, а население его, этого небольшого города с тремя с половиной тысячами обитателей, готовилось к пяти дням жизни в море, где могло быть все, что обычно бывает в более-менее крупных людских общинах: кражи, драки, разврат, пьянство, обман, появление на свет новорожденных, попытки самоубийства и, почему бы и нет? Даже убийство.

«Куин Элизабет» плавно летела по Атлантическому океану, легкий ночной ветерок посвистывал, встречая на своем пути высокие мачты, качал радиоантенны на радиорубке, где орудовал ключом дежурный оператор.

Ровно в десять вечера он передал радиogramму следующего содержания: «АВС. Бриллиантовый дом. Хэттон-Гарден, Лондон. Интересующие вас объекты обнаружены. В случае необходимости принятия срочных окончательных решений ожидаем объявления цены в долларах. Уинтер».

Через час, когда тот же оператор вздыхал над лежавшей перед ним каблогаммой из пятисот групп пятизначных цифр, адресованных «Управляющему директору „Юниверсал Экспорт“, Риджент-Парк, Лондон», из Лондона поступила короткая телеграмма: «Куин Элизабет. Пассажиру Уинтеру. Каюта первого класса. Необходимо срочно принять окончательное решение по поводу лучшей половины. Повторяю: лучшей половины объектов. Оплата — двадцать тысяч долларов. Другой половиной займусь лично по прибытии ее в Лондон. АВС».

Оператор нашел фамилию Уинтер в списке пассажиров, положил телеграмму в конверт и отправил ее в каюту на палубу, расположенную уровнем ниже палубы Бонда и Тиффани. В каюте этой двое мужчин, сняв пиджаки, резались в карты, и принесший конверт стюард уходя услышал, как толстяк говорил седоголовому:

— Во дела, старик! Нынче за такую ерунду готовы отвалить двадцатник! Да... ну и времена настают!

Только на третий день плавания Бонд и Тиффани договорились встретиться и выпить по коктейлю на смотровой площадке верхней палубы, а потом пойти в гриль-бар поужинать. Днем погода была изумительной, а после обеда Бонду в каюту принесли записку, где округлым девичим почерком было написано: «Хочу встретиться сегодня. Не обмани ожиданий». Бонд сразу же потянулся к телефону.

После трех дней разлуки они явно соскучились друг без друга, Но когда Тиффани села к нему за самый дальний столик, который он специально выбрал, Бонд увидел, что она явилась во всеоружии.

— Это что это за столик ты выбрал, а? — накинулась она на него. — Ты что, стыдишься меня, что ли? Я, понимаешь, наряжаюсь в такие тряпки, что все голливудские девицы от зависти умрут, а он меня прячет ото всех, как какую-нибудь перезревшую старую деву! На этом корыте я имею право хоть немного развлечься? А ты сажаешь меня в угол, где меня никто не видит!

— Вот именно, — спокойно сказал Бонд. — Ты, похоже, хочешь, чтоб все мужики по тебе с ума сходили?

— А чего же еще может хотеть девушка на «Куин Элизабет»? Что ж мне, рыбу ловить?

Бонд рассмеялся. Он подозвал официанта и заказал два сухих «мартини» с водкой и лимонным соком.

— Вот тебе вместо рыбной ловли, — сказал он.

— О, господи, — воскликнула Тиффани. — Я замечательно провожу время с красавчиком-англичанином. Но вот беда: он охотится не за мной, а за моими фамильными бриллиантами. Что же мне делать-то?

Неожиданно она наклонилась к нему и положила свою руку на его.

— Слушай, Бонд, — сказала она. — Я просто безумно счастлива! Мне нравится быть здесь. С тобой. И мне нравится этот столик в тени, где никто не видит, что я держу твою руку. Не обращай на меня внимание. Это я ошалела от счастья. И не слушай моих дурацких шуток, хорошо?

Она была одета в бежевую кофточку из китайского шелка и темно-коричневую юбку. Эти цвета как нельзя лучше подчеркивали ее загар. Единственной драгоценностью на ней были небольшие квадратные часики фирмы «Картье», а ногти на тонких пальцах маленькой руки не были покрыты даже лаком. Отраженные лучи солнца сверкали в ее тяжелых золотых волосах, в ее серых глазах и на прекрасных алых губах.

— Хорошо, — сказал Бонд. — Хорошо, Тиффани. Ты — прекрасна.

Ответ ее удовлетворил. Это было видно по глазам.

Принесли заказанные ими коктейли, и она, убрав руку, внимательно посмотрела на Бонда.

— Теперь ты расскажи мне кое-что, — сказала она. — Во-первых, кто ты такой и на кого ты работаешь? Сначала, в гостинице, я решила, что ты такой же, как и все они. Но как только ты закрыл за собой дверь, я каким-то чувством поняла, что это не так. Стоило мне намекнуть на это «АВС», и нам обоим удалось бы избежать многих неприятностей. Но я промолчала. Теперь давай, Джеймс. Я слушаю.

— Я работаю на правительство, — сказал Бонд. — Оно хочет положить конец контрабанде алмазами.

— Это что: секретный агент?

— Просто гражданский служащий.

— Ну, ладно. И что же гражданский служащий намерен сделать со мной, когда доберется до Лондона? Запереть меня где-нибудь?

— Не «где-нибудь», а в свободной комнате своей квартиры.

— Это уже ничего. Я тоже стану подданной Ее Величества, как и ты? По-моему, мне нравится быть подданной.

— Думаю, что смогу это устроить.

— Ты женат? — Она сделала паузу. — Или как?

— Нет, не женат. Иногда завожу любовные связи.

— Значит, ты один из тех старомодных мужчин, которым нравится спать с женщинами. Тогда почему же ты не женился?

— Наверное потому, что одному легче управляться с собственной жизнью. В большинстве своем супружество не складывает людей, а вычитает их друг из друга.

Тиффани Кейс наморщила лобик.

— Может быть в этом что-то и есть, — сказала она наконец, — но здесь важно, что с чем складывается. Человеческое или нечеловеческое. Каждый человек сам по себе не может быть целым числом.

— А ты?

Девушке этот вопрос был явно неприятен.

— А если я выбрала нечеловеческое? — резко ответила она. — Да и за кого мне было замуж выходить? За «Тенистого», что ли?

— Наверное, были и другие кандидатуры.

— Нет, не было, — сердито возразила она. — Ты, видимо, считаешь, что мне не

следовало якшаться с такими. Что ж, видимо я не доехала до своей остановки, а сошла где-то по дороге. — Гневный румянец погас, и она миролюбиво добавила:

— С людьми и так бывает, Джеймс. Честное слово, бывает. И иногда вовсе не по их вине.

Джеймс Бонд сжал ее ладонь.

— Я знаю, Тиффани, — сказал он. — Феликс кое-что рассказал мне. Вот почему я не задаю никаких вопросов. Постарайся не думать об этом. Сегодня — это сегодня, а вчера было вчера.

Он решил сменить тему.

— Теперь скажи-ка мне вот что. Почему тебя зовут Тиффани, и как получилось, что ты стала работать в «Тиаре»? Кстати, где ты научилась так ловко сдавать карты? Ты тогда вытворяла с ними черт знает что. И это, наверное, не предел?

— Благодарю вас, сэр, — Тиффани приторно-любезно улыбнулась. — Понравилось? Ну и хорошо. А именем своим я обязана тому, что мой родитель, папаша Кейс, узнав, что у него родилась девочка, а не мальчик, о котором он мечтал, начал так горевать, что подарил моей мамочке тысячу долларов, пудреницу из магазина «Тиффани», и был таков. Стал морским пехотинцем, ушел на войну и там благополучно погиб. Вот меня и называли Тиффани, после чего мамочке пришлось вертеться, чтобы прокормить нас обеих. Сначала было всего несколько девочек, потом появилось целое заведение. Может, тебе противно все это слушать?

Ее взгляд одновременно выражал мольбу и страх.

— Меня все это просто мало беспокоит, — сухо сказал Бонд. — Ведь ты не была одной из девиц, которые там работают.

Она пожала плечами.

— Потом налетели бандиты... — она замолчала и допила свой коктейль. — И я стала самостоятельной. Перепробовала разные виды работы, на которые обычно берут молодых девушек. Потом оказалась в Рино. Там была «Школа азартных игр», куда я и поступила. Училась — как зверь, весь курс. Специализировалась на игре в кости, рулетке и «блэк-джеке». Работая в казино, можно жить очень даже неплохо. Двести долларов в неделю. Мужчины любят, когда карты сдают девушки, а женщинам-клиенткам это прибавляет уверенности. Они верят, что уж своя сестра их не обманет. Если же сдают мужчины, женщин это отпугивает. Но не думай, что это была жизнь в цветах. Не так уж и сладко было.

Она сделала паузу. Потом улыбнулась.

— Теперь — опять твоя очередь. Закажи мне еще бокал, а потом поведай мне, какой же должна быть та единственная, которую можно было бы сложить с тобой.

Бонд сделал заказ, закурил и опять повернулся к ней.

— Она должна уметь готовить беарнский соус так же хорошо, как и заниматься любовью.

— О небо! Так ведь это можно отнести к любой бабе, которая умеет готовить еду и валиться на спину!

— Ну нет. У нее должны еще быть все те черты, которыми обычно обладают женщины: золотые волосы, серые глаза, чувственный рот, отличная фигура. Ну и, естественно, она должна иметь чувство юмора, уметь красиво одеваться, играть в карты и так далее. В общем — все самое обычное.

— И ты, если бы нашел такую, женился бы на ней?

— Не обязательно, — сказал Бонд. — Честно говоря, я уже почти женат. На мужчине. Его имя начинается на букву М. Прежде, чем я женюсь на женщине, мне надо развестись с ним. А я вовсе не уверен, что хотел бы этого. Ведь рано или поздно все сведется к тому, что она будет готовить не еду, а бутерброды, начнутся типичные супружеские беседы типа «Это ты виноват! — Нет, не я!» Дело не пойдет. У меня начнется клаустрофобия, и я убегу от нее. Попрошусь куда-нибудь в Японию или куда

подальше.

— А дети?

— Хорошо бы, конечно, — сказал Бонд. — Но только, когда выйду на пенсию. Иначе это будет нечестно по отношению к детям. Ведь моя работа довольно опасна.

Он посмотрел, сколько осталось в бокале, и выпил до дна.

— А ты, Тиффани? — спросил он, чтобы сменить тему.

— По-моему, любая женщина мечтает, вернувшись домой увидеть на вешалке мужскую шляпу, — задумчиво сказала девушка. — Беда в том, что получалось всегда так, что под этой шляпой не было ничего мужского. Может быть, я не там искала, или не так искала. Знаешь, как бывает: не везет, так не везет. Ты уже рада, что не происходит ничего плохого. В этом смысле у Спэнгов было неплохо. Все шло по распорядку. Откладывала денежки. Но в такой компании у девушки не может быть друзей. Либо ты вывешиваешь табличку «Входа нет», либо... Но сейчас я по горло сыта одиночеством. Знаешь, как говорят хористки на Бродвее? «Очень одиноко стирать, если среди белья нет мужских рубашек».

Бонд рассмеялся.

— Теперь полоса невезения кончилась, — сказал он и вопросительно посмотрел на нее. — А как же мистер Серафимо? Эти две спальни в пультмановском вагоне, ужин на двоих с шампанским?

Не успел он закончить фразу, как она, сверкнув глазами, вскочила, чуть не перевернув столик, и вышла.

Бонд обругал себя. Он положил на столик деньги за коктейли и бросился за ней. Догнал он ее на прогулочной палубе.

— Постой, Тиффани, — начал он.

Она резко повернулась к нему.

— Каким же ты можешь быть злым! — воскликнула она со слезами на глазах. — Почему надо было все испортить одной отвратительной фразой?! О, Джеймс, — дрожащим от обиды голосом произнесла она, вынимая из сумочки платок и вытирая слезы, — ты ничего не понимаешь...

Бонд обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Любимая моя.

Он понимал, что только физическая близость может устранить все мелкие обиды, но сейчас еще нужны были слова. И время.

— Я не хотел тебя обидеть, поверь. Я просто хотел знать наверняка. В поезде этом я провел не лучшую свою ночь, а вид этого накрытого на двоих стола для меня большее, чем то, что произошло потом. Я должен спросить тебя об этом, понимаешь?

Она взглянула на него недоверчиво.

— Это правда? Я тебе уже тогда нравилась?

— Не будь глупенькой, — нетерпеливо сказал Бонд. — Ты ведь все прекрасно знаешь.

Она отвернулась и стала смотреть на бесконечную водную гладь, на чайки, которые сопровождали чудесную плавучую кормушку. Потом она сказала:

— Ты читал «Алису в стране чудес»?

— Очень давно, — сказал удивленно Бонд. — А что?

— Там есть строчки, которые я часто вспоминаю, — сказала Она. — Вот они: «Ой, Мышка, не знаешь ли ты, как выплыть из этого моря слез? Я очень устала, плавая по нему, милая Мышка». Помнишь? Так вот. Я решила, что ты сможешь помочь мне выплыть. А ты, вместо этого, окунул меня с головой. Вот что обидно. — Она снова подняла на него глаза. — Но ты и правда не хотел меня обидеть, да?

Бонд молча посмотрел на нее, а потом крепко поцеловал в губы.

Она не ответила на поцелуй, а наоборот, вырвалась из его объятий. Но глаза ее светились счастьем. Она взяла его за локоть и развернула в сторону лифтов.

— Поехали вниз, — сказала она. — Я должна переделать весь макияж, и, к тому же, мне надо хорошенько подумать над тем, как одеться для важнейшего мероприятия...

Она помолчала, потом шепнула ему на ухо:

— Если для вас это так уж интересно, Джеймс Бонд, я ни разу в жизни не, как вы это называете, спала с мужчиной.

Она потянула его за рукав.

— Теперь пошли, — решительно произнесла она. — В любом случае, тебе пора принять горячий душ — «доместик» [марка жидкого душа]. Полагаю, что ты любишь фразы, где все конкретно. Такие «любители конкретики» иногда пишут в самых неожиданных местах самые неожиданные вещи.

Бонд проводил ее до каюты и отправился к себе. Он принял горячую ванну с «хот солт» [добавка морской соли для принятия ванны], а затем — холодный душ «доместик». После этого он улегся поудобней и стал вспоминать, улыбаясь, о некоторых ее фразах и представлять, как она сейчас лежит в ванне и думает, что все англичане сумасшедшие.

В дверь постучали, вошел стюард и поставил на стол маленький поднос.

— Это еще что такое? — спросил Бонд.

— Только что от шеф-повара, для вас, сэр, — сказал стюард и вышел, прикрыв за собой дверь.

Бонд вылез из постели, подошел к столику и приподнял салфетку. Его губы расплылись в улыбке. На подносе стояла бутылочка шампанского «боллинджер», тарелочка с четырьмя тостами, на которых дымились кусочки бифштекса, и розетка с соусом. Рядом лежала записка: «Этот беарнский соус приготовлен лично мисс Т. Кейс без моей помощи. Шеф-повар».

Бонд вылил шампанское в бокал, обильно полил один из кусочков мяса соусом, съел его и поцокал языком. Потом он подошел к телефону.

— Тиффани?

На другом конце провода послышался бархатистый смех.

— Ну что ж, хоть с беарнским соусом у тебя все в порядке...

И повесил трубку.

23. Когда работа отходит на второй план

В каждом любовном приключении есть прекрасный момент, когда впервые, в людном месте, театре или ресторане, мужчина кладет руку на колено женщины, а та накрывает ее сверху своей рукой, прижимая ее к себе. Эти жесты говорят сами за себя. Все решено. Все соглашения подписаны и скреплены пожатием рук. Наступает минута безмолвия, когда кровь играет в жилах.

Было одиннадцать часов вечера, и в гриль-баре «Веранда» за столиками сидело лишь несколько человек. За бортом гигантского лайнера ласково плескались под светом луны волны, сам он скользил над черной бездной Атлантики, а на его палубе, прижавшись друг к другу, сидели двое людей, сердца которых бились сейчас в унисон.

К их столику подошел официант, положил перед ними листочек со счетом, и их руки разомкнулись. Но теперь у них все было еще впереди, и не нужно было лишних слов и жестов. Когда они выходили из бара, девушка заливалась счастливым смехом, заглядывая Бонду в глаза.

На лифте они поднялись на прогулочную палубу.

— Куда теперь, Джеймс? — спросила Тиффани. — Я бы еще выпила кофе с мятным белым ликером и послушала бы, что происходит в «Зале аукционов». Я так много о нем слышала! А может быть, если повезет, мы даже выиграем?

— Хорошо, — сказал Бонд, — все что пожелаешь.

Держась за руки, они прошли через большой холл, где играли в лото, потом — через пока еще пустой танцзал, где музыканты настраивали свои инструменты.

— Но только не заставляй меня покупать номер. Здесь все только от случая, а пять процентов идет на благотворительность. Шансы выиграть здесь еще меньше, чем в Лас-Вегасе. Но сама процедура довольно забавна, если попадается хороший ведущий. Говорят, что на борту сейчас денег много, — добавил он.

В почти пустом салоне они выбрали столик подальше от эстрады, где старший стюард раскладывал аукционные принадлежности: ящик с карточками, на которых были проставлены номера, молоток, графин с водой.

— В театре это называется «выжидать зрителя», — сказала Тиффани, когда они уселись среди леса пустых столов и стульев. Но к тому времени, как Бонд заказал кофе и коктейли, напротив них открылись двери кинозала, и в салоне сразу набралось около сотни человек.

Ведущий, розовощекий бодрый человек с красной гвоздикой в петлице вечернего костюма, постукал молотком, призывая к тишине, и оповестил собравшихся, что по расчетам капитана за следующий день «Куин Элизабет» должна пройти от 720 до 739 миль, и что, следовательно, цифры меньше 720 будут считаться «нижним полем», а выше 739 — «верхним».

— А теперь давайте посмотрим, дамы и господа, удастся ли нам побить в этом рейсе рекорд, который пока равен 2400 фунтам стерлингов.

Аплодисменты.

Стюард предложил самой богато одетой даме первой вытянуть карточку с номером и передал карточку ведущему.

— Итак, дамы и господа, первый номер оказался превосходным — 738. В верхнем регистре. А поскольку сегодня я вижу в зале много новых лиц, надо полагать, что на море почти полный штиль.

В зале засмеялись.

— Дамы и господа! Какой же будет первая ставка за этот счастливый номер? Может быть, пятьдесят фунтов? Кто готов дать пятьдесят фунтов? Вы сказали «двадцать», сэр? Ну что ж, все равно, надо с чего-то начинать. Кто больше? Двадцать пять. Благодарю вас, мадам. Тридцать! Сорок! Сорок пять! Это — мой друг господин Ротблат. Спасибо, Чарли. Кто даст больше за номер 738? Ага, пятьдесят! Благодарю вас, мадам. Вот мы и подошли к тому, с чего хотели начать.

Смех в зале.

— Предложит ли кто-нибудь больше пятидесяти фунтов? Нет? Номер достаточно высокий, а море спокойное. Итак, пятьдесят. Или кто-то скажет «пятьдесят пять»? Нет, продается за пятьдесят фунтов. Раз! Два! Три!

Ведущий стукнул молотком.

— Продано!

— Слава богу, попался хороший ведущий, — сказал Бонд.

— Этот номер совсем неплох и стоит дешево. При такой погоде, да если никто за борт не упадет, все будут считать, что мы пройдем больше 739 миль. Так что в «верхнем поле» номера будут стоить не меньше «пакета».

— Что это значит — «пакет»?

— Двести фунтов. Может и больше. Номера в середине пойдут примерно по сотне. Первый названный номер всегда самый дешевый: публика еще не разогрелась. Поэтому в этой игре самое умное — купить первый же номер. Выиграть может, конечно, любой, но с меньшими расходами.

К тому времени, как Бонд закончил объяснять, следующий номер был куплен за девяносто фунтов симпатичной, с горящими глазами, девушкой, которой купил его, это было очевидно, ее спутник — седой румяный старичок, очень похожий на

карикатурное изображение «папочки-пупсика» из журнала «Эсквайр».

— Ну же, Джеймс. Купи мне номер, — умоляющим тоном сказала Тиффани. — Плохо ты ухаживаешь за своей девушкой. Смотри, как нормальные люди делают.

— Этот «нормальный человек» уже в том возрасте, когда с молоденькими девушками уже не спорят, — сказал Бонд. — Ему ведь лет шестьдесят. Когда мужчинам меньше сорока, девушки им ничего не стоят. А вот потом за девушек уже надо платить, или рассказывать им байки. Вот эти байки-то и хуже всего. Впрочем, мне ведь еще нет сорока, — улыбнулся он.

— Не обманывай себя, — парировала Тиффани. — Говорят, что пожилые мужчины — лучшие любовники. К тому же ты, вроде, не жадина. Спорим, ты не хочешь играть потому, что азартные игры на кораблях запрещены или что-то в этом роде?

— За три морские мили от берега можно делать все, что хочешь, — сказал Бонд. — Но даже несмотря на это, судовладельцы чертовски осторожны и делают все, чтобы их компания не пострадала. Вот послушай.

Он взял в руки лежавшую на столе оранжевую карточку и прочитал:

— «Открытый аукцион на каждом переходе судна. Ввиду определенных обстоятельств наша Компания считает нужным еще раз заявить о своем отношении к этому мероприятию: нам не желательно, чтобы стюард данного салона или кто-либо другой из обслуживающего персонала принимали активное участие в вышеозначенном мероприятии».

Он прервал чтение и посмотрел на Тиффани.

— Видишь? Карты — очень близко к орденам. А вот что они пишут дальше: «Компания предлагает самим пассажирам избрать Комиссию для выработки правил аукциона и прочих вопросов. Стюард салона может, если Комиссия попросит его об этом, и если это не мешает ему выполнять свои обязанности, оказывать Комиссии помощь по организации мероприятия».

— Не придерешься! — прокомментировал прочитанное Бонд. — Если что-то и происходит, то вина полностью ложится на Комиссию. Теперь самое главное.

Он стал читать дальше: «Компания обращает особое внимание на соблюдение Положений о финансах Соединенного Королевства, где оговаривается оплата по чекам и ограничения на ввоз в Соединенное Королевство английских банкнот».

Бонд положил карточку на место.

— И так далее, и тому подобное, — сказал он и улыбнулся.

— Скажем, я покупаю тебе номер и он вдруг выигрывает две тысячи фунтов. Ты получишь целую пачку долларов и фунтов, да еще чеки. Чтобы потратить их, у тебя единственный выход (даже если предположить, что все чеки не поддельные, в чем я очень сомневаюсь) — спрятать их в лифчик и незаконно ввести в страну. И окажется, что мы опять становимся контрабандистами, но теперь я окажусь в положении нарушившего закон.

На девушку его слова не произвели никакого впечатления.

— В одной из банд был малый по кличке Абадеба, — начала она. — Он был большим умником и знал ответы на все вопросы. Рассчитывал шансы на скачках, возможные варианты прибыли, в общем — занимался умственным трудом. Просто чудеса творил. А кончилось все шальной пулей в перестрелке, где он оказался совершенно случайно... Тогда шлепнули Датча Шульца. Кажется мне, что тебя можно сравнить с Абадебой: ты мастерски придумал повод, чтобы отказаться. Что же поделаться? Но хоть на еще один коктейль мне удастся тебя выставить?

Бонд подозревал официанта. Когда тот ушел за заказом, Тиффани, наклонившись к Бонду так близко, что ее волосы коснулись его щеки, прошептала:

— Честно говоря, я не хотела больше пить. Сегодня я хочу быть абсолютно трезвой...

Она отодвинулась и уже совершенно иным тоном сказала:

— Ну, так что же здесь происходит? Ничего интересного?

— Сейчас начнется, — сказал Бонд.

Ведущий слегка повысил голос, и шум в салоне приутих.

— Дамы и господа, — важно произнес он. — Мы подошли к вопросу, ответ на который стоит 64.000 долларов. Кто хочет поставить сто фунтов на «верхнее» или «нижнее» поле? Все мы знаем, что имеется ввиду: стоит прекрасная погода, и поэтому, как я полагаю, сегодня особенно соблазнительно ставить на «верхнее поле»...

Смех и оживление в зале.

— Так кто же станет первым и поставит сто фунтов?

— Благодарю вас, сэр! О! Сто десять! Сто двадцать! Сто тридцать! Спасибо.

— Сто пятьдесят, — произнес мужской голос неподалеку от них.

— Сто шестьдесят, — женский голос.

Тот же мужчина предложил сто семьдесят....

— восемьдесят, — сказал еще кто-то.

— Двести фунтов.

Что-то заставило Бонда повернуть голову и посмотреть на говорившего.

Это был крупный мужчина. У него было рыхлое, лоснящееся лицо. Маленькие, темные, холодные глазки уставились на ведущего сквозь очки с толстыми линзами. Шеи у него, казалось, не было: голова росла прямо из плеч. Его вьющиеся черные волосы блестели от пота. Он снял очки, взял со стола салфетку и круговым движением начал вытирать левой рукой левую часть лица и шеи, потом переложил салфетку в правую руку и завершил процедуру, смахнув капли пота с хрящеватого носа.

— Двести десять! — крикнул кто-то из глубины зала.

— Двести двадцать, — невозмутимо сказал толстяк.

Что в нем могло заинтересовать Бонда? Он смотрел на мужчину, а в мозгу у него работала картотека, просчитывая варианты в поисках зацепки: лицо? Голос? Англия? Америка?

Наконец Бонд сдался и перевел взгляд на второго мужчину, сидевшего за тем же столом. И опять он почувствовал, что уже встречался с ним. Эти знакомые тонкие черты лица, зачесанные назад белые волосы... Мягкий взгляд карих глаз с длинными ресницами. Общее впечатление миловидности несколько портили мясистый нос и тонкие губы, приоткрытые сейчас в улыбке наподобие щели почтового ящика.

— Двести пятьдесят, — механически сказал толстяк.

Бонд повернулся к Тиффани.

— Тебе никогда не попадались на глаза вон те двое?

— Не-а, — сказала девушка. — Никогда. Похожи на обитателей Бруклина. Или на тех, кто любит подглядывать в больших универмагах за примеряющими белье женщинами. А что такое? Тебя что-то беспокоит? — спросила она, заметив его прищуренный взгляд.

— Да нет, — ответил Бонд, еще раз взглянув на двух мужчин.

— Вроде бы нет, — добавил он без особой уверенности.

В салоне раздались аплодисменты, ведущий прямо весь светился от радости.

— Дамы и господа, — с ноткой триумфа произнес он. — Это просто замечательно! Вот эта очаровательная молодая дама в прекрасном розовом вечернем платье дает триста фунтов.

Многие зрители завертели головами, пытаясь увидеть эту даму, спрашивая друг у друга: «Кто это? Кто это?»

— А что вы скажете, сэр? Триста двадцать пять?

— Триста пятьдесят, — меланхолично изрек толстяк.

— Четыреста! — взвизгнула дама в розовом.

— Пятсот, — послышалось в ответ.

Девушка что-то сердито зашептала своему спутнику. Тому, кажется, опротивел весь этот цирк, и он отрицательно покачал головой в ответ на немой вопрос ведущего.

— Есть желающие дать больше пятисот? — недоверчиво спросил ведущий. Он знал, что большего выжать не сумеет. — Раз! Два! Три! Продано вон тому господину, и, думаю, ему за это стоит похлопать.

Он зааплодировал сам, к нему присоединились остальные, хотя было видно, что они предпочли бы в качестве победителя девушку в розовом.

Толстяк чуть приподнялся, кивнул и сел. Его лицо не выражало никакой признательности, а глазки буравили ведущего.

— Теперь по правилам мы должны спросить у победителя, какое «поле» он предпочитает.

Смех в зале.

— Сэр, какое «поле» вы выиграли, «нижнее» или «верхнее»?

Вопрос был задан ироничным тоном, ведь это была пустая трата времени. Ответ был очевиден.

— «Нижнее».

В зале воцарилась мертвая тишина. Но тут же ее нарушил сдержанный шепот: собравшиеся комментировали невероятный ответ. Ведь все были уверены, что толстяк выберет «верхнее поле». Погода была прекрасной. «Куин Элизабет» делала не меньше тридцати узлов. Знал ли толстяк что-нибудь, о чем не знали остальные? Уж не подкупил ли он кого-нибудь на капитанском мостике? Неужели приближается шторм? А может быть, они сбились с курса?

Ведущий попросил тишины.

— Простите, сэр, — сказал он, — но вы сказали «нижнее»?

— Да.

Ведущий опять постучал молотком.

— В таком случае, дамы и господа, нам остается теперь разыграть «верхнее» поле. — Он с поклоном обратился к даме в розовом.

— Может быть вы, мадам, начнете торговлю?

Бонд повернулся к Тиффани.

— Очень странно, — сказал он. — Невероятно. Море такое спокойное... — Он пожал плечами. — Единственное, что можно предположить: они знают что-то, о чем не осведомлены мы. Или кто-то что-то сказал им по секрету. Ну, впрочем, нас это мало интересует, не так ли?

Он опять повернулся и посмотрел на двух мужчин и отвел взгляд.

— Но зато, — сказал он, — их, по-моему, почему-то интересуем мы.

Тиффани тоже посмотрела на них и сказала:

— Они и не смотрят в нашу сторону. Просто два чудака. Беловолосый, кажется, совсем дурачок, а толстяк увлеченно сосет большой палец. Станные они какие-то. Похоже, они не понимают, что делают.

— Сосет большой палец? — переспросил Бонд. Он рассеянно провел рукой по лбу, пытаясь что-то вспомнить.

Может быть он и вспомнил бы, если бы у него было время подумать. Но тут Тиффани взяла его руку и наклонилась к нему, опять коснувшись его лица золотыми волосами.

— Да шут с ними, Джеймс, — сказала она. — Они не заслуживают того, чтобы о них столько думали. Ее взгляд стал требовательным и твердым. — Мне здесь надоело. Пойдем куда-нибудь еще.

Они поднялись из-за столика и вышли из салона. Спускаясь по лестнице, Бонд

обнял девушку за талию, а она положила голову ему на плечо.

Они подошли к ее каюте, но Тиффани увлекла его дальше по коридору.

— Я хочу, чтобы это произошло у тебя, Джеймс, — шепнула она.

Больше они не произнесли ни слова до тех пор, пока за ними не закрылась дверь каюты. Обнявшись, они стояли на середине каюты, этого маленького, обособленного, принадлежавшего только им двоим мирка.

— Любимая, — прошептал Бонд и, взяв ее лицо в ладони, повернул к себе. Глядя в ее полные ожидания, широко открытые, сияющие глаза, он расстегнул молнию у нее на спине, и платье, шурша, упало на пол.

— Дай мне все, Джеймс. Дай мне все, что девушка может получить от мужчины. Прямо сейчас. Быстрее.

Бонд взял ее на руки и вместе с ней опустился на мягкий ковер...

24. Смерть приходит навсегда

Последним, что вспомнилось Бонду, когда его разбудил трезвон телефона, было видение Тиффани, наклонившейся над ним в постели, целующей его и говорившей: «Нельзя спать на левом боку, мой дорогой. Сердце может остановиться. Повернись на другой бок, пожалуйста». Он послушно перевернулся и, услышав, как, щелкнув, закрылась за ней дверь каюты, сразу же опять заснул под мерный шорох волн и плавное покачивание корабля.

Но вот раздался требовательный звонок телефона. Бонд выругался и открыл глаза. Телефон продолжал звонить в темноте каюты. Бонд взял трубку и услышал голос оператора:

— Извините, что побеспокоил вас, сэр. Но только что поступила на ваше имя зашифрованная телеграмма с грифом «очень срочно». Мне вам ее продиктовать или передать с посыльным?

— Пришлите, пожалуйста, ее мне в каюту, — сказал Бонд. — И спасибо, что разбудили.

Черт бы побрал эту телеграмму! Красота, жар и возбуждение ночи страстной любви были грубо отодвинуты в сторону. Бонд поднялся с постели, включил свет и тряс головой, чтобы прогнать сон, пошел принимать душ.

Он целую минуту просто стоял под обжигающими тело струями холодной воды, потом растерся мокрым полотенцем, вытерся, одел рубашку и брюки, так и валявшиеся на полу.

В дверь постучали, он взял листок с телеграммой, уселся за письменный стол, закурил и принялся за работу, тяжело вздохнув. Но по мере того, как цифры превращались в слова, а слова выстраивались во фразы, взгляд его помрачнел, а по коже побежали мурашки.

Подписал телеграмму начштаба. В ней говорилось:

«Первое. Негласный обыск в бюро Сэя выявил текст радиogramмы с борта „КЭ“ в адрес „АВС“, подписанный „Уинтер“, где говорится, что вас с Кейс засекли на борту, и запрашиваются инструкции. Ответ в адрес Уинтера содержит приказ о ликвидации Кейс за награду в двадцать тысяч долларов. Второе. Считаем, что „АВС“ — это и есть Руфус Б. Сэй, поскольку его инициалы во французском алфавите практически совпадают с этой аббревиатурой. Третье. Видимо, обеспокоенный внешними признаками расследования, Сэй вчера вылетел в Париж и сейчас, согласно сведениям „Интерциона“, находится в Дакаре. Это подтверждает наше мнение о том, что алмазы поступают из шахт „Сьерра-Леоне“ и оттуда переправляются во Французскую Гвинею. Под серьезным подозрением находятся сотрудники зубного кабинета компании „Сьерра интернэшнл“. Ведется наблюдение. Четвертое. Самолет ВВС ожидает вас в Боскомбе для немедленного вылета завтра

вечером в Сьерра-Леоне. Подпись».

Бонд сидел как парализованный.

Значит кто-то из банды Спэнгов здесь, рядом с ними. Кто? Где?

Он схватил телефонную трубку.

— Каюту мисс Кейс, пожалуйста.

Он услышал щелчок и длинный гудок телефонного аппарата, стоявшего в ее каюте рядом с кроватью. Как и у него. Второй гудок. Третий. Ну, еще один, на всякий случай. Он бросил трубку, выскочил в коридор и ворвался в каюту Тиффани. Никого. Пусто. Постель не разобрана. Свет не потушен. Но у двери на полу лежала ее сумочка и высыпавшееся из нее содержимое. Она заходила в каюту. Кто-то ждал ее, притаившись за дверью. И, наверное, оглушил ее. А потом? Что потом?!

Иллюминаторы задраены. Он заглянул в ванную. Пусто.

Бонд стоял, замерев, посередине каюты и пытался мыслить логически. Что бы сделал на месте бандита он, Бонд? Прежде, чем убить жертву, он бы допросил ее. Вытянул бы из нее все, что она знает, все, что ей говорили, выяснил бы все о ее спутнике. Допрашивал бы ее у себя в каюте, чтобы никто случайно не помешал. Если бы кто-то встретил его, несущего жертву на руках, в коридоре, для объяснения достаточно было бы подмигнуть и покачать головой от досады. «Шампанского сегодня было многовато. Нет, спасибо, я уж сам справлюсь». Но где эта каюта? И осталось ли у него еще время, чтобы спасти Тиффани?

Коридор был пуст.

На бегу Бонд взглянул на часы. Три часа ночи. Ушла она от него где-то после двух. Может быть, позвонить на капитанский мостик? Поднять тревогу? Нет. Бесконечные объяснения, подозрения, задержки... «Ну что вы, сэр. Вряд ли такое возможно, сэр». Утешения... «Конечно, сэр. Мы сделаем все необходимое, сэр». Вежливый тон какого-нибудь старшего помощника, прикидывающего, пьяный ли перед ним или обманутый любовник? А, может быть, и просто жулик, пытающийся задержать корабль, чтобы выиграть «нижнее поле»?

Нижнее поле! Человек за бортом! Корабль задержан!

Бонд вбежал в свою каюту и схватил «Список пассажиров». Ну конечно же. Уинтер. Вот он. Каюта А—49. Палубой ниже. Мозг защелкал как арифмометр. Уинтер. Уинт и Кид. Двое убийц. Люди в капюшонах. Опять взгляд на список. Киттеридж А—49. Опять. Беловолосый и толстяк на самолете, в котором он летел в Штаты. «Группа крови». Они следили за Тиффани. И слова Лейтера: «Он ненавидит путешествия». И еще: «Когда-нибудь эта бородавка ему аукнется». Бородавка на пальце, держащем пистолет, направленный на жокея. И слова Тиффани: «...он все время сосет большой палец!» Два человека в салоне, пытающиеся превратить жизнь другого человека в звонкую монету. Все продумано. Женщина за бортом. Анонимный звонок на вахту, если никто не заметит. Судно останавливается, поворачивает, начинаются поиски. А убийцы прикарманивают еще три тысячи фунтов.

Уинт и Кид. Убийцы из Детройта.

Перед глазами Бонда мелькали картины последних дней, пока он открывал свой атташе-кейс, автоматическими движениями доставал из тайника глушитель, а из шкафа — «беретту», проверял обойму, навинчивал глушитель, прикидывал шансы и планировал свои действия.

Затем он взял план расположения кают и, натягивая носки, нашел то, что ему было нужно. Каюта А—49. Прямо под ним. Успеет ли он сбить замок и прикончить их обоих прежде, чем они опомнятся. Нет, не успеет. К тому же, они наверняка закрыли дверь еще и на засов. Позвать на помощь кого-нибудь из экипажа, если ему удастся убедить их, что Тиффани в смертельной опасности? Нет. Пока они будут ломать дверь, приговаривая «Извините, сэр. Простите, сэр», бандиты выбросят девушку в иллюминатор и будут с невинным видом читать книжки или играть в карты. «Что это

вы, черт побери, делаете»?

Бонд сунул пистолет за пояс и распахнул один из двух иллюминаторов своей каюты. Он просунул в него голову и плечи, и убедившись, что сможет пролезть, наклонился вниз. Там, прямо под ним приглушенно светились два желтоватых круга. Далеко до них? Метра три. Море абсолютно спокойно, ни ветерка, и к тому же этот борт весь в тени. Заметят его с мостика? Открыт ли хотя бы один из иллюминаторов той каюты?

Бонд сорвал с кровати простыни. Ему пришлось разорвать их пополам, чтобы получить необходимые три метра длины. Морской узел — самый надежный. Если все пройдет нормально, решил Бонд, он заберет из А—49 их простыни, целые. А пропажа — пусть над этим поломают голову стюард. Ну, а если... Тогда все равно.

Бонд проверил простыни на прочность. Должны выдержать. Привязывая один конец вокруг открытого внутрь люка иллюминатора, Бонд посмотрел на часы. С момента вручения ему шифровки прошло уже целых двенадцать минут. Неужели так много? Он сжал зубы. Он сбросил второй конец импровизированной веревки наружу, вылез по ней из иллюминатора и начал спуск.

Ни о чем не думать. Не смотреть вниз. Не смотреть вверх. Не обращать внимания на узлы. Медленно, выверенными движениями. Только с помощью рук.

Поднялся легкий ветерок, слегка раскачивавший его под испещренным черными заклепками бортом, а где-то далеко внизу теперь были отчетливо слышны шумы океана. Где-то наверху ветер был сильнее, он гудел в проводах и снастях быстро плывущего лайнера, а еще выше покачивались яркие звезды на черном небе.

Выдержат ли эти проклятые — ой, нет, нет — эти замечательные простыни? Не потеряет ли он равновесие? Хватит ли сил в руках? Не думать. Не думать об этом. Не думать об огромном корабле, о голодном океане, о болтах и заклепках, готовых впиться в тело. Я — мальчик, который спускается на обычной веревке с обычной яблони. Это очень просто и совсем не опасно: ведь в крайнем случае можно и прыгнуть на мягкую землю и траву, там, внизу...

Бонд запретил себе думать. Он обратил все внимание на руки, методично перехватывающие скрученные простыни, и на ноги, которые должны были уже скоро нащупать верхний край иллюминатора каюты А—49.

Вот он. Пальцы правой ноги уперлись во внешний ободок. Не торопиться. Не торопиться. Ощупать ногой в одном носке всю верхнюю часть иллюминатора. Есть! Он открыт! Пальцы уткнулись в мягкую ткань: занавески задвинуты. Теперь можно спускаться дальше. Теперь уже почти все позади...

Еще немного, и вот он уже может опираться рукой на край рамы и хотя бы чуть-чуть уменьшить нагрузку на натянувшуюся струной веревку. И дать отдых сначала одной руке. Потом другой. Теперь осталось сгруппироваться, подтянуться на руках и нырнуть в люк, навстречу неизвестности...

Он прислушался, уставившись немигающими глазами на круг колеблющейся ткани, пытаясь забыть, что висит на воде, что под ним — несколько десятков метров пустоты, стараясь дышать равномерно и унять колотившееся в груди сердце.

Внутри кто-то что-то говорил. Мужской голос. А потом — крик девушки:

— Нет!!!

Звук пощечины. Громкий, как пистолетный выстрел. Он ударил Бонда как бич, подхлестнул его, заставил без подготовки нырнуть в иллюминатор.

Пролетая сквозь него, Бонд успел подумать, что не знает, на что налетит внутри, и прикрыл левой рукой голову, выхватывая правой «беретту».

Он «приземлился» на стоявший у стены чемодан. Резкий кульбит вперед, и он уже на ногах, на середине каюты, лицом к иллюминаторам, пригнувшись, сжав до боли в суставах рукоять пистолета и сцепив зубы.

Мгновенно оценил ситуацию, большой черный пистолет в его руке замер точно

по центру между двумя мужчинами.

— Вот и все, — сказал Бонд, медленно выпрямляясь.

Это была простая констатация факта. И черный зрачок его пистолета как бы подтверждал его право констатировать факты. Об этом же говорили и его холодные как лед глаза.

— Тебя-то кто сюда звал? — спросил толстяк. — Тебе здесь нечего делать.

Он прекрасно владел собой. Ни паники. Ни намека на удивление.

— Нам как раз не хватало четвертого для игры в карты.

Толстяк в рубашке сидел боком на тумбочке, и его маленькие глазки сверкали злобой. Перед ним, спиной к Бонду, на стуле сидела Тиффани Кейс. Из одежды на ней были только узенькие светло-бежевые трусики. Ее колени были зажаты коленями толстяка. Бледное лицо с отчетливым красным отпечатком ладони было повернуто к Бонду. Глаза как у загнанного зверя, рот приоткрыт в изумлении.

Беловолосый лежал на постели. Сейчас он поднялся, опершись на левый локоть, а его правая рука застыла на пол-пути к висевшей на левом боку кобуре с пистолетом. Он без всякого любопытства смотрел на Бонда, а тонкие губы приоткрылись в ничего не выражающей улыбке «как щель почтового ящика». Из рта у него торчала, похожая на язычок змеи, длинная зубочистка.

«Беретта» была все так же направлена между толстяком и беловолосым. Когда Бонд заговорил, голос его был ровным и уверенным.

— Тиффани, — как можно отчетливее сказал он. — Встань на колени и отползи, нагнув голову как можно ниже, на середину каюты.

Бонд не смотрел на нее, переводя взгляд с одной мишени на другую.

— Я здесь, Джеймс. — Голос, полный надежды и восхищения.

— Встань и иди в ванную. Запри дверь. Ляг в ванну и лежи там, не двигаясь.

Он краем глаза проследил, как она прошла в ванную комнату, и услышал, как щелкнула дверь. Теперь пули ее не достанут, и ей не придется видеть то, что произойдет.

Три метра отделяли одного бандита от другого, и Бонд подумал, что если они успеют выхватить оружие, то ему придется плохо. В тот же момент, как сам он выстрелит в одного из них, второй успеет выстрелить в него. Пока его пистолет молчал, под угрозой смерти были они оба. Но как только раздастся первый выстрел, один из них еще будет жив.

— Сорок восемь, шестьдесят пять, шестьдесят шесть.

Одна из разновидностей комбинаций в американском футболе. Комбинаций, десятки которых они наверняка репетировали друг с другом сотни раз. Выкрикнув эти слова, толстяк распростерся на полу, а его правая рука метнулась к поясу брюк.

В тот же миг человек на постели развернулся и головой вперед бросился рыбой в направлении Бонда, превратившись сразу в очень небольшую мишень. Его рука уже достигла кобуры...

Пистолет Бонда бесшумно плюнул огнем. Пуля вошла точно в лоб, у самой кромки белых волос. Рука мертвеца конвульсивно нажала на спуск, и пуля из его пистолета безбидно вспорола матрас.

Толстяк взвизгнул. Прямо на него смотрел казавшийся ему огромным черный зрачок «беретты», которой была безразлична его дальнейшая судьба и которая лишь выбирала, в какой именно сантиметр потного лба всадить пулю.

А пистолет самого толстяка все еще был лишь на уровне расставленных колен Бонда, и пуля из него попала бы не в Бонда, а в выкрашенную белой краской стену каюты.

— Брось оружие.

Пистолет с глухим стуком упал на ковер.

— Встать.

Толстяк поднялся на ноги и смотрел на Бонда так, как туберкулезный больной, только что откашлявшись, смотрит на свой платок, опасаясь самого худшего.

— Сядь на стул.

Не надежда ли мелькнула в глазах толстяка? Бонд не позволил себе расслабиться.

Толстяк медленно повернулся. Он вытянул руки над головой, хотя Бонд и не говорил ему поднять их, сделал два шага к стулу и опять медленно повернулся, как будто собираясь сесть.

Он стоял лицом к Бонду, и когда начал опускаться на стул, руки его вполне естественно опустились, не менее естественно двинулись за спину, как бы нащупывая стол, но правая рука зашла за спину гораздо глубже левой. И в ту же секунду эта правая рука метнулась вперед, распрямилась как пружина, и в воздухе сверкнуло лезвие брошенного ножа как белый язычок пламени. «Беретта» ответила красным пламенем.

Бесшумная пуля и бесшумный клинок пронеслись друг мимо друга, и зрачки двух направивших их людей расширились от боли, когда они достигли каждой своей цели.

Но зрачки толстяка так и остались расширенными, глаза закатились, и он, схватившись за левую часть груди, упал навзничь на стоявший сзади стул. Раздался треск ломающегося дерева, глухой стук упавшего тела. И тишина.

Бонд отсутствующим взглядом посмотрел на торчавшую из складок его рубашки, запутавшуюся в них рукоятку ножа, и сделал два шага к открытому иллюминатору. Несколько секунд он стоял неподвижно, уставившись на море и небо. Он глубоко вдыхал свежий воздух и слушал прекрасные звуки, издаваемые Океаном Жизни, который все еще принадлежал ему и Тиффани, но был уже чужим для двух убийц из Детройта. Наконец, преодолев охватившее его оцепенение, он не глядя вытащил нож из складок рубашки и бросил его в иллюминатор. Потом, по-прежнему глядя на океанские волны, он поставил «беретту» на предохранитель, почувствовав, что рука как-будто налилась свинцом, и снова засунул ее за пояс.

Неохотно он оторвался от созерцания океанского простора и повернулся. В каюте был полный разгром, и он, повинувшись какому-то внутреннему чувству, вытер ладони о брюки. Затем, аккуратно перешагивая через то, что лежало на полу, Бонд подошел к двери в ванную и усталым, лишенным эмоциональной окраски голосом произнес:

— Это я, Тиффани.

Ему никто не ответил, и он открыл дверь ванной комнаты. Она и не могла ответить, так как ничего не слышала. Она лежала в пустой ванне лицом вниз, зажав уши руками. И даже когда он взял ее на руки и поцеловал в щеку, она не до конца осознала, что происходит, и судорожно прижалась к нему, проводя пальцами по его лицу и груди, чтобы убедиться, что это действительно он.

Бонд невольно дернулся, когда ее пальцы задели рану на боку, и она отпрянула, посмотрела ему в глаза, а потом — на свои пальцы в крови и на его ставшую алой от крови рубашку.

— Боже мой, ты ранен, — произнесла она и, забыв о только что пережитом кошмаре, сорвала с него рубашку, промыла рану и забинтовала ее полосами полотенца, разрезанного опасной бритвой, принадлежавшей одному из убитых.

Она ни о чем не спрашивала, пока Бонд собирал ее брошенную на пол одежду и давал ей указания: одеться и не выходить из ванной, пока он не приведет каюту в порядок и не протрет все предметы, где могли остаться отпечатки их пальцев.

Она просто стояла и смотрела на него сияющими от счастья и слез глазами. Она ничего не сказала и после того, как Бонд поцеловал ее в губы.

Бонд улыбнулся ей, вышел из ванной, закрыл за собой дверь и принялся за

дело. Каждое движение его было рассчитано, но он поминутно останавливался, чтобы взглянуть на ту или иную деталь каюты глазами полицейских детективов, которые поднимутся на борт корабля в Саутгемптоне.

Сначала он завернул тяжелую пепельницу в свою окровавленную рубашку и, размахнувшись, швырнул ее в волны, как можно дальше от корабля. Пиджаки двух мужчин он оставил висеть на крючках на двери каюты, но вынул из их карманов носовые платки, обмотал ими руки и обыскал стенные шкафы. Найдя в одном из них чистые рубашки беловолосого, он выбрал одну из них и одел на себя. Затем, заскрипев зубами от боли, Бонд приподнял толстяка, снял с него рубашку, подошел к иллюминатору, вынул «беретту», прижал ее к тому месту на рубашке, где уже была дырочка от пули, и выстрелил еще раз. Теперь на рубашке были видны следы пороха, способные заронить в умы детективов версию о самоубийстве. Он надел рубашку на мертвеца, тщательно вытер платком «беретту» и вложил ее в правую руку толстяка так, чтобы его указательный палец лежал на спусковом крючке.

После этого он взял с вешалки пиджак Кида, одел его на его владельца, подтащил беловолосого к иллюминатору, поднатужился и вытолкнул труп.

Бонд протер иллюминатор и, переводя дыхание, еще раз осмотрел каюту. Подумав, он подошел к карточному столику, стоявшему у стенки и сохранившему все атрибуты незаконченной игры, опрокинул его, опять подошел к толстяку, достал у него из кармана пачку банкнот и бросил ее рядом с рассыпавшимися на полу картами.

Вроде бы все соответствует. Конечно, не совсем понятно, как оказалась пуля в матрасе Кида, но можно подумать, что первый выстрел толстяка не попал в цель. «Беретта» выстрелила три раза, и на полу можно было отыскать как раз три гильзы. Две пули вполне могли застрять в теле Кида, теперь уже унесенного волнами Атлантики. Надо было еще забрать две простыни из этой каюты. Их исчезновение может показаться странным, но почему бы не предположить, что толстяк запеленал в них тело жертвы, прежде чем вытолкнуть его через иллюминатор. Это можно приписать взвинченности Уинта, которая якобы, и заставила его потом, после большого карточного проигрыша, застрелить партнера и застрелиться самому.

Во всяком случае, подумал Бонд, так будет представляться ситуация до тех пор, пока на борту не появится полиция. Но к тому времени и он, и Тиффани уже сойдут на берег и исчезнут. Единственный оставленный им след — это «беретта», но на ней, как, впрочем, и на всех других видах огнестрельного оружия, принадлежащих Службе, не было номера, и выйти на владельца было невозможно.

Бонд вздохнул и пожал плечами. Теперь — взять простыни, отвести Тиффани к нему в каюту так, чтобы никто не видел, отвязать и выбросить в море веревку из простынь, запасные обоймы и пустую кобуру, а потом — спать, спать и спать, прижавшись к телу любимой девушки, которая будет рядом всегда.

Всегда?

Повернувшись, чтобы идти в ванную, Бонд встретился взглядом с потухшими глазами мертвеца.

И в этих глазах бывшего человека с группой крови, знание о которой уже ничем ему не поможет, Бонд прочитал немой упрек: «Ничто не вечно, мистер. Только смерть приходит навсегда. Ничто не вечно, кроме того, что ты сделал со мной...»

25. Конец цепочки

В корнях огромного куста терновника, стоявшего на границе трех американских государств, больше уже не было скорпиона. Контрабандисту не на что было теперь переключить свое внимание, разве что на бесконечные вереницы рабочих муравьев, снующих между насыпанными муравьями-солдатами «брустверами» в три

сантиметра высотой.

Было жарко и душно, и человек, сидящий в тени куста, сгорал от нетерпения, чувствуя себя не в своей тарелке. Он пришел на это место встречи в последний раз. Это уж точно. Придется им подыскивать себе кого-нибудь другого. Сам он, конечно, будет честен до конца. Скажет, чтобы больше они на него не рассчитывали, и даже назовет причину: у него в кабинете появился новый помощник, который что-то подозрительно мало понимает в зубной хирургии. Конечно же, этот «помощник» приставлен следить за ним. Может, кто-то из его ребят уже попался? Может, кто-то уже дал показания против него?

Контрабандист сменил положение. Где же этот чертов вертолет? Он взял комок сухой земли и бросил его в муравьев. Муравьи засуетились, их движение стало хаотичным. Но вот уже бросились на помощь муравьи-солдаты и стали быстро-быстро уничтожать комок земли. Через несколько минут от него не осталось и следа.

Человек снял ботинок и хлопнул им по колонне муравьев. Новое замешательство. Но муравьи тут же набросились на своих погибших собратьев, жадно сожрали их, путь опять был свободен, и черные ручейки потекли с прежней стремительностью.

Человек выругался и надел ботинок. Черные твари! Он им сейчас покажет! Приподнявшись и прикрыв рукой лицо от шипов терновника, он начал топтать муравьев и в запальчивости даже выскочил из-под куста. Теперь им надолго хватит, чем заняться!

Он вдруг сразу забыл о муравьях и прочих черных тварях и стал напряженно прислушиваться, повернувшись на север. Слава богу! Он отправился за фонариками и за пакетом с алмазами, которые как всегда лежали в сумке с инструментами.

В километре от него спрятанная в кустах большая тарелка радиолокатора уже давно засекала движущуюся точку. Оператор, продолжая называть параметры движения цели стоявшим у военного грузовика трем мужчинам, сказал:

— Пятьдесят километров. Скорость — двести. Высота — триста метров.

Бонд посмотрел на часы.

— Кажется время встречи — полночь в полнолуние, — сказал он. И добавил: — И он опаздывает на десять минут.

— Похоже на то, сэр, — ответил ему офицер из гарнизона Фритауна, стоявший рядом. Он повернулся к третьему:

— Капрал. Позаботьтесь, чтобы металл не проглядывал сквозь камуфляжную сетку. А то луна его сразу высветит.

Грузовик стоял под прикрытием кустов на проселочной дороге, ведущей через равнину к деревушке Телебалу во Французской Гвинее. Несколько часов назад они спустились на нем в долину, как только локатор засек шум от мотоцикла зубного врача. Они ехали, не включая фар, и остановились сразу же, когда остановился мотоцикл, и когда его владелец мог бы обнаружить их приближение. Они накинули камуфляжную сетку на грузовик со стоявшими в его кузове локатором и спаренным зенитным пулеметом «бофор». Так они и стояли, не зная, что ожидать: другой мотоцикл, всадника на лошади, джип, самолет?

Но теперь уже был отчетливо слышен отдаленный шум в небе.

— Это вертолет, — сказал Бонд. — Больше ни на что не похоже. Приготовьтесь снять сетку сразу же после того, как он сядет. Может быть, надо будет дать предупредительную очередь. А громкоговоритель включен?

— Так точно, сэр, — ответил другой капрал, следивший за экраном локатора.

— Цель приближается очень быстро. Через минуту он уже будет виден. Видите, там зажглись огоньки, сэр? Должно быть там он и приземлится.

Бонд увидел четыре слабых столбика света и стал вглядываться в темноту

африканской ночи.

Итак, вот он — последний член банды. Или первый? Человек, которого он впервые увидел в Хэттон-гардене. Главарь банды Спэнгов, которая так высоко котиновалась в Вашингтоне. Единственный (кроме безобидного «Тенистого»), с которым Бонду еще не пришлось встречаться в смертельной схватке. И убивать. Он вспомнил драку в салуне «Розовая подвязка». Или почти убивать... Он вообще не хотел убивать этих людей. М. дал ему задание только все разузнать про них. Но они, по очереди, пытались убить его самого или его друзей. Единственным их методом было насилие. И они прибегали к нему без колебаний. Насилие и жестокость — вот их единственный метод. В Лас-Вегасе двое из «шевроле» стреляли в него и ранили Эрни Курео. Двое из «ягуара» чуть не убили Эрни и первыми начали стрелять в него. Серафимо Спэнг сначала отдал приказ пытать Бонда до полусмерти, а потом пытался застрелить их с Тиффани, а когда это не удалось — раздавить паровозом. Уинт и Кид поработали и над жокеем Беллом, и над Бондом, и над Тиффани. Из этих семи человек он убил пятерых. Убил не потому, что получал от этого удовольствие, а потому, что кто-то должен был это сделать рано или поздно. На его стороне было везение и три друга — Феликс, Эрни и Тиффани. И бандитам пришлось умереть.

Теперь уже летит сюда последний, человек, отдавший приказ о том, чтобы убили Бонда и Тиффани, человек, который по словам М. наладил сбыт алмазов, организовал всю цепочку и несколько лет руководил ею.

В разговоре по телефону М. был очень краток и довольно резок. Он позвонил в Боскомби, на базе ВВС, где Бонд уже практически садился в «канберру», чтобы лететь во Фритаун. Ему пришлось говорить с М. из кабинета командующего базой под свист и рев самолетных двигателей за окном.

— Рад, что ты вернулся благополучно.

— Благодарю вас, сэр.

— О каком это двойном убийстве на «Куин Элизабет» пишут газеты? — в голосе М. чувствовалось нечто большее, нежели простое подозрение.

— Это о двух убийцах, членах банды, сэр. Они путешествовали под фамилиями Уинтера и Киттериджа. Палубный стюард сказал мне, что они поссорились за игрой в карты.

— И что, стюарду можно поверить?

— Вполне, сэр. Довольно правдоподобная версия, сэр.

Пауза.

А что думает по этому поводу полиция?

— Не знаю, сэр. Они меня не спрашивали, сэр.

— Я поговорю с Вэллансом.

— Да, сэр, — сказал Бонд. Он знал, что значила в устах М. эта фраза: если этих двоих убил Бонд, все будет дальше делаться так, что ни имя Бонда, ни название службы в ходе расследования упоминаться не будут.

— В любом случае, — продолжал М., — это были мелкие сошки. А вот Джек Спэнг или Руфус Сей или «АВС» или как он там себя еще называет, — это другое дело. Я хочу, чтобы ты занялся им самим. Насколько понимаю, он возвращается сейчас к началу цепочки. Консервирует ее. И видимо, убивает по дороге: устраняет разомкнувшиеся звенья. В конце цепочки — зубной врач. Попробуй взять их обоих. Последние дни с врачом бок о бок работал «2084», и во Фритауне считают, что все совершенно ясно. Но дело есть дело. Его надо закрыть, а тебе вернуться, чтобы приняться за настоящую работу. А то ерунда какая-то. Мне с самого начала все не нравилось. Везения больше, чем продуманных действий, по крайней мере.

— Да, сэр, — сказал Бонд.

— А что с этой девицей, с Кейс? — спросил М. — Я тут говорил с Вэллансом. Так он сказал, что ему не хотелось бы возбуждать против нее дело, если, конечно, ты не

будешь настаивать.

Не показалось ли Бонду, что голос М. стал чуть-чуть слишком равнодушным? Бонд быстро сказал:

— Она мне очень помогла, сэр. — И чтобы избежать вопросов, тут же добавил: — Может быть вы подождете с решением до того, как я представлю полный отчет?

— Где же она в настоящий момент?

Трубка в руке Бонда стала влажной от пота.

— Она сейчас едет в Лондон, сэр. На взятом напрокат «даймлере». Она будет жить в моей квартире. В отдельной комнате, разумеется, сэр. У меня прекрасная домоправительница. Она за ней присмотрит, пока я не вернусь. Уверен, что все будет хорошо.

Бонд достал платок и вытер вспотевший лоб.

— Ну, разумеется, разумеется, — сказал М. без тени иронии.

— Хорошо. Желаю удачи.

Пауза.

— Осторожнее там. И, — голос как-будто неожиданно охрип, — не думай, что я расстроен тем, как ты вел себя до сих пор. Несколько превысил полномочия, конечно, но в целом оказал достойный отпор всем этим... До свидания, Джеймс.

— До свидания, сэр.

Бонд вышел на улицу и остановился, глядя в небо, подумал, что хорошо, когда рядом с тобой и М., и Тиффани, хорошо, когда дело подходит к концу, и, в надежде, что все закончится быстро и просто и что скоро он будет опять дома, направился к трапу.

Контрабандист стоял и ждал с фонариком в руке. Вот он, вертолет. Опять со стороны луны и опять со страшным шумом. Еще одна неприятная встреча, от которой он бы с радостью избавился.

Вертолет спускался все ниже, и наконец, завис метрах в семи над головой. Из кабины высунулась рука с фонариком и просигналила букву "А". С земли заморгал другой фонарик: "В" и... "С". Лопасты распрямились, и огромное железное насекомое опустилось на землю.

Пыль улеглась. Контрабандист наблюдал за пилотом, спускающимся по маленькой лесенке. На летчике был шлем и летные очки. Странно. И ростом он был, пожалуй, повыше немца. Контрабандист испугался. Кто же это? Он медленно направился к вертолету.

— Принес? — из-за стекол очков на него смотрели холодные глаза. Летчик повернул немного голову, и глаза стали не видны. В свете луны матовые стекла очков превратились в два блестящих светлых круга. Черный кожаный шлем казался сделанным из железа.

— Принес, — нервно сказал контрабандист. — А где немец?

— Он больше не прилетит, — ответил пилот. Блеск очков слепил зубного врача. — Я — «АВС», и я прекращаю деятельность цепочки.

Он говорил с американским акцентом. Голос звучал решительно и веско.

— Ах, вот как.

Контрабандист сунул руку за пазуху, извлек влажный от пота бумажный пакет и протянул его пилоту, как трубку мира.

— Помоги мне залить бензин.

Это был приказ начальника подчиненному, и привыкший беспрекословно повиноваться начальству врач бросился помогать изо всех сил.

Работали они молча. Но вот работа закончена, и они оба опять стоят у трапа. Контрабандист напряженно думал: говорить или нет? Наконец, он заговорил, стараясь, чтобы его голос звучал как голос равноправного партнера, того, кто знает, как обстоит дело, и может контролировать ситуацию.

— Я все обдумал и, боюсь...

Он внезапно замолк, и рот его стал открываться в крике.

Пилот выстрелил три раза. Врач-контрабандист вскрикнул, упал лицом в пыль, дернулся и замер.

— Не двигаться! — загремел над равниной усиленный громкоговорителем металлический голос. — Вы окружены!

Раздался звук заработавшего мотора.

Пилот не стал дожидаться дальнейших указаний. Он взлетел по лесенке в кабину, захлопнул дверцу и нажал стартер. Мотор взревел, лопасти винтов медленно набирали скорость, пока не превратились в два сверкающих серебром круга. Вертолет рывком поднялся в воздух и стал быстро набирать высоту.

На земле резко затормозил грузовик, и Бонд моментально оказался в седле перед расчехленными «бофорами».

— Вверх! — бросил он сидевшему у колес поворота и высоты капралу, переключая селектор на «одиночный огонь». — Влево — десять!

— Я буду подавать трассирующие, — сказал стоявший рядом с Бондом офицер, держащий в руках две обоймы с пятью окрашенными в желтый цвет снарядами.

Бонд поставил ноги на гашетки. Вертолет был сейчас прямо в центре прицела.

— Аккуратно, — тихо сказал Бонд.

Выстрел, и трассирующий снаряд ушел в темное небо.

— Ниже и левее.

Капрал орудовал колесами прицела.

Выстрел.

Снаряд прошел над поднимающимся все выше вертолетом. Бонд переключил селектор на «огонь очередями». Движение это он проделал неохотно. Теперь вертолет обречен. Он опять должен убивать...

Пять выстрелов слились в один.

Небо озарилось разрывами. Вертолет продолжал подниматься, но теперь он уже разворачивался на север.

Хвостовой винт вдруг вспыхнул желтым пламенем, и до них докатилось эхо взрыва.

— Попали, — сказал офицер. Он поднял бинокль ночного видения.

— Хвост как отрезало, — продолжал он, перейдя на взволнованный шепот. — Боже! Кабина вертится волчком. Пилоту сейчас не сладко...

— Надо еще стрелять? — спросил Бонд, держа вертолет на прицеле.

— Нет, сэр, — сказал офицер. — Хотелось бы, конечно, взять его живьем. Но, похоже, что... да, он уже не в состоянии управлять машиной. Пошел вниз. Видимо, что-то произошло с основными винтами. Падает.

Бонд поднял голову и, прикрыв от света луны глаза ладонью, посмотрел вверх.

Да. Падает. Всего лишь в трехстах метрах над их головами вертолет беспомощно вращался, теряя высоту, скрежеща металлом и описывая круги.

В нем был Джек Спэнг. Человек, отдавший приказ убить Бонда. Отдавший приказ убить Тиффани. Человек, которого Бонд видел всего несколько минут в его кабинете в Хаттэн-гардене. Руфус Б. Сэй. Совладелец «Бриллиантового дома». Вице-президент европейского филиала. Человек, привыкший играть в теннис в Саннингдейле и раз в месяц ездить в Париж. «Образцовым гражданином» назвал его М. Мистер Спэнг из банды Спэнгов, только что хладнокровно застреливший человека — последнего из скольких?

Бонд попытался представить себе, что происходит сейчас в тесной кабине вертолета: Спэнг, одной рукой держась за какую-нибудь скобу, судорожно вертит рукоятки и дергает рычаги, видя, как стрелка альтиметра неумолимо приближается к нулю. В глазах — ужас, а пакет с алмазами на сто тысяч фунтов — лишь ненужный

дополнительный груз, и пистолет, который с детства давал ощущение силы, — уже ничем не может помочь.

— Он падает прямо на куст, — крикнул капрал, пытаясь перекрыть рев вертолетных винтов.

— Теперь ему конец, — сказал капитан самому себе.

Они услышали, как в последний раз натужно взвыл двигатель, и, затаив дыхание, следили, как разрезая винтами воздух, вертолет накренился вниз и устремился по небольшой дуге прямо на терновый куст, и рухнул прямо на него.

Не успело утихнуть эхо от падения вертолета, как из самой глубины куста послышался глухой удар, и в небо, на мгновение затмив луну и озарив ярко-оранжевым светом всю равнину, взметнулся столб огня и дыма.

Первым заговорил капитан.

— Ух, — произнес он с чувством. Потом опустил бинокль и повернулся к Бонду. — Ну, что, сэр, — сказал он уже совершенно спокойно. — Дело сделано. Боюсь только, что раньше утра нам к обломкам не подобраться. А до того, как можно будет начать ковыряться в них, и еще несколько часов пройдет. А как только мы начнем — сюда принесутся французские пограничники. Мы-то с ними, слава богу, всегда поладим, а вот губернатору придется вволю повыкручиваться, объясняя в Дакаре, что к чему.

Капитан явно думал уже о той кипе бумаг, которые ему предстоит написать. Столь радужная перспектива заставила его вспомнить об усталости. Того, что и как произошло за сегодняшний день, для него — и так предостаточно. Поэтому не было удивительно, что он спросил:

— Вы не возражаете, если мы пока подремлем?

— Валийте, — сказал Бонд и посмотрел на часы. — Лучше заберитесь под грузовик, а то солнце взойдет уже часа через четыре. Я совсем не устал, так что поспежу, не начнет ли огонь распространяться.

Офицер с любопытством посмотрел на молчаливого загадочного человека, неожиданно прибывшего неизвестно откуда на территорию протектората в сопровождении телеграмм и звонков: «оказывать полное содействие в любое время дня и ночи». Если уж даже сейчас не вздремнуть... Но Фритауну лучше в эти дела не лезть. Пусть ими Лондон занимается. Там им виднее.

— Спасибо, сэр, — сказал капитан и спрыгнул с грузовика.

Бонд медленно снял ноги с пулеметных гашеток и откинулся на жесткую спинку сиденья. Автоматически, не спуская глаз с горящего куста, его руки полезли в карманы полинявшей армейской рубашки, позаимствованной у одного из офицеров гарнизонной роты, за зажигалкой и сигаретами. Он вытащил сигарету, закурил и сунул портсигар и зажигалку обратно в карман.

Итак, алмазной цепочке конец. Перевернута последняя страница. Он глубоко затаился и выдохнул дым сквозь сжатые зубы. Шесть-ноль в его пользу. Шесть трупов. Партия сделана.

Бонд протянул руку и вытер покрытый испариной лоб, отбросив прилипшие к нему волосы. Зарево высветило его суровое лицо и отразилось в усталых глазах.

Вот каким оказался конец банды Спэнгов, последнее звено цепочки. Но это не конец алмазов, лежащих сейчас там, в огне. Они выживут и вновь отправятся в свое победное шествие по миру. Может быть, и обесцветившиеся, но не уничтоженные. Бриллианты — вечны. Как смерть.

Он вдруг вспомнил пустые глаза мертвеца, так заботившегося при жизни о своей группе крови. Они лгали. Смерть — вечна. Но и бриллианты тоже вечны. Они не подвластны смерти.

Бонд спрыгнул с грузовика и зашагал к горящему кусту. Он усмехнулся про себя. Вся эта чепуха про смерть и бриллианты — слишком патетична для него. Для Бонда

это просто завершение очередного приключения. Еще одного приключения, эпитафией к которому могли бы стать слова Тиффани. Он представил себе, с какой иронией она бы произнесла эти слова:

— Читать про все это гораздо занятнее, чем принимать непосредственное участие...